

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия **Психологические
науки**

РОЛЬ БАЗИСНЫХ УБЕЖДЕНИЙ ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ
ТРАНЗИТИВНОСТИ ОБЩЕСТВА

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК О ЖИЗНЕННЫХ
ДОСТИЖЕНИЯХ И УСПЕШНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СЕМИНАРИИ

МАРКЕРЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ
НА ПЕНСИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

2023 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2023 / № 2

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки); 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" on the following scientific specialties: 5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology (psychological sciences); 5.3.3. Labor psychology, human engineering, cognitive ergonomics (psychological sciences); 5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment (psychological sciences); 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8514 (print)

2023 / № 2

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. — д-р психол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. — д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. — к. псих. н., доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Иванников В. А. — академик Российской академии образования, д-р психол. наук, проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карабанова О. А. — д-р психол. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карри К. — д-р психол. наук, Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. — д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва), Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. — д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения

Митина Л. М. — д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. — д-р психол. наук, профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Улица Н. Э. — д-р психол. наук, координатор исследований, Хайфский университет (Государство Израиль)

Утлик Э. П. — д-р психол. наук, проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. — д-р ист. наук, проф., Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова

Шнейдер Л. Б. — д-р психол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный университет

Эрнер И. — д-р психол. наук, проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.psymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. — 2023. — № 2. — 136 с.

© ГУП, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.psymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences”
Moscow Region State University

———— Issued 4 times a year ————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Dr. Sci. (Psychology), Prof., State University of Education

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., State University of Education

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., State University of Education

Members of Editorial Board:

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

O. A. Karabanova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Lomonosov Moscow State University

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., State University of Education

L. M. Mitina – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Salem State University (Massachusetts, USA)

N. Ulitsa – Dr. Sci. (Psychology), Research Coordinator, University of Haifa (Israel)

E. P. Utlik – Dr. Sci. (Psychology), Prof., State University of Management

M. V. Firsov – Dr. Sci. (History), Prof., I.M. Sechenov First Moscow State Medical University

L. B. Shneider – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in Psychology, Prof., City University of New York (USA)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences” is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73333

Index of series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (www.cyberleninka.ru), as well as at the sites of the Moscow Region State University (www.psymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences. – 2023. – no. 2. – 136 p.

© State University of Education, 2023.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.psymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

<i>Васильева И. В., Чумаков М. В.</i> Специфика семантического пространства представлений о волонтерстве у студентов	6
<i>Воробьева К. И., Кузнецова Д. С., Бадерко А. В.</i> Различия представлений о религии в обыденном сознании воцерковлённых и невоцерковлённых людей	19
<i>Дмитриева Ю. А., Калашиникова А. С.</i> Гибкость мышления как ресурс переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций.	36
<i>Зекерьяев Р. И.</i> Эмоциональная направленность личности, склонной к троллингу.	50
<i>Маркина О. С.</i> Роль базисных убеждений для психологического благополучия личности в условиях транзитивности общества.	61
<i>Савельева В. А.</i> Эмоциональный интеллект и эмоциональные предвосхищения при принятии многоэтапных решений	74

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

<i>Лисичкина А. Г., Трушина И. А., Емельянова Л. А.</i> Представления юношей и девушек о жизненных достижениях и успешности в контексте профессионального самоопределения	87
---	----

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Забелина Е. В., Данилова А. А., Волосатова О. С.</i> Маркёры социализации и восприятие времени жизни на пенсии: результаты качественного анализа	99
<i>Куба Е. А.</i> Психосемантический подход к изучению влияния пандемии (COVID–19) на сферы жизни	113
<i>Трушина И. А., Веденеева Е. В., Артемьева В. А., Телицына А. Ю.</i> Факторы поздней социализации: теоретический анализ	123

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

<i>I. Vasileva, M. Chumakov.</i> The Specificity of the Semantic Space of Students' Volunteering Representations	7
<i>K. Vorobyova, D. Kuznetsova, A. Baderko.</i> Differences of Ideas About Religion in the Everyday Consciousness of Churchbound and Unchurched People	20
<i>Yu. Dmitrieva, A. Kalashnikova.</i> Flexibility of Thinking as a Resource for Experiencing Stressful and Frustrating Situations	36
<i>R. Zekeriaev.</i> Emotional Orientation of a Person Prone to Trolling	50
<i>O. Markina.</i> The Role of World Assumptions in Psychological Well-Being of Personality in Transitivity the Society	61
<i>V. Saveleva.</i> Emotional Intelligence and Emotional Anticipations in Decision-Making Strategies	74

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

<i>A. Lisichkina, I. Trushina, L. Emelyanova.</i> Boys' and Girls' Perceptions of Life Achievements and Success in the Context of Professional Self-Determination	88
---	----

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

<i>E. Zabelina, A. Danilova, O. Volosatova.</i> Markers of the Socialization and Life Time Perception of Pensioners: The Results of a Qualitative Analysis	100
<i>E. Kuba.</i> Psychosemantic Approach to Studying the Impact of the Pandemic (Covid-19) on the Spheres of Life	113
<i>I. Trushina, E. Vedeneeva, V. Artemeva, A. Telitsyna.</i> Factors of Late Socialization: Theoretical Analysis	124

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-6-18

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЛОНТЁРСТВЕ У СТУДЕНТОВ

Васильева И. В.^{1,2}, Чумаков М. В.^{3,4}

¹ Тюменский государственный университет
625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6, Российская Федерация

² Тюменский институт повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел России
625000, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, Российская Федерация

³ Курганский государственный университет
640020, г. Курган, ул. Советская, д. 63, стр.4, Российская Федерация

⁴ Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19, Российская Федерация

Аннотация

Цель: Выявить различия в структуре представлений о волонтерстве у студентов университета, имеющих и не имеющих опыта волонтерской деятельности.

Процедура и методы: 173 участника формулировали ассоциации на слово «волонтерство». Обработка данных: частотный анализ, z-тест.

Результаты. Между группами отсутствуют статистически значимые различия в частоте семантических групп ассоциаций относительно волонтерства. Таким образом, представления студентов, не имеющих опыта волонтерской деятельности, адекватно отражают содержание и смысл этой деятельности. Единственное отличие касается рейтинга семантической группы ассоциаций, связанных с деятельной вовлечённостью. У студентов, не имеющих опыта волонтерства, эта группа занимает четвертую позицию из пяти возможных, а у студентов-волонтеров – вторую позицию.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты данного исследования могут применяться при подготовке участников волонтерского движения в университетах.

Ключевые слова: волонтеры, вуз, волонтерская деятельность, представления, студенты

THE SPECIFICITY OF THE SEMANTIC SPACE OF STUDENTS' VOLUNTEERING REPRESENTATIONS

I. Vasileva^{1,2}, M. Chumakov^{3,4}

¹ University of Tyumen

ul. Volodarskogo 6, Tyumen, 625000, Russian Federation

² Tyumen Institute for Advanced Training of Employees
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ul. Amurskaya 75, Tyumen, 625000, Russian Federation

³ Kurgan State University

ul. Sovetskaya 63, Kurgan, 640000, Russian Federation

⁴ Ural State University

ul. Mira 19, Kurgan, 620002, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify differences in the structure of representations about volunteering among university students with and without experience in volunteering.

Methodology. 173 participants formulated associations to the word "volunteer". Data processing: frequency analysis, z-test.

Results. There are no statistically significant differences between the groups in the frequency of semantic groups of associations regarding volunteering. Thus, the ideas of students who do not have experience in volunteering adequately reflect the content and meaning of this activity. The only difference concerns the ranking of the semantic group of associations associated with active involvement. For students with no experience of volunteering, this group occupies the fourth position out of five possible, and for student volunteers - the second position.

Research implications. The results of this study can be used in the preparation of participants in the volunteer movement at universities.

Keywords: volunteers, university, volunteering, representations, students

Введение

Значимость волонтерской деятельности в актуальных социальных условиях становится выше. В нашей стране всегда были значимы традиции добровольной помощи как на бытовом уровне (путём самоорганизации), так и на государственном, когда помощь организовывалась централизованно. Кризисные события последних лет во всём мире продемонстрировали жизненную необходимость в волонтерах для самых разных групп населения и в разных ситуациях. Содержание волонтерской деятельности расшири-

лось, оно не только распространяется теперь на помощь социально-уязвимым группам населения или помощь людям в кризисной ситуации, но и включает в себя добровольную помощь в организации крупных мероприятий (спортивных, культурных). Разворачиваются новые формы волонтерской деятельности и вовлекаются новые группы участников. Однако всё также значимыми остаются вопросы: «Кто может быть волонтером?», «Есть ли отличия между волонтерами и теми, кто никогда не участвовал в волонтерской деятельности?», «Как привлекать

новых участников в волонтерские проекты?». Особый интерес в этой связи вызывает студенчество как та часть населения, на которую государство делает ставку в построении будущего.

Теоретический обзор литературы по проблеме исследования

Принципиальная важность волонтерства как вида деятельности связана не только с социальной, экономической, психологической пользой для тех, кому помогает волонтер, но и с пользой, которую он получает. Очевидно, что эта польза связана с обретением знаний и умений, с получением общественного признания, расширением полезных социальных связей [8; 13]. Однако есть и неочевидные психологические бонусы, связанные с участием человека в волонтерской деятельности [5]: 1) идентичность с сообществом на разных уровнях – от конкретных людей до государства; 2) субъектность в ситуациях, связанных с угрозой значимым потребностям (как своим, так и других людей); 3) психологическое благополучие, формируемое за счёт предыдущих двух компонентов. Особенную значимость деятельности волонтеров придаёт то, что они находят те социально-значимые проблемы общества, которые не очевидны для административно организованных структур [4; 6]. Исследования показывают, что опыт участия в волонтерской деятельности является предиктором формирования просоциального гражданского поведения у молодых людей [17].

Принять участие в качестве самостоятельного волонтера, т. е. найти сферу реализации своей конструктивной активности, потенциальным волонтерам

зачастую непросто. В качестве барьера может выступать настороженность относительно необходимости проверки потенциально мошеннических случаев, привлечения специальных средств и знаний для оказания помощи, отсутствия достаточных индивидуальных ресурсов и необходимости объединения усилий нескольких человек для решения сложной задачи по оказанию помощи. Посредничество университета в качестве организатора между волонтерами и теми, кто нуждается в помощи, полезно всем участникам процесса. Содействие университета как институции в организации волонтерских проектов повышает значимость как самого университета, так и помощи, которую оказывают волонтеры под его брендом. Для самих студентов-волонтеров участие в таких проектах становится более полезным, безопасным, контролируемым [10; 11; 14]. Показано также, что волонтерство под узнаваемым брендом организации более привлекательно для потенциальных участников [12].

Несмотря на традиционно ценностное отношение к помощи другому человеку в отечественной культуре [7], значимыми остаются вопросы «Каковы способы вовлечения студентов в волонтерскую деятельность?» [2] и «Каковы способы сохранения этой вовлеченности?».

На материалах, связанных с изучением волонтерства в период пандемии COVID-19, получены данные о том, что люди участвуют в волонтерской деятельности в экстремальных ситуациях с большей вероятностью, в то время как в обычных условиях жизнедеятельности они с меньшей вероятностью были бы участниками долго-

срочных, постоянных волонтерских программ [16; 18].

Исследователи указывают на то, что важно согласовывать представления о содержании деятельности, о целях и ценностях, о потенциальной пользе со всеми участниками проекта: и с теми, кому оказывается помощь, и с теми, кто эту помощь оказывает, и с теми, кто занимается организацией волонтерского проекта [15].

Предлагается структурировать систему вовлеченности волонтеров, опираясь на принципиально важные аспекты обеспечения успешности волонтерской деятельности. На первом месте – ценностный аспект, далее управленческий, физический (разные формы компенсации для волонтеров) и поддерживающий (коммуникационный) аспекты [9]. Принципиально, что в разных исследованиях ценностный аспект обеспечения волонтерства выступает на первый план.

Вовлечение студентов в волонтерскую деятельность предполагает изучение представлений у них об этой деятельности. Представления выступают когнитивным компонентом, сопровождающим деятельность и располагающим к её реализации [1]. Адекватность и полнота представлений являются необходимой предпосылкой для начала деятельности и важным фактором её устойчивости. Если представления, предшествующие деятельности, не отражают существенных признаков, связанных с её содержанием, возникает риск разочарования и прекращения деятельности. Нельзя не учитывать того факта, что представления об этой деятельности неизбежно в некоторой степени уточняются, корректируются в процес-

се реальной деятельности. Одной из форм существования представлений является семантическое пространство.

В теоретическом плане значим вопрос о соотношении семантического пространства и реальной деятельности [3]. Соответствующее семантическое пространство является очевидной предпосылкой внешней деятельности, но не всегда реализуется в ней. Опыт участия в деятельности переструктурирует семантическое пространство, которое с ней связано. Происходит перераспределение компонентов семантического пространства, на приоритетные места выходят те компоненты, которые связаны с непосредственной реализацией и активностью. Изучение представлений студентов, имеющих опыт деятельности в какой-либо области и не имеющих этого опыта, позволяет эмпирически выявить, каким образом деятельность трансформирует семантическое пространство, а также определить, насколько адекватны предварительные представления потенциальных участников о деятельности.

Представления являются компонентами семантического пространства. Представления в данном исследовании – это вербализуемый образ, характеристика его качества и/или действия. В рамках «лингвистической гипотезы» предполагается, что те слова, которыми человек пользуется в описании жизненного явления, отражают его отношение к этому явлению.

Принципиальная научная новизна исследования состоит в том, что на эмпирическом уровне осуществляется сравнение представлений различных групп студентов, выделенных по критерию их вовлеченности в деятельность.

Представление результатов и обсуждение исследования

Выборка состояла из студентов Тюменского государственного университета и Курганского государственного университета (173 человека). Из них 75 студентов не имели опыта волонтерской деятельности, 98 человек имели опыт участия в волонтерстве. Среди участников исследования 140 девушек и 33 юноши. Из них 127 обучаются на программах бакалавриата, 27 – на программах магистратуры и 19 – на программах специалитета.

Сбор данных осуществлялся посредством методики «ассоциативный эксперимент» в рамках психосемантического подхода. Участники формулировали ассоциации, которые у них возникали со словом «волонтерство». Каждый участник должен был дать девять ассоциаций, выраженных тремя разными частями речи: глаголом, прилагательным и существительным – по три слова одной части речи. Обработка данных проводилась с помощью частотного анализа. Встречаемость наиболее частотных категорий в группах студентов-волонтеров и студентов без опыта волонтерства сравнивалась с помощью z-теста для сравнения двух групп (двусторонняя значимость).

Все ассоциации, предложенные участниками, были организованы по принципу полного совпадения формы слова и подсчета частот этих совпадений. Ассоциации, которые по смыслу отражали близкие, родственные феномены, были организованы в семантические группы. Таким образом, по результатам данных участников исследования с опытом волонтерской деятельности и без такового было со-

ставлено пять групп: 1) помощь как основная функция волонтера; 2) деятельная вовлеченность; 3) безвозмездность; 4) эмоциональный отклик, эмоциональная вовлеченность, эмоциональное отношение; 5) характеристика межличностных отношений (табл. 1 и табл. 2).

Выделенные семантические группы неоднородны по своему наполнению. Семантическая группа «помощь как основная функция волонтера» связана не только с собственно помощью, но и с разными контекстами этой помощи: выручкой, заботой, поддержкой, спасением. Однако понятие «помощи» является центральным для данной смысловой категории в соответствии с разницей в частотах использования.

Семантическая группа «деятельная вовлеченность» предполагает такие контексты, как: активность, участие, действие. Кроме того, она связана с такими аспектами, как работа, труд. Ещё один аспект касается необходимости организации труда и активности. Таким образом, эта группа отражает волевой, деятельный компонент представлений о волонтерстве.

Семантическая группа «безвозмездность» отражает бескорыстный характер помощи и активности. Помимо собственно безвозмездности, эта семантическая группа включает бесплатность, бескорыстие, стремление что-то отдавать другим людям.

Семантическая группа, связанная с эмоциональной окраской представлений и деятельности, имеет такие аспекты, как сочувствие, понимание, милосердие и отзывчивость. Самое значительное место по частоте упоминания в этой семантической группе занимает доброта.

Таблица 1 / Table 1

Семантическое поле представлений о волонтерстве у студентов, не имеющих опыта волонтерской деятельности / The semantic field of ideas about volunteering among students who do not have experience in volunteering

Семантические группы	Ассоциации	Абсолютная частота встречаемости в выборке	Абсолютная частота/ранг/ процент встречаемости в выборке
Помощь как основная функция волонтера	помогать–63, помогающий–1, помощник–2, помощь–68	134	184/ 1/ 27,3%
	выручать–6	6	
	поддерживать–15, поддерживающий–1, поддержка–8	24	
	спасать–10, спасающий–1, спасение–1	12	
	забота–4, заботиться–2, заботливый–2	8	
Деятельная вовлеченность	организация–1, организовывать–3	4	47/ 4/ 7%
	трудиться–4, трудолюбивый–2	6	
	участвовать–4, соучаствовать–1	5	
	активность–3, активный–8	11	
	работа–2, работать–4, работник–1, действовать–2	7	
	делать–10, деятельность–2	12	
Безвозмездность	безвозмездность–3, безвозмездный–13	16	41/ 5/ 6,1%
	бескорыстие–2, бескорыстность–3, бескорыстный–10	15	
	бесплатный–7	7	
	отдавать–3	3	
Эмоциональный отклик, эмоциональная вовлечённость, эмоциональное отношение	отзываться–1, отзывчивость–5, отзывчивый–8	14	96/2 14,2%
	сочувствовать–3	3	
	понимание–1, понимать–2, понимающий–3	6	
	милосердствовать–1, милосердие–4, милосердный–1	6	
	доброта–9, добрый–23, добросердечное–1, добродушный–4, доброжелательный–6 добро–24	67	
Характеристика межличностных отношений	любить–3, любящий–1	4	75/3 11,1%
	благородие–1, благородный–5, благородство–1	7	
	дружба–4, дружить–1, дружный–1, дружелюбный–1	7	
	искрений–6, искренность–1	7	
	добровольный–24, добровольцы–4, добровольческий–1, добровольчество–5	32	
	ответственность–2, ответственный–5	7	
	полезный–8, польза–3	11	

Источник: данные авторов.

Таблица 2 / Table 2

Семантическое поле представлений о волонтерстве у студентов, имеющих опыт разной волонтерской деятельности / The semantic field of ideas about volunteering among students with experience in various volunteer activities

Семантические группы	Ассоциации	Абсолютная частота встречаемости в выборке	Абсолютная частота/ранг/ процент встречаемости в выборке
Помощь как основная функция волонтера	помогающий–5, помощник–2, помогать–75, помощь–88, подмога–1, взаимопомощь–2	173	215/ 1/ 24,4%
	выручать–5	5	
	поддерживать–5, поддерживающий–1, поддержка–10	16	
	спасательный–2, спасать–8	10	
	забота–4, заботиться–2, заботливый–5	11	
Деятельная вовлечённость	организация–6, организовывать–9	15	103/ 2/ 11,7%
	труд–3, трудиться–2, трудолюбивый–1	6	
	участвовать–16, участие–6, участник–2	24	
	активничать–1, активность–2, активный–9	12	
	работа–5, работать–10	15	
	действие–2, действовать–10, действующий–1	13	
Безвозмездность	делать–13, дело–2, деятельный–1, деятельность–2	18	49/ 5/ 5,6%
	безвозмездность–6, безвозмездный–13	19	
	бескорыстие–1, бескорыстный–12, бескорытность–4	17	
	бесплатный–5	5	
Эмоциональный отклик, эмоциональная вовлечённость, эмоциональное отношение	отдавать–8	8	100/ 3/ 11,3%
	отзываться–1, отзывчивость–3, отзывчивый–5	9	
	сочувственный–1, сочувствие–1, сочувствовать–1, сочувствующий–3	6	
	понимание–1, понимать–1, понимающий–5	7	
	милосердие–3, милосердный–4	7	
Характеристика межличностных отношений	доброжелательный–2, добросердечный–1, доброта–8, добрый–32, добро–28	71	97/ 4/ 11%
	любовь–8	8	
	благородный–5	5	
	друг–1, дружба–3, дружелюбный–2, дружить–1	7	
	искренний–4	4	
	доброволец–11, добровольное–12, добровольность–4, добровольный–10, добровольчество–4	41	
	ответственность–15	15	
	полезный–8, польза–9	17	

Источник: данные авторов.

Семантическая группа «характеристика межличностных отношений» отражает искренний, дружелюбный и благородный характер волонтерства. В этой категории подчёркиваются любовь как характеристика межличностных отношений, а также польза и ответственность. Однако центральным для данной семантической группы является добровольность отношений и деятельности, в которые вступают участники.

Исследования мотивации волонтеров в странах Центральной и Восточной Европы [13] показывают, что волонтеры имеют не только альтруистическую мотивацию, но и мотивацию карьерного роста, расширения полезных социальных связей. Однако эти виды мотивов не нашли отражения в ответах участников данного исследования. Полагаем, что это может быть связано не только с культурными особенностями, но и с региональными. Для регионов Урала и Сибири традиционно характерна ценность взаимопомощи, и она является, безусловно, значимой и социально одобряемой.

Отсутствуют статистически значимые различия в представлениях о волонтерстве между группами студентов,

имеющих опыт разной волонтерской деятельности и не имеющих такового (табл. 3).

Независимо от того, вовлечены или нет студенты в волонтерскую деятельность, их представления относительно её содержания и характеристик адекватны. Этот вывод мы можем сделать на основе того, что если бы их представления не соответствовали действительности, то при включении в собственно волонтерскую деятельность структура представлений претерпевала бы существенные изменения.

Различия между участниками волонтерской деятельности и студентами, не имеющими опыта участия в ней, состоят только в ранговой позиции семантической группы, характеризующей деятельную вовлечённость. У студентов, участвующих в волонтерской деятельности, эта семантическая группа занимает второй ранг, тогда как у студентов без опыта волонтерства она стоит на четвёртом, предпоследнем месте. Выделенные семантические группы представлений о волонтерстве составляют семантическое пространство представлений об этой деятельности у студентов.

Таблица 3 / Table 3

Разница между пропорциями в группах волонтеров и неволонтеров / The difference between the proportions in groups of volunteers and non-volunteers

Семантические группы	Значение z-теста при сравнении двух групп	Значение p (двусторонняя значимость)
Помощь как основная функция волонтера	-0,43	0,66
Деятельная вовлечённость	1,03	0,29
Безвозмездность	-0,13	0,88
Эмоциональный отклик, эмоциональная вовлечённость, эмоциональное отношение	-0,57	0,56
Характеристика межличностных отношений	-0,02	0,98

Источник: данные авторов.

Включение в деятельность активизирует определённые семантические маркеры, повышает их рейтинг в структуре представлений. Для привлечения студентов к волонтерской деятельности можно сознательно структурировать их семантическое пространство. Полученные результаты показывают следующее: чтобы представления о волонтерстве перерастали в реальную активность по оказанию помощи, необходима организация этой активности. Эти результаты показывают перспективу применения методик увеличения волевой активности.

Таким образом, реальный опыт волонтерства отразился в семантическом пространстве представлений об этой деятельности. С содержательной точки зрения представления обеих групп студентов – очень сходны и отражают существенные признаки волонтерской деятельности. Разница между группами представлений студентов носит структурный характер. Деятельная вовлечённость студентов-волонтеров занимает более весомую структурную позицию в их семантическом пространстве.

Особенности семантического пространства волонтеров позволяют дать основание для построения точной спецификации психодиагностических методик оценки волонтеров.

Заключение

Результаты, полученные в нашем исследовании, показывают, что предварительные представления о волонтерской деятельности у студентов адекватны и отражают её существен-

ные характеристики. Участие в волонтерской деятельности трансформирует семантическое пространство представлений о ней. Эта трансформация выражается в том, что в структуре представлений акцентируется активный деятельностный компонент.

Представления о волонтерской деятельности содержат следующие семантические группы: 1) помощь как основная функция волонтера; 2) деятельная вовлечённость; 3) безвозмездность; 4) эмоциональный отклик, эмоциональная вовлечённость, эмоциональное отношение; 5) характеристика межличностных отношений. У студентов, имеющих опыт волонтерской деятельности, деятельная вовлечённость занимает более высокую ранговую позицию.

Для оптимизации вовлечения студентов в волонтерскую деятельность: 1) не требуется специальная информационная подготовка для потенциальных участников волонтерского движения, поскольку они понимают смысл деятельности; 2) для тех, у кого нет опыта волонтерства, необходимо акцентировать деятельностную вовлечённость.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в том, чтобы выявить специфику представлений о волонтерстве у студентов разного уровня обучения. Это позволит ответить на вопрос: «Связано ли погружение в обучение с вовлечением в волонтерскую деятельность?».

Статья поступила в редакцию 10.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева М. М. Возможности психосемантического подхода для анализа профессиональной активности современных специалистов // Вестник Московского государственного университета. Серия 14: Психология. 2021. № 2. С. 100–122.
2. Бархаев А. Б. Социально-психологические условия вовлечения волонтеров в деятельность общественных организаций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2009. № 1 (3). С. 79–87.
3. Васильева И. В., Чумаков М. В. Представления студентов-психологов о волонтерской деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 5 (128). С. 161–169. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-5-128-161-169.
4. Литвинова Е. С., Бушмина О. Н. К вопросу о студенческом волонтерстве // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 55–56. DOI: 10.26140/bgz3-2021-1002-0012.
5. Мазниченко М. А., Папазян Г. С., Попов Д. И. Исследование развивающего потенциала студенческого событийного волонтерства // Вестник Российской международной академии туризма. 2019. № 2. С. 24–34.
6. Перич Ю., Лeko Симич М., Певная М. В. Поколение Z и волонтерство: перспектива национальной культуры // Образование и наука. 2021. № 23 (1). С. 44–72. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-1-44-72.
7. Рассадина Т. А. Традиционные ценности русской культуры // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 44–58.
8. Расходчикова М. Н., Сачкова М. Е. Взаимосвязь психологических особенностей студентов и их готовности к волонтерской деятельности // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 6. С. 85–95. DOI: 10.17759/pse.2019240608.
9. Arnon L., Almog-Bar M., Cnaan R. A. Volunteer Engageability: A Conceptual Framework [Электронный ресурс] // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2022. № 28. URL: <https://journals.sagepub.com> (дата обращения: 30.03.2023).
10. Bazan D., Nowicki M., Rzymiski P. Medical students as the volunteer workforce during the COVID-19 pandemic: Polish experience // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2021. № 55. P. 102–109. DOI: 10.1016/j.ijdr.2021.102109.
11. Evans C., Yusof Z. N. Volunteering: A viable alternative work experience for university students? [Электронный ресурс] // Industry and Higher Education. 2022. URL: <https://journals.sagepub.com> (дата обращения: 30.03.2023). DOI: 10.1177/09504222221093180.
12. Febriani D. M., Selamet J. College Students' Intention to Volunteer for Non-profit Organizations: Does Brand Image Make a Difference? // Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing. 2020. № 32 (2). P. 166–188. DOI: 10.1080/10495142.2019.1656136.
13. Fényes H., Markos V., Mohácsi M. Volunteering Among Higher Education Students as Part of Individual Career Management // Corvinus Journal of Sociology and Social Policy. 2021. № 12 (2). P. 3–22. DOI: 10.14267/CJSSP.2021.2.1.
14. Geng Y., Huang C. C., Deng G. Volunteering and psychological wellbeing in college students in China // Asian Social Work and Policy Review. 2022. № 16. P. 185–196. DOI: 10.1111/aswp.12258.
15. Haski-Leventhal D., Paull M., Young S. The multidimensional benefits of university student volunteering: Psychological contract, expectations, and outcomes // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2020. Vol. 49. № 1. P. 113–133. DOI: 10.1177/0899764019863108.
16. Kulik L. A multi-variable model for explaining long-term commitment to volunteering among COVID-19 volunteers // Analyses of Social Issues and Public Policy. 2022. Vol. 22. № 3. P. 794–816. DOI: 10.1111/asap.12322.

17. Sewell M. N., Napolitano C. M., Roberts B. W. The social, emotional, and behavioral skill antecedents to college students' volunteering during the COVID-19 pandemic [Электронный ресурс] // *Journal of Research on Adolescence*. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36717975> (дата обращения: 30.03.2023).
18. Wakefield J. R. H., Bowe M., Kellezi B. Who helps and why? A longitudinal exploration of volunteer role identity, between-group closeness, and community identification as predictors of coordinated helping during the COVID-19 pandemic // *British Journal of Social Psychology*. 2022. Vol. 61. № 3. P. 907–923. DOI: 10.1111/bjso.12523.

REFERENCES

1. Abdullaeva M. M. [Possibilities of the psychosemantic approach for the analysis of the professional activity of modern specialists]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of the Moscow State University. Series 14: Psychology], 2021, no. 2, pp. 100–122.
2. Barhaev A. B. [Socio-psychological conditions for the involvement of volunteers in the activities of public organizations]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences], 2009, no. 1 (3), pp. 79–87.
3. Vasil'eva I. V., Chumakov M. V. [Representations of students-psychologists about volunteer activities]. In: *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2022, no. 5 (128), pp. 161–169. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-5-128-161-169.
4. Litvinova E. S., Bushmina O. N. [On the issue of student volunteering]. In: *Baltiyskij gumanitarnyj zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2021, vol. 10, no. 2 (35), pp. 55–56. DOI: 10.26140/bg23-2021-1002-0012.
5. Maznichenko M. A., Papazyan G. S., Popov D. I. [Study of the developing potential of student event volunteering]. In: *Vestnik Rossijskoj mezhdunarodnoj akademii turizma* [Bulletin of the Russian International Academy of Tourism], 2019, no. 2, pp. 24–34.
6. Perich Yu., Leko Cimich M., Pevnaya M. V. [Generation Z and volunteering: the perspective of national culture]. In: *Obrazovanie i nauka* [Education and science], 2021, no. 23 (1), pp. 44–72. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-1-44-72.
7. Rassadina T. A. [Traditional values of Russian culture]. In: *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2008, no. 1, pp. 44–58.
8. Raskhodchikova M. N., Sachkova M. E. [Relationship between the psychological characteristics of students and their willingness to volunteer]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 85–95. DOI: 10.17759/pse.2019240608.
9. Arnon L., Almog-Bar M., Cnaan R. A. Volunteer Engageability: A Conceptual Framework. In: *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2022, no. 28. Available at: <https://journals.sagepub.com> (accessed: 30.03.2023).
10. Bazan D., Nowicki M., Rzymiski P. Medical students as the volunteer workforce during the COVID-19 pandemic: Polish experience. In: *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 2021, no. 55, pp. 102–109. DOI: 10.1016/j.ijdr.2021.102109.
11. Evans C., Yusuf Z. N. Volunteering: Available alternative work experience for university students? In: *Industry and Higher Education*, 2022. Available at: <https://journals.sagepub.com> (accessed: 30.03.2023). DOI: 10.1177/09504222221093180.
12. Febriani D. M., Selamet J. College Students' Intention to Volunteer for Non-profit Organizations: Does Brand Image Make a Difference? In: *Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing*, 2020, no. 32 (2), pp. 166–188. DOI: 10.1080/10495142.2019.1656136.

13. Fényes H., Markos V., Mohácsi M. Volunteering Among Higher Education Students as Part of Individual Career Management. In: *Corvinus Journal of Sociology and Social Policy*, 2021, no. 12 (2), pp. 3–22. DOI: 10.14267/CJSSP.2021.2.1.
14. Geng Y., Huang C. C., Deng G. Volunteering and psychological wellbeing in college students in China. In: *Asian Social Work and Policy Review*, 2022, no. 16, pp. 185–196. DOI: 10.1111/aswp.12258.
15. Haski-Leventhal D., Paull M., Young S. The multidimensional benefits of university student volunteering: Psychological contract, expectations, and outcomes. In: *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2020, vol. 49, no. 1, pp. 113–133. DOI: 10.1177/0899764019863108.
16. Kulik L. A multi-variable model for explaining long-term commitment to volunteering among COVID-19 volunteers. In: *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 2022, vol. 22, no. 3, pp. 794–816. DOI: 10.1111/asap.12322.
17. Sewell M. N., Napolitano C. M., Roberts B. W. The social, emotional, and behavioral skill antecedents to college students' volunteering during the COVID-19 pandemic. In: *Journal of Research on Adolescence*. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36717975> (accessed: 30.03.2023).
18. Wakefield J. R. H., Bowe M., Kellezi B. Who helps and why? A longitudinal exploration of volunteer role identity, between-group closeness, and community identification as predictors of coordinated helping during the COVID-19 pandemic. In: *British Journal of Social Psychology*, 2022, vol. 61, no. 3, pp. 907–923. DOI: 10.1111/bjso.12523.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильева Инна Витальевна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Института психологии и педагогики Тюменского государственного университета (ТюмГУ), профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России;

e-mail: i.v.vasileva@utmn.ru; ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0740-7260>

Чумаков Михаил Владиславович – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии Курганского государственного университета, профессор кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета имени Б. Н. Ельцина;

e-mail: mihailehv@mail.ru; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4381-5133>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Inna V. Vasileva – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Head of the Department of General and Social Psychology, Institute of Psychology and Pedagogy, Tyumen State University; Dr. Sci. (Philosophy), Foreign Languages and Humanitarian Training of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

e-mail: i.v.vasileva@utmn.ru; ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0740-7260>

Mikhail V. Chumakov – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Head of the Department of Psychology, Kurgan State University; Professor of the Department of General and Social Psychology, Ural Federal University named after B. N. Yeltsin;

e-mail: mihailehv@mail.ru; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4381-5133>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Васильева И. В., Чумаков М. В. Специфика семантического пространства представлений о волонтерстве у студентов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2023. № 2. С. 6–18.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-6-18

FOR CITATION

Vasileva I. V., Chumakov M. V. The specificity of the semantic space of students' volunteering representations. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 2, pp. 6–18.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-6-18

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-19-35

РАЗЛИЧИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕЛИГИИ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ ВОЦЕРКОВЛЁННЫХ И НЕВОЦЕРКОВЛЁННЫХ ЛЮДЕЙ

Воробьева К. И.¹, Кузнецова Д. С.², Бадерко А. В.³

¹ Тихоокеанский государственный университет

680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136, Российская Федерация

² Хабаровский краевой институт развития образования

680011, г. Хабаровск, ул. Забайкальская, д. 10, Российская Федерация

³ Независимый исследователь, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить различия в представлениях о религии в группах воцерковлённых и невоцерковлённых людей.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ представлений о религии воцерковлённых и невоцерковлённых людей методом психосемантики – семантическим дифференциалом. Семантический дифференциал строился на материале русской лексики. Слово-стимул: православная христианская религия. Метод обработки данных – факторный анализ.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в группе воцерковлённых людей прослеживается внутренняя деятельность по формированию, развитию и овладению собственным мировоззрением. У воцерковлённых также наблюдается почти полное отсутствие противоречий в представлениях о религии, в отличие от группы невоцерковлённых, из-за преобладания знаковой системы – опоры на текст Священного Писания. У невоцерковлённых представления о религии относятся к эмоциональной сфере и не затрагивают смысловой. Напротив, в группе воцерковлённых представления о религии осмыслены и выражают стремление к конечному смыслу или «сверхсмыслу».

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлены три основных различия в представлениях о религии в группах воцерковлённых и невоцерковлённых людей: 1. Позитивные – негативные; 2. Гуманистические – авторитарные; 3. Актуальные – неактуальные. Полученные результаты могут быть использованы для просвещения духовной культурой в различных социальных институтах.

Ключевые слова: личностный потенциал, образ мира, обыденное сознание, православное христианство, представления о религии, психология религии, семантический дифференциал

DIFFERENCES OF IDEAS ABOUT RELIGION IN THE EVERYDAY CONSCIOUSNESS OF CHURCHBOUND AND UNCHURCHED PEOPLE

K. Vorobyova¹, D. Kuznetsova², A. Baderko³

¹ *Pacific State University*

ul. Tihookeanskaja, 136, Habarovsk, 680035, Russian Federation

² *Khabarovsk Regional Institute of Education Development*

ul. Zabajkal'skaja, 10, Habarovsk, 680011, Russian Federation

³ *An Independent researcher, Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify differences in beliefs about religion in groups of churchbound and unchurched people.

Methodology. The main content of the study is the analysis of ideas about the religion of churchbound and unchurched people by the method of psychosemantics – semantic differential. The semantic differential was based on the material of Russian vocabulary. The incentive word: the Orthodox Christian religion. The method of data processing is factor analysis.

Results. The analysis has shown that in a group of churchbound people, internal activities for the formation, development and mastery of their own worldview can be traced. Besides, there is practically no contradiction in the ideas of religion among the churchbound people, unlike the group of unchurched people due to the predominance of a sign system: reliance on the text of Holy Scripture. For the unchurched people ideas about religion belong to the emotional sphere and do not affect the semantic one. On the contrary, in the group of churchbound people the ideas about religion are meaningful and express the desire for a final meaning or «super sense».

Research implications. Three main differences in the ideas of religion in the groups of churchbound and unchurched people have been identified: 1. Positive – negative; 2. Humanistic – authoritarian; 3. Relevant – irrelevant. The results obtained can be used for the enlightenment of spiritual culture in various social institutions.

Keywords: personal potential, image of the world, everyday consciousness, Orthodox Christianity, ideas about religion, psychology of religion, semantic differential

Введение

Актуальность данного исследования определена тем, что в психологии обыденное сознание понимается как основывающееся на непосредственном повседневном опыте людей, а представления о религии являются их мировоззрением. Поэтому мировоззренческие представления могут способствовать как пониманию, так и непониманию людьми друг друга и выражать, например, интолерантное, нетерпимое отношение. Множество войн на религиозной основе объясня-

ется, по нашему убеждению, именно непониманием мировоззрения другого человека.

Перейдём к проблеме исследования. Согласно А. А. Леонтьеву, существуют, помимо индивидуальных, ещё и инвариантные образы мира в сознании личности, присущие, например, какой-либо социальной группе [8]. Представления о религии выступают не только составляющими этих образов мира, но и являются их ядром – мировоззрением. Основываясь на теории инвариантных образов мира, мож-

но проследить сходства и различия в представлениях о религии в группах воцерковлённых и невоцерковлённых людей, т. е. проблема настоящего исследования состоит в раскрытии в обыденном сознании представлений о религии. Представления в общем исследовались разными авторами. Например, представлениями о национальной безопасности России занимались А. В. Платонов, С. А. Прокопьева [14]; динамикой социальных представлений о массмедиа – М. В. Жижина [7]; представлениями о религии – такие отечественные исследователи, как: К. И. Воробьева [1; 2], Д. Н. Долганов [5], М. В. Ефремова [6], Левада-Центр¹ и др., изучение обыденного сознания представлено в работе Е. В. Улыбиной [15]. Среди зарубежных исследователей религиозные представления изучали Э. Дюркгейм [17], Л. Леви-Брюль [19] и др.

Цель исследования: выявить различия в представлениях о религии в группах воцерковлённых и невоцерковлённых людей.

Задачи: 1. Провести теоретический анализ представлений о религии в обыденном сознании. 2. Провести эмпирический анализ представлений о религии в обыденном сознании воцерковлённых и невоцерковлённых людей. 3. Обобщить и сделать выводы о полученных результатах.

Объект: обыденное сознание.

Предмет: представления о религии воцерковлённых и невоцерковлённых людей.

Эмпирическое исследование проводилось методом семантического дифференциала.

Гипотеза исследования: существуют различия в представлениях о религии в обыденном сознании воцерковлённых и невоцерковлённых людей.

Теоретический анализ представлений о религии в обыденном сознании

Наше исследование мы начинаем с вопроса: «Как простое Существо Божие (а Оно именно простое, как утверждает теология) могло сотворить такую сложную структуру, как человеческое сознание?». Ведь философы и психологи сообщают, что сознание является сложным и многомерным образованием со свойствами расширения. Ответ на этот вопрос в какой-то степени даёт культурно-исторический подход, а именно – что сознание есть более позднее образование по сравнению с опосредующей его деятельностью. Деятельность, как считает основатель деятельностного подхода А. Н. Леонтьев, предшествует сознанию и психике. Он выделяет значение, личностный смысл и чувственную ткань в структуре сознания [9].

В психологии обыденное сознание понимается как основывающееся на непосредственном повседневном опыте людей, оно есть совокупность знаний, представлений, стереотипов и установок, преобладающих в обществе, которому они принадлежат, т. е. обыденное сознание включает элементы как индивидуального, так и общественного сознания. Проанализировав труды, относящиеся к обыденному сознанию, Е. В. Улыбина замечает, что «феномен обыденного сознания опи-

¹ Религиозные представления [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2022/05/16/religioznye-predstavleniya/> 16.05.2022 (дата обращения: 20.02.2023).

сывается как обладающий следующими специфическими особенностями: его содержание обладает внутренней противоречивостью, иррациональностью; обыденное сознание имеет социальную природу, разделяется большой группой людей; обыденное сознание тесно связано с языковой картиной мира» [15, с. 140].

Обыденное сознание опосредствуется символом, также как знаком – рефлексивное. Е. В. Улыбина пишет, что «символ может иметь форму изображения, звука, движения, слова – в художественном, поэтическом тексте, в обряде, ритуале» [15]. Исследователь приводит следующий пример того, что слово может являться символом – например, при начертании имени Иисуса, которое для верующих выражает сакральный смысл. С нашей стороны отметим, что символом раннего христианства была, например, рыба. Этот символ, однако, является вторичным и не единственным, вторичных символов множество. Тогда как М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский указывают, что первичных символов существует всего три: крест, колесо и дерево, перевёрнутое корнями вверх [11], т. е. в восточных и западных культурах изначально преобладал тот или иной первичный символ, опосредствуя обыденное сознание.

Е. В. Улыбина различает миф, обыденное сознание и рефлексивное, теоретическое сознание, считая, что обыденное сознание отличается от мифологического преобладанием символа, но и не исключает присутствия знака.

Рассмотрим понятие личностного потенциала как потенциала саморегуляции, который опосредствуется как обыденным, так и рефлексивным, те-

оретическим сознанием. «Личностный потенциал – это интегральная системная характеристика индивидуально-психологических особенностей личности, лежащая в основе способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий» [10, с. 5].

Перейдём к рассмотрению самоопределения в структуре личностного потенциала. *Самоопределение*, согласно Д. А. Леонтьеву, является подструктурой или составной частью личностного потенциала [10]. Согласно автору, «функция ориентации, или самоопределения выполняет задачу расширения спектра возможностей действия, которые может раскрыть для себя субъект, максимизации потенциальных смыслов, которые может нести в себе ситуация, и самоопределения по отношению к ним» [10, с. 515].

Теперь перейдём к понятию *реализации*, также выступающей неотъемлемой подструктурой личностного потенциала и выражающейся в проявлении активности субъекта в деятельности, в том числе и надситуативной, неадаптивной активности. Так, личность христианина – яркий пример проявления неадаптивности, подчёркивает архиепископ Марк Арндт: «Мы, христиане, – не от мира сего. И не должны приспосабливаться к этому миру»¹. Надситуативная активность

¹ Арндт М., архиеп. «Мы, христиане, – не от мира сего. И не должны приспосабливаться к этому миру» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/86610.htm> (дата обращения: 27.02.2023).

как преодоление адаптивности для христианина может проявляться в делах милосердия, молитвенном подвиге, подвижничестве и т. д. «Функция реализации осуществляет преодоление неопределённости, сужение спектра возможностей, совладание с их избыточностью» [10] при переходе к действию – объясняет Д. А. Леонтьев.

Последней подструктурой личностного потенциала, по Д. А. Леонтьеву, является *сохранение*. Самоопределение переходит к реализации через посредство этого потенциала. Информация о предыдущих действиях содержится именно здесь и оказывает влияние на реализацию последующих действий. К тому же «функция сохранения, или совладания, проявляется в ситуации противостояния неблагоприятным стрессогенным и травмирующим событиям» [10]. В целом Д. А. Леонтьев считает, что личностный потенциал осуществляется личностной структурой саморегуляции и выступает основой самодетерминации.

Следует отметить, что раскрытие личностного потенциала осуществляется именно по спирали против часовой стрелки, т. е. на расширение. В противоположность движению по часовой стрелке – на сжатие. К слову заметим, что крестный ход вокруг храма в православном христианстве идёт также – против часовой стрелки. По словам иеромонаха Иова (Гумерова), православные идут против хода солнца, т. е. навстречу солнцу, т. к. Спаситель мира Иисус Христос по определению Церкви является Солнцем Правды, т. е. мы идём навстречу нашему Господу. Таким образом, раскрытие личностного потенциала характеризуется расширением и всё большим

возрастанием свободы. Функцию же ответственности выполняет саморегуляция как централизующая, стабилизирующая и направляющая позиция субъекта. Интерпретация свободы как формы активности и ответственности как формы саморегуляции впервые была предложена Д. А. Леонтьевым и Е. Р. Калитеевской.

Такая категория, как совесть, по убеждению М. К. Мамардашвили, – это сверхъестественное в нас. Она регулирует наше поведение и даже порождает смысл; по В. Франклу, совесть есть орган смысла. Согласно нашему представлению, совесть – это голос Бога, обращённый к саморегуляции субъекта. Поэтому такие «нерациональные» поступки (с точки зрения здравого смысла), как бросание себя на амбразуру или добровольное самопожертвование в виде распятия, скорее всего, продиктованы голосом совести. «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода»¹.

Теперь посмотрим на религиозные отношения и представления как системные. Ещё А. Н. Леонтьев указывал на системность в становлении личности: «Субъект, вступая в обществе в новую систему отношений, обретает также новые – системные – качества, которые только и образуют действительную характеристику личности» [11]. Таким образом, А. Н. Леонтьев впервые высказал представление о личности как о системе деятельностей субъекта, в которой проявляются свойства охватывающей субъекта метасистемы.

¹ Ин. 12: 24.

Суть представления о религии как метасистеме можно выразить так: в религиозной системе Бог находится бесконечно за её пределами (трансцендентно) и в то же время «встроен» в неё (имманентно) как метасистема: «вы во Мне и Я в вас»¹. Другими словами, Бог живёт в нас и в то же время находится безгранично за пределами мира. Это говорит о вездесущии Бога.

Самодетерминация (self-determination) преобразуется в религиозной метасистеме в богодетерминацию (god-determination). Первопричина – Бог – становится единой с причиной – человеком. Эти отношения можно выразить термином синергизма, опираясь, в частности, на понятие синергетики как отношений неравновесных систем И. Пригожина [20]. Одна из идей Пригожина в том, что реальность открывается нам по мере активного становления, в котором мы участвуем. Мы делаем вывод, что личность выступает фактором построения нового порядка реальности. Яркий пример тому – Личность нашего Спасителя Иисуса Христа. Мы же призваны быть по подобию Его, реализуя свой личностный потенциал в богодетерминации, выражающейся в беспредельно имманентном и трансцендентном действиях (энергиях, согласно свт. Григорию Паламе) Божества, делающих нас богами по благодати, по-другому, происходит обожение (греч. *θέωσις*) (на что указывают, например, апостол Петр и преподобный Максим Исповедник).

Из вышесказанного следует, что деятельность субъекта по отношению к Богу носит творческий характер в качестве открытия нового.

Этот вывод подтверждается взглядом Н. А. Бердяева, который рассматривает отношения человека с Богом как сотворчество. Результат этого синергетического творческого процесса описал любимый ученик Христа Иоанн Богослов в видении небесного града Иерусалима: «И увидел я новое небо и новую землю»².

Далее рассмотрим представления о религии в сознании и мышлении первобытных людей (архаических племён). Так, Л. Леви-Брюль отмечает, что: «Мистические свойства предметов и существ образуют составную часть имеющегося у первобытного человека представления, которое в любой данный момент являет собой неразложимое целое» [19, с. 36], т. е. неразложимое целое в представлениях первобытного человека указывает на миф.

Проследим разницу касательно формы и содержания первобытной религии: у Леви-Брюля – это анимизм, у Дюркгейма – тотемизм. Представления о религии в первом случае характеризуются обожествлением умерших предков, во втором – поклонением и идентификацией с животным. Обозначим также два основных мотива религиозных ритуалов и церемоний первобытных людей – это достижение самосохранения и избегание опасности. Религия здесь осуществляет функцию преодоления и избавления от чувства страха, а также функцию интеграции общества.

Далее переходим к анализу религиозных представлений современных, цивилизованных людей, о которых сщмч. Ф. Орнатский пишет, что такие представления «возникают из рефлекс-

¹ Ин. 14: 20.

² Откр. 21: 1.

сии на религиозное чувствование, и суть не что иное, как описания того, как мы имеем Бога в своём благочестивом опыте; следовательно, значение их только символическое, а не объективно-познавательное» [13], т. е. в представлениях о религии современного человека в обыденном сознании присутствует уже элемент рефлексии своих чувств и доминирует символ, тогда как у первобытного человека преобладает мифическое нерелексивное сознание как неразложимое, непротиворечивое целое.

Далее, приведём некоторые экспериментальные данные. Так, Д. Н. Долганов в ходе эксперимента не обнаруживает значимых различий в религиозных представлениях между мужчинами и женщинами. Но ценностные ориентации, подчёркивает исследователь, являются более весомым фактором, который определяет различия семантических структур респондентов. «Люди, придерживающиеся традиционных ценностей, продемонстрировали усложнение семантических структур, тогда как испытуемые, ориентированные на другие ценности (адаптации, индивидуализации и т. д.), наоборот, продемонстрировали упрощение и хаотизацию представлений о религии» [5, с. 120].

И. Ф. Мягков, Ю. В. Щербатых, М. С. Кравцова в своём исследовании делают следующее заключение: «основными компонентами общего уровня религиозности у большинства испытуемых являлись вера в наличие высшей могущественной силы и потребность в поддержке с её стороны. Вера в магические обряды и суеверия, а также в не объяснённые или не подтвёржденные пока наукой таинствен-

ные явления, не коррелирует с уровнем религиозности в христианском её понимании. Другими словами, тенденция принимать на веру не доказанные логикой и знанием явления ещё не означает склонности к религии» [12]. Таким образом, представления о религии христиан не связаны с магическими обрядами и суевериями.

Далее, приведём результаты изучения ценностно-смысловых ориентаций православных студентов и студентов светского вуза. Приводя результаты своего эмпирического исследования, А. М. Двойнин заключает: «вербальная выраженность религиозной ценностно-смысловой ориентации у православных учащихся, живущих в миру, выше, чем у студентов светского вуза. При этом общая осмысленность молодёжью собственной жизни одинакова. На основе сравнительного и корреляционного анализа можно заключить, что вербально выражаемая религиозная ценностно-смысловая ориентация личности прямо не связана со степенью осмысленности личностью собственной жизни и функционирует относительно автономно от смысловых ориентаций» [3, с. 150–151]. Таким образом, при сходстве общей осмысленности жизни как религиозных, так и нерелигиозных людей вербальная выраженность религиозной ценностно-смысловой ориентации, характеризующейся наличием автономности, значительно выше у православных христиан, чем у светских людей, удовлетворённых общей осмысленностью жизни.

Значит, религиозная ценностно-смысловая ориентация не вписывается в общую осмысленность жизни, а выходит за пределы смыслов жизненного

мира. В. Франкл для этого ввёл специальный термин – «сверхсмысл» [18].

М. В. Ефремова в своём исследовании выявила: «Чем выше выраженность религиозной идентичности [у православных христиан], тем меньше значимость денег, ниже уровень активности в удовлетворении экономических потребностей, негативней отношение к конкуренции» [6, с. 153]. Однако позитивная религиозная идентичность студентов-христиан связана с установкой на экономическую конкуренцию по типу самореализации. Исследователь объясняет это тем, что «понятие самореализации в религиозном мировоззрении складывается из призывов Священного Писания трудиться и развивать свои таланты (Притча о талантах)¹, и такой вид конкуренции не противоречит религиозному мировоззрению, а подкрепляется им» [6].

У студентов-христиан также выражены надежда и любовь в большей степени, чем уважение, характерное для представлений студентов-мусульман. М. В. Ефремова связывает этот факт с особенностями мусульманской религии, в которой доминирует община. Важно заметить с нашей стороны, что влияние общины на личность христианина так же сильно выражено, как и в других конфессиях, только разница в том, что внутри христианской общины отношения складываются на основе свободы и любви – *соборности*, по выражению А. С. Хомякова, – как свободного единства в любви [16]. При этом автономность может вполне сочетаться с соборностью, т. к. закон Божий является не внешним по отношению к

личности, а всегда внутренним, обращённым к её внутреннему миру.

Следует также отметить, что представления о Боге в христианстве и исламе порождают непонимание между представителями этих двух конфессий. Так, для христиан не совсем понятно, какому единому Богу поклоняются мусульмане? И откуда они взяли имя своего Бога? Ответ мы находим в Священном Писании Ветхого Завета, на который мусульмане также опираются, считая иудеев людьми Писания. С еврейского языка слово Боги – «Элохим», именно оно употребляется в пятикнижии Моисея, т. е. в книге Бытия уже есть Откровение о множественности единого Бога. И в русском синодальном переводе там сказано: «И сказал Бог, *сотворим* человека по образу Нашему и по подобию Нашему»² (курсив наш – А. Б.). Откровение троичности Бога также дано в явлении трёх путников Аврааму. Мусульмане взяли единственное число от слова «Элохим» – «Элоах» и, в свою очередь, совершенно не понимают, почему христиане поклоняются, по их убеждению, трём Богам. По этому поводу прот. Андрей Ткачев говорит, что мусульманам образ троичного Бога нужно объяснять так: «Аллах Отец, Аллах Сын и Аллах Дух Святой». Таким образом, выражается единосущие Святой Троицы.

Можно сделать вывод, что представления о религии в обыденном сознании современного человека опосредствуются символами и сопровождаются рефлексией на религиозные чувства. Осуществление субъектом религиозной деятельности, преимущественно деятельности общения с Богом, обога-

¹ Мф. 25: 14–30.

² Быт. 1: 26.

щает его представления о религии всё новыми смыслами и способствует раскрытию личностного потенциала.

Эмпирическое исследование представлений о религии в обыденном сознании воцерковлённых и невоцерковлённых людей

Метод и выборка

Метод исследования: семантический дифференциал.

Семантический дифференциал строился на материале русской лексики. В результате получилось 40 пар дескрипторов. Словосочетание-стимул: «православная христианская религия». В исследовании приняли участие 206 человек: жители г. Комсомольска-на-Амуре, г. Хабаровска, г. Владивостока и г. Благовещенска. Первая группа – «воцерковлённые» – 103 человека. Вторая группа – «невоцерковлённые» – также 103 человека. Мужчины (40%) и женщины (60%) в возрасте от 35 до 65 лет. Образование высшее у 90% всех респондентов.

Цель исследования: выявить различия в представлениях о религии в

группах воцерковлённых и невоцерковлённых людей.

Гипотеза исследования: существуют различия в представлениях о религии в обыденном сознании воцерковлённых и невоцерковлённых людей.

Метод обработки данных: факторный анализ.

Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Ведущими факторами (вклад общей дисперсии – 50,2%, подавление веса – 0,5) являются:

– **фактор 1** (вклад общей дисперсии 27,6%) включает следующие составляющие: сильная (0,717), упорядоченная (0,695), определённая (0,659), милостивая (0,647), осмысленная (0,599), обогащающая (0,591), свободная (0,572), интересная (0,570), открытая (0,567); твёрдая (0,535), близкая (0,515), однозначная (0,501);

– **фактор 2** (вклад общей дисперсии – 6,7%) включает следующие составляющие: миролюбивая (0,745), комфортная (0,699), гуманная (0,677), компромиссная (0,655), реалистичная (0,651), лояльная (0,594), рациональная (0,515), безопасная (0,514);

Таблица 1 / Table 1

Группа «Воцерковлённые». Факторная структура представлений о православной христианской религии / The group «Churchbound». Factor structure of ideas about the Orthodox Christian religion

Факторы	Название фактора	Вклад фактора (%общей дисперсии)
1	Фактор 1. «Сильная»	27,6
2	Фактор 2. «Миролюбивая»	6,7
3	Фактор 3. «Соборная»	6,2
4	Фактор 4. «Простая»	5,5
5	Фактор 5. «Старая»	4,2

Источник: данные авторов.

Таблица 2 / Table 2

Группа «Невоцерковлённые». Факторная структура представлений о православной христианской религии / The group «Unchurched». Factor structure of ideas about the Orthodox Christian religion

Факторы	Название фактора	Вклад фактора (%общей дисперсии)
1	Фактор 1. «Спокойная»	30,7
2	Фактор 2. «Старая»	8,3
3	Фактор 3. «Соборная»	6,3
4	Фактор 4. «Трудная»	5,0
5	Фактор 5. «Общая»	4,3

Источник: данные авторов.

– **фактор 3** (вклад общей дисперсии – 6,2%) включает следующие составляющие: соборная (0,727), общая (0,676), коллективная (0,614);

– **фактор 4** (вклад общей дисперсии – 5,5%) включает следующие составляющие: простая (0,699), трудная (0,670), послушная (0,615);

– **фактор 5** (вклад общей дисперсии – 4,2%) включает следующие составляющие: старая (0,661), демократичная (0,558), гибкая (0,509).

Ведущими факторами (вклад общей дисперсии – 54,6%, подавление веса – 0,5) являются:

– **фактор 1** (вклад общей дисперсии – 30,7%) включает следующие составляющие: спокойная (0,774), близкая (0,734), радостная (0,721), сильная (0,712), интересная (0,674), открытая (0,611), адаптивная (0,600), милостивая (0,560), откровенная (0,555), не творческая и не рутинная (0,551), миролюбивая (0,515);

– **фактор 2** (вклад общей дисперсии – 8,3%) включает следующие составляющие: старая (0,670), гуманная (0,652), компромиссная (0,586), идеалистичная (0,561), комфортная (0,543), обогащающая (0,509);

– **фактор 3** (вклад общей дисперсии – 6,3%) включает следующие составляющие: соборная (0,657), определённая (0,604), зависимая (0,535), противоречивая (0,509);

– **фактор 4** (вклад общей дисперсии – 5,0%) включает следующие составляющие: трудная (0,709), твёрдая (0,666), напряжённая (0,599), властная (0,543);

– **фактор 5** (вклад общей дисперсии – 4,3%) включает следующие составляющие: общая (0,743), широкая (0,629), коллективная (0,577).

Обсуждение результатов

Таким образом, в результате проведённого факторного анализа выделено пять факторов в группе воцерковлённых людей (табл. 1) и также пять факторов в группе невоцерковлённых (табл. 2). Перейдём к обсуждению результатов.

А. А. Леонтьев раскрывает понятие инвариантных образов мира, а т. к. представления о религии выступают составляющими образа мира, то правомерно говорить о сходствах в этих представлениях внутри групп воцерковлённых и невоцерковлённых людей.

В группе воцерковлённых людей можно проследить внутреннюю деятельность по формированию, развитию и овладению собственным мировоззрением (в терминах Д. А. Леонтьева), т. е. рефлексивно-мыслительный процесс. Это видно из фактора 1. – сильная – 0,717; упорядоченная – 0,695; определённая – 0,659; осмысленная – 0,599. И факторов 4 и 5. – трудная – 0,670; послушная – 0,615; гибкая – 0,509.

Напротив, в группе невоцерковлённых людей прослеживается статичная структура в мировоззрении. Что наблюдается в отдельных дескрипторах с 1 по 4 фактор. – спокойная – 0,774; компромиссная – 0,586; зависимая – 0,535; противоречивая – 0,509; трудная – 0,709; твёрдая – 0,666; напряжённая – 0,599; властная – 0,543.

Коллективные представления, по Э. Дюркгейму, характеризуются тем, что передаются из поколения в поколение, носят иррациональный характер и т. д. В первой группе это выражается факторами 3 и 5. – соборная – 0,727; общая – 0,676; коллективная – 0,614; старая – 0,661; гибкая – 0,509.

Во второй группе это также выражено факторами 3 и 5. – соборная – 0,657; зависимая – 0,535; противоречивая – 0,509; общая – 0,743; широкая – 0,629; коллективная – 0,577, т. е. иррациональность социальных представлений более выражена во второй группе.

Отсутствие какой-либо сложности в Существе Божиим находит отражение в представлениях о религии воцерковлённых людей (4 фактор) – «Простая» с вкладом общей дисперсии – 5,5. В теории Ф. Е. Василюка внутренний жизненный мир может быть либо простым, либо сложным. Здесь

автор говорит о простоте как наличии всего одного мотива в сознании и деятельности человека. Но простота Существа Божия и простота религии заключается в отсутствии какой-либо сложности, т. к. если бы здесь присутствовала сложность, то она раскладывалась бы на отдельные элементы или единицы. Это совершенно неприемлемо в отношении Существа Божия, следовательно, Оно является простым (это же утверждает теология). «Где Дух Господень, там свобода»¹, – сказано в Священном Писании, а свобода не может быть сложной, она проста. Как говорится, всё гениальное – просто.

Самодетерминация в первой группе проявляется в дескрипторах – упорядоченная – 0,695; свободная – 0,572; осмысленная – 0,599. Саморегуляция – послушная – 0,615; гибкая – 0,509.

Обыденное сознание носит иррациональный, противоречивый характер, т. е. ему свойственны противоречия, согласно Е. В. Улыбиной. Во второй группе это подтверждается дескрипторами – противоречивая – 0,509; властная – 0,543; напряжённая – 0,599; твёрдая – 0,666; трудная – 0,709, с одной стороны, и спокойная – 0,774; близкая – 0,734; радостная – 0,721; определённая – 0,604 – с другой. Здесь налицо выявляется противоречие в представлениях невоцерковлённых людей. Кроме того, во второй группе прослеживается присутствие мифической составляющей в обыденном сознании как бессознательного и неразложимого целого, что отражено в факторе 5 «Общая», имеющем наименьший вес – 4,3. Общая – 0,743; широкая – 0,629; коллективная – 0,577.

¹ Второе послание к Коринфянам. 3: 17.

Для воцерковленных в их представлениях наблюдается практически отсутствие противоречий, что наиболее ярко выражается дескрипторами – определённая – 0,659; упорядоченная – 0,695; однозначная – 0,501; рациональная – 0,515; реалистичная – 0,651. По Е. В. Улыбиной, обыденное сознание не исключает рациональных составляющих и присутствия знака, т. е. обыденное сознание может носить в себе элементы рационального, однозначного (понятийный аппарат), упорядоченного, научного сознания. Это отражено в сознании воцерковлённых людей, потому что у них преобладает знаковая система: опора на текст Священного Писания и богослужебный текст на церковно-славянском языке.

В понимании У. Джемса существует личная религия или личное переживание религии [4]. Мы отмечаем, что это понятие свойственно обеим группам, как воцерковлённых, так и невоцерковлённых. Это отражено дескрипторами в факторе 2. в обеих группах – гуманная, комфортная. Человеку свойственно ставить в центр свои переживания, при этом не испытывая дискомфорта.

Обнаруживаются также сходства в обеих группах в следующих полученных факторах. Это фактор 3. «Соборная» с вкладом 6,2 в первой группе и 6,3 – во второй. А также фактор «Старая», являющийся фактором 5 с наименьшим вкладом – 4,2 в первой группе и фактором 2 с вкладом 8,3 – во второй. Однако это сходство лишь по форме, по содержанию же эти факторы имеют совершенно разное наполнение. Рассмотрим его.

Так, в первой группе в факторе «Соборная» наполнение следующее: соборная – 0,727; общая – 0,676; кол-

лективная – 0,614. Он может быть дополнен дескрипторами из факторов 1 и 2. – свободная – 0,572 и миролюбивая – 0,745. Можно сказать, что в сознании первой группы отражается понятие соборности, данное А. С. Хомяковым как свободное единство в любви. По-другому, соборность по Хомякову – это целостное сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям. В терминах Н. А. Бердяева – это коммунитарность, общинность. Соборность, также по Хомякову, является одним из главных условий национального единства и создания мощной державы (какой и является Россия), что выражено в первой группе в факторе 1. «Сильная» с вкладом общей дисперсии 27,6.

Во второй группе фактор «Соборная» имеет совершенно иное наполнение: соборная – 0,657; определённая – 0,604 – можно интерпретировать в смысле догмы; зависимая – 0,535; противоречивая – 0,509. Это говорит о некоей «круговой поруке» в понимании соборности у невоцерковлённых людей. В представлениях о соборности во второй группе прослеживается также авторитарность, что характерно для католической церкви, по словам Н. А. Бердяева, по мнению же Э. Фромма это присуще светской авторитарной «религии»: зависимая – 0,535; трудная – 0,709; а также властная – 0,543.

Переходим к описанию фактора «Старая». Так, в первой группе – это фактор 5 с наименьшим вкладом 4,2, имеющий следующее наполнение: старая – 0,661; демократичная – 0,558; гибкая – 0,509. Здесь проявляется гуманистичность древних устоев религии, их

жизненная гибкость в противоположность хрупкости и жёсткости.

Во второй группе «Старая» фактор 2. с вкладом 8,3, что говорит о большей значимости его по сравнению с первой группой. Наполнение также существенно отличается от первой группы: старая – 0,670; гуманная – 0,652; компромиссная – 0,586; идеалистичная – 0,561; а также комфортная – 0,543 и обогащающая – 0,509. Здесь мы видим несколько противоречивую структуру внутри этого фактора. Так, гуманная, по-другому – человеческая, может означать антропоцентризм как центральную роль человека в религии. Но старая и компромиссная выступают как древнее заблуждение, также компромисс может проявляться по отношению к греху (пример такого компромисса в истории – продажа индульгенций в Римско-католической церкви в Средневековье). Идеалистичная, т. е. далёкая от реализма, следовательно, является неактуальной. Получается, здесь религия гуманная, человеческая, но не актуальная и нереальная, с оттенком заблуждения. В идеале должна быть гуманной, человеческой, но на самом деле компромиссная по отношению к материальным ценностям – обогащающая саму себя. Комфортной она является также, скорее всего, в отношении к религиозной иерархической структуре. Сначала в раннем христианстве она была гуманной, потом в ходе истории превратилась в идеалистичную догму, запреты, инквизицию и анафематство. Можно заключить, что во второй группе представления о религии по данному фактору говорят о некоторых суевериях и предрассудках.

Далее переходим к понятию личностного потенциала в отноше-

нии к проведённому исследованию. *Самоопределение* как подструктура личностного потенциала в первой группе выражается по отношению к силе, порядку, свободе и смыслу (фактор 1). Во второй группе самоопределение противоречиво и выражено в зависимости (фактор 3) (это может быть страх в самоопределении по отношению к религиозному сообществу как боязнь зависимости).

Реализация как подструктура личностного потенциала в первой группе характеризуется главным образом послушанием – послушная – 0,615, а также трудом – трудная – 0,670. Во внутреннем же мире – это переживание простоты (в реализации религиозного культа) – простая – 0,699. Для второй группы реализация связана с проблемой адаптации – адаптивная – 0,600, и напряжённостью – напряжённая – 0,599.

Сохранение как последняя подструктура личностного потенциала в первой группе проявляется в гибкости – гибкая – 0,509, комфортности – комфортная – 0,699 – и осуществляется через соборное взаимодействие (например, помощь ближнему в трудной жизненной ситуации) – соборная – 0,727. Для второй группы потенциал сохранения ригидный, что выражается в трудности – трудная – 0,709 – и твёрдости – твёрдая – 0,666.

Заключение

В группе воцерковленных людей можно проследить внутреннюю деятельность по формированию, развитию и овладению собственным мировоззрением. Иррациональность социальных представлений более выражена во второй группе. Представления о рели-

гии воцерковлённых людей связаны с простотой и отсутствием какой-либо сложности. Выявляются также противоречия в представлениях невоцерковлённых людей, но для воцерковлённых в их представлениях наблюдается практически полное отсутствие противоречий, что связано тем, что они в своей жизни опираются на текст Священного Писания. Можно сказать, что в сознании первой группы отражается понятие соборности как свободного единства в любви к общим абсолютным ценностям. В представлениях о соборности во второй группе прослеживается авторитарность, представления о религии невоцерковлённых также говорят о некоторых суевериях и предвзвешенных суждениях. Здесь представления о религии находятся на уровне эмоций, но не смысла. Напротив, в группе воцерковлённых представления о религии осмыслены, они выражают стремление к конечному смыслу или «сверхсмыслу».

Таким образом, мы выделяем три основных различия в представлениях о религии в обыденном сознании между группами воцерковлённых и невоцерковлённых людей:

Первое: *позитивные – негативные*. Позитивные представления о религии в первой группе (воцерковлённых): сильная, осмысленная, миролюбивая.

И негативные представления во второй группе (невоцерковлённых): противоречивая, властная, напряжённая.

Второе: *гуманистические – авторитарные*. Гуманистические представления в первой группе: гуманная, демократичная, гибкая, свободная. И авторитарные представления во второй группе: властная, противоречивая, зависимая.

Третье: *актуальные – неактуальные*. Актуальные представления в первой группе: упорядоченная, осмысленная, реалистичная. И неактуальные представления во второй группе: старая, компромиссная, идеалистичная.

В заключение отметим, что религиозному, воцерковлённому человеку свойственно представлять не только Бога, но и самого себя как константу, на что указывает богослов В. П. Лега, тогда как для нерелигиозного, невоцерковлённого эволюциониста характерно представлять себя изменяющимся в изменяющемся мире, с доминированием ситуации неопределённости. Раскрытие личностного потенциала означает не столько эволюционное развёртывание, сколько приобщение к богодетерминации, по-другому, – к обожению.

Статья поступила в редакцию 09.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева К. И., Бадерко А. В. Исследование представлений о религии воцерковлённых и невоцерковлённых людей // Проблемы современного образования. 2022. № 4. С. 29–40. DOI: 10.31862/2218-8711-2022-4-29-40.
2. Воробьева К. И., Бадерко А. В. Религия как коллективное бессознательное // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. 19. № 4. С. 23–27.
3. Двойнин А. М. Смыслоразнозначные ориентации религиозной личности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2011. № 3 (22). С. 139–151.
4. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / пер. с англ. В. Г. Малахеевой-Мирович. М.: Академический проект, 2019. 415 с.

5. Долганов Д. Н. Семантические особенности религиозных представлений // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2014. № 3 (34). С. 110–121. DOI: 10.15382/sturIV201434.
6. Ефремова М. В. Взаимосвязь гражданской и религиозной идентичности с экономическими установками и представлениями: дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 176 с.
7. Жижина М. В. Динамика социальных представлений студенческой молодёжи о медиа в период с 2009–2012 по 2017–2018 гг. // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 87–98.
8. Леонтьев А. А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.
9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл: Академия, 2005. 352 с.
10. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 519 с.
11. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. (Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке). М.: Прогресс-Традиция, 2009. 216 с.
12. Мягков И. Ф., Щербатых Ю. В., Кравцова М. С. Психологический анализ уровня индивидуальной религиозности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 120–122.
13. Орнатский Ф. Учение Шлейермахера о религии. Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1884. 580 с.
14. Платонов А. В., Прокопьева С. А. Представления студентов о национальной безопасности России [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1 (67). URL: <https://research-journal.org> (дата обращения: 20.02.2023). DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.054.
15. Улыбина Е. В. Обыденное сознание в картине мира личности (Психосемантический подход): дис. ... д-ра психол. наук. Ставрополь, 1999. 368 с.
16. Хомяков А. С. Сочинения богословские. СПб.: Наука, 1995. 479 с.
17. Durkheim E. Examen critique des systèmes classiques sur l'origine de la pensée religieuse // Revue philosophique. 1909. № 1-2. P. 476–493.
18. Frankl V. Trotzdem Ja zum Leben sagen. Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager. München: Penguin Verlag, 2018. 320 p.
19. Levy-Bruhl L. La mentalité primitive // Philosophical Review. 1932. № 41. P. 543–556.
20. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos. Man's new dialogue with nature. London: Heinemann, 1984. 432 p.

REFERENCES

1. Vorobyeva K. I., Baderko A. V. [Research of ideas about religion of churchbound and unchurched people]. In: *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of modern education], 2022, no. 4, pp. 29–40. DOI: 10.31862/2218-8711-2022-4-29-40.
2. Vorobyeva K. I., Baderko A. V. [Religion as a collective unconscious]. In: *Social'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and humanitarian sciences in the Far East], 2022, vol. 19, no. 4, pp. 23–27.
3. Dvojnin A. M. [Meaningful orientations of a religious personality]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. Series 4: Pedagogy. Psychology], 2011, no. 3 (22), pp. 139–151.
4. James W. The varieties of religious experience. A study in human nature (Rus. ed.: Malahieva-Mirovich E. G., transl. *Mnogoobrazie religioznogo opyta*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2019. 415 p.).

5. Dolganov D. N. [Semantic features of religious ideas]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. Series 4: Pedagogy. Psychology], 2014, no. 3 (34), pp. 110–121. DOI: 10.15382/sturIV201434.
6. Efremova M. V. *Vzaimosvyaz' grazhdanskoj i religioznoj identichnosti s ekonomicheskimi ustanovkami i predstavleniyami: dis. ... kand. psihol. nauk* [The relationship of civil and religious identity with economic attitudes and ideas: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 2010. 176 p.
7. Zhizhina M. V. [Dynamics of social perceptions of student youth about mass media in the period from 2009–2012 to 2017–2018]. In: *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and modern research], 2018, vol. 7, no. 5A, pp. 87–98.
8. Leont'ev A. A. *Deyatel'nyj um (Deyatel'nost', Znak, Lichnost')* [Active mind (Activity, Sign, Personality)]. Moscow, Smysl Publ., 2001. 392 p.
9. Leont'ev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Smysl Publ., Akademiya Publ., 2005. 352 p.
10. Leont'ev D. A., ed. *Lichnostnyj potencial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. Moscow, Smysl Publ., 2011. 519 p.
11. Mamardashvili M. K., Pyatigorskij A. M. *Simvol i soznanie. (Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke)* [Symbol and consciousness. (Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language)]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2009. 216 p.
12. Myagkov I. F., Shcherbatyh Yu. V., Kravcova M. S. [Psychological analysis of the level of individual religiosity]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 1996, vol. 17, no. 6, pp. 120–122.
13. Ornatskij F. *Uchenie Shleiermahera o religii* [Schleiermacher's doctrine of religion]. Kiev, Printing house of G. T. Korchak-Novitsky, 1884. 580 p.
14. Platonov A. V., Prokop'eva S. A. [Students' perceptions of Russia's national security]. In: *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Scientific Research Journal], 2018, no. 1 (67). Available at: <https://research-journal.org> (accessed: 20.02.2023). DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.054.
15. Ulybina E. V. *Obydennoe soznanie v kartine mira lichnosti (Psihosemanticheskij podhod): dis. ... d-ra psihol. nauk* [Ordinary consciousness in the picture of the world of personality (Psychosemantic approach): Dr. Sci. thesis in Psychology]. Stavropol', 1999. 368 p.
16. Homyakov A. S. *Sochineniya bogoslovskie* [Theological writings]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. 479 p.
17. Durkheim E. Examen critique des systèmes classiques sur l'origine de la pensée religieuse. In: *Revue philosophique*, 1909, no. 1-2, pp. 476–493.
18. Frankl V. *Trotzdem Ja zum Leben sagen. Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager*. München, Penguin Verlag, 2018. 320 p.
19. Levy-Bruhl L. La mentalité primitive. In: *Philosophical Review*, 1932, no. 41, pp. 543–556.
20. Prigogine I., Stengers I. *Order out of chaos. Man's new dialogue with nature*. London, Heinemann, 1984. 432 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воробьева Клариса Ивановна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Тихоокеанского государственного университета;
e-mail: klarisav2011@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5812-8048>

Кузнецова Диана Сергеевна – кандидат социологических наук, начальник отдела развития инновационной и научно-исследовательской работы Хабаровского краевого института развития образования;

e-mail: diana150581@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0523-2578>

Бадерко Алексей Викторович – певчий местной религиозной организации православного прихода Кафедрального собора Святого пророка Илии г. Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края Амурской епархии Русской Православной Церкви;

e-mail: baderko81@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6643-1514>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Klarisa I. Vorobyeva – Dr. Sci. (Psychology), Prof. of the Department of Psychology, the Pacific State University;

e-mail: klarisav2011@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5812-8048>

Diana S. Kuznetsova – Cand. Sci. (Sociology), Head of the Department for the Development of Innovation and Research Work, the Khabarovsk Regional Institute for the Development of Education;

e-mail: diana150581@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0523-2578>

Aleksey V. Baderko – chorister of the local religious organization of the Orthodox parish of the Cathedral of the Holy Prophet Elijah in Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Territory, Amur Diocese of the Russian Orthodox Church;

e-mail: baderko81@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6643-1514>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воробьева К. И., Кузнецова Д. С., Бадерко А. В. Различия представлений о религии в быденном сознании воцерковлённых и невоцерковлённых людей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2023. № 2. С. 19–35.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-19-35

FOR CITATION

Vorobyeva K. I, Kuznetsova D. S., Baderko A. V. Differences of ideas about religion in the everyday consciousness of churchbound and unchurched people. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 2, pp. 19–35.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-19-35

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-36-49

ГИБКОСТЬ МЫШЛЕНИЯ КАК РЕСУРС ПЕРЕЖИВАНИЯ СТРЕССОВЫХ И ФРУСТРИРУЮЩИХ СИТУАЦИЙ

Дмитриева Ю. А., Калашникова А. С.

Южно-Уральский государственный университет

(национальный исследовательский университет)

454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить специфику структуры ресурсов переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций у студентов с разным уровнем переживания стресса.

Процедура и методы. Выборка исследования включала 65 студентов и была разделена на две группы по уровню переживания стресса. В исследовании использовались методика «Гибкость мышления» А. С. Лачинса, «Шкала психологического стресса PSM-25» Лемура-Тесье-Филлиона и фрустрационный тест Розенцвейга.

Результаты. На основании результатов факторного анализа установлено, что существует специфика структуры ресурсов переживания ситуаций стресса и фрустрации у студентов с разным уровнем стресса. Студенты с высоким уровнем стресса склонны обвинять внешнее окружение и использовать реакции самозащиты. Студенты с низким уровнем стресса, наоборот, ищут способы удовлетворения потребности, и гибкость мышления используется ими как ресурс успешного совладания со стрессом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование вносит вклад в изучение гибкости мышления как ресурса совладания со стрессовыми и фрустрирующими ситуациями. Выявленная специфика структуры ресурсов переживания стрессовых ситуаций позволит дополнить тренинговые программы совладания со стрессом.

Ключевые слова: гибкость мышления, переживание стресса, ресурсы переживания стресса, ситуации фрустрации, стресс

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 23-28-10216 «Прогноз эффективности студентов в проектной деятельности: математическое моделирование психологических ресурсов».

FLEXIBILITY OF THINKING AS A RESOURCE FOR EXPERIENCING STRESSFUL AND FRUSTRATING SITUATIONS

Yu. Dmitrieva, A. Kalashnikova

South Ural State University (national research university)

av. Lenina 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the specifics of the structure of resources for experiencing stressful and frustrating situations in students with different levels of stress.

© СС BY Дмитриева Ю. А., Калашникова А. С., 2023.

Methodology. The study sample included 65 students and was divided into two groups according to the level of stress experience. The study used the methodology “Flexibility of Thinking” by A.S. Lachins, “PSM-25 Psychological Stress Scale” by Lemur-Tessier-Fillion and the Rosenzweig frustration test.

Results. Based on the results of factor analysis, it was found that there is a specific structure of resources for experiencing situations of stress and frustration among students with different levels of stress. Students with high stress levels tend to blame the external environment and use self-defense reactions. Students with a low level of stress, on the contrary, are looking for ways to meet needs and flexibility of thinking is used by them as a resource for successful coping with stress.

Research implications. The research contributes to the study of thinking flexibility as a resource for coping with stressful and frustrating situations. The revealed specifics of the structure of resources for experiencing stressful situations will complement the training programs for coping with stress.

Keywords: flexibility of thinking, stress experience, stress experience resources, frustration situations, stress

Acknowledgments: This research was supported by an RSF grant No. 23-28-10216.

Введение

Глобальные процессы сегодня могут оказывать влияние на современное общество и даже на отдельных людей. Под глобальными рисками принято понимать вероятные события или условия, которые могут нанести серьёзный урон одновременно нескольким странам или отраслям мировой экономики, причинить значительный вред людям [14, с. 25]. Особенности эпохи цифровизации приводят к социальным изменениям, обусловленным возникновением состояния неопределённости. Так, цифровизация затрагивает когнитивную, коммуникативную, эмоциональную, социальную и психофизиологическую сферы развития человека [7; 12; 17].

Глобальные вызовы в эпоху цифровизации ставят перед личностью необходимость эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды. Одним из факторов, который определяет способность личности к успешной адаптации, принято считать гибкость мышления [11, с. 8].

Гибкость мышления проявляется в перестройке, изменении неэффективных способов решения задач и замене их на оптимальные [10, с. 9].

В психологических исследованиях можно выделить три основных подхода к пониманию гибкости мышления: как противоположность ригидности мышления, как компонент творческого мышления и как личностный ресурс [8; 13; 18].

Традиционным является рассмотрение гибкости мышления в качестве свойства, противоположного ригидности мышления. Под гибкостью мышления понимается способность человека эффективно адаптироваться к новым обстоятельствам, находить решения проблем, открытость к восприятию новой информации [8, с. 3].

Наиболее часто в психологических исследованиях гибкость мышления рассматривается как компонент творческого мышления. Дж. Гилфорд выделил два типа мыслительных операций: конвергентное, под которым понимается поиск единственного верного

решения проблемы, и дивергентное мышление, лежащее в основе творчества [13, с. 45]. Согласно концепции креативности П. Торренса, кроме гибкости мышления компонентами креативности также являются беглость, точность и оригинальность мышления. Схожие компоненты креативности, такие как гибкость, беглость, оригинальность, чёткость, чувствительность к проблемам и др., выделяют в своих работах и современные исследователи [5, с. 104]. Согласно Е. Е. Туник, компонентами креативности являются: дивергентное мышление, чувствительность к проблеме, способность к прогнозированию и др. [5, с. 107]. Однако гибкость мышления также может быть изучена отдельно от других компонентов творческого мышления, как самостоятельный фактор, не связанный с рабочей памятью и скоростью мышления [28, р. 96].

Другая точка зрения заключается в рассмотрении гибкости мышления в более широком смысле – как личностного ресурса, который позволяет адекватно реагировать на проблемные ситуации, ситуации фрустрации и стресса и поддерживать на оптимальном уровне психическое здоровье человека.

Рассмотрение гибкости мышления как личностного ресурса наиболее актуально в настоящее время, в эпоху цифровизации и глобальных рисков. Глобальные риски и цифровизация сопряжены с возникновением большого количества ситуаций стресса и фрустрации, вызванных ситуацией неопределённости, оказывающих влияние на личность [2; 26]. Важным оказывается не только необходимость эффективной адаптации к окружаю-

щей действительности, но и сохранение собственных ресурсов личности, в том числе эффективного переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций [15, с. 58].

Автор концепции стресса Г. Селье предложил следующее определение понятия «стресс»: неспецифическая реакция организма, которая возникает в ответ на неблагоприятные воздействия [16, с. 25]. Р. Лазарусом был предложен используемый на сегодняшний день подход к изучению стресса, разграничивающий «физиологический» и «психологический» стресс. Психологическим стрессом называется состояние, вызванное влиянием стрессогенных факторов, таких как перегрузки, состояния неопределённости и др. Выход из стрессовой ситуации может быть различен – как адаптация к сложившейся ситуации и рациональный выход из неё, внутреннее переживание стресса, так и внешние проявления, направленные на окружающих, – агрессия, асоциальное поведение.

По мнению Ф. Е. Василюка, необходимыми признаками фрустрирующей ситуации является наличие сильной мотивированности достичь цели (удовлетворить потребность) и преграды, препятствующей этому достижению. Переход ситуации затруднённости в ситуацию фрустрации осуществляется в двух измерениях – по линии утраты контроля со стороны воли, т. е. дезорганизации поведения, и/или по линии утраты контроля со стороны сознания, т. е. утраты «мотивосообразности» поведения, что на уровне внутренних состояний выражается соответственно в потере терпения и надежды. Г. Селье определял фрустрацию как «стресс рухнувшей надежды» [4; 16].

Поведение в фрустрирующей ситуации зависит от многих факторов: возрастных особенностей, личностных свойств, от силы фрустратора, привлекательности цели, от объёма «запруженной» психической энергии [9, с. 3]. В более развёрнутом виде реакции на ситуации фрустрации представлены в подходе С. Розенцвейга. Под фрустрацией в соответствии с теорией этого учёного принято понимать состояние, возникающее у человека в результате наличия препятствий к удовлетворению каких-либо жизненных потребностей. При этом люди по-разному реагируют на ситуации фрустрации. Возникающие в ситуациях фрустрации реакции разделяются на несколько типов: экстрапунитивные – направленные вовне, на других участников ситуации (обвинения, требования о помощи); интропунитивные – направленные внутрь, на самого человека (самообвинения, попытка самостоятельно решить ситуацию); импунитивные – стремящиеся избежать упреков других людей либо себя самого, временами проявляющиеся в игнорировании самой ситуации¹.

Гибкость мышления является важной способностью, позволяющей оптимально преодолеть ситуации стресса и фрустрации и сохранить личностные ресурсы в современных условиях [13; 19; 22].

Результаты исследования Т. Е. Левицкой и С. А. Богомаза показывают, что гибкость мышления может рассматриваться в качестве важного компонента личностного ресурса и механизма

адаптации к требованиям школьной среды у школьников. По мнению авторов, гибкость мышления следует рассматривать в широком смысле, в качестве одного из компонентов сложной функциональной системы адаптации человека. Исследование, проведённое на пятиклассниках с разными социальными условиями, продемонстрировало различную роль гибкости мышления в механизме адаптации к требованиям преподавателей и условиям обучения. Высоко развитая гибкость мышления способствует более эффективной адаптации к условиям обучения и позволяет адекватно реагировать на возникающие проблемы [13, с. 51].

Согласно мнению М. Барак, А. Левенберг, гибкость мышления является ключевой компетенцией, необходимой для обучения в высокотехнологичной среде. В контексте образования гибкость мышления является необходимой компетенцией для адаптации к новой среде, связанной с распространением и внедрением информационных технологий, для получения новых знаний и решения возникающих проблемных ситуаций, поскольку она включает такие составляющие, как: принятие новых или меняющихся технологий, непредубеждённость по отношению к идеям других людей, адаптацию к изменениям в обучении [19, р. 39].

Исследование В. М. Бызовой и Е. И. Периковой показывает, что гибкость мышления может служить ресурсом психического здоровья и психологического благополучия. В качестве факторов психологического здоровья авторы выделяют быструю и успешную адаптивность. Гибкость

¹ Ясюкова Л. А. Фрустрационный тест Розенцвейга: диагностика реакций в ситуации конфликта: методическое руководство. СПб.: ИМАТОН, 2007. 128 с.

мышления рассматривается как ресурс, обеспечивающий готовность к адекватному реагированию на жизненные обстоятельства и способствующий сохранению психологического здоровья [3, с. 187].

Согласно результатам исследования Р. Л. Габриса, Н. Табри, Х. Анисмана, К. Мэтисон, гибкость мышления помогает справиться со стрессовой ситуацией посредством повышения эмоциональной регуляции и способности отключаться (или переключать внимание) от негативных мыслей и эмоций, что сопровождается менее выраженным негативным настроением [22, р. 17].

Пандемия COVID-19 способствовала переводу работы и учёбы в дистанционный формат, что вызвало необходимость молодым специалистам и студентам адаптироваться к виртуализации. Изменение графика, характера и формата работы, снижение двигательной активности сопряжено с возникновением психологических перегрузок, перенапряжения, цифровой усталости и эмоционального выгорания [20; 21; 24; 27]. Перед молодыми людьми встаёт задача адаптироваться в этих условиях, чтобы продолжать обучение и осуществлять личностную самореализацию.

В. Гражиной, М. Шимон, К. Якуб, Б. Войцех была изучена связь между депрессией, тревогой и стрессом, вызванными пандемией COVID-19, и психологическим благополучием участников исследования. Согласно полученным результатам, низкий уровень гибкости мышления связан с более высоким уровнем депрессии, тревоги и стресса и ухудшением самочувствия. Отрицательные эмоции мо-

гут снижать гибкость мышления, что, в свою очередь, может приводить к ухудшению общего самочувствия [23, р. 1].

Н. Пеллерен, Э. Рауфасте, М. Корман и др. была изучена взаимосвязь гибкости мышления и психологических ресурсов личности во время карантина во Франции в связи с пандемией COVID-19. Согласно результатам исследования, гибкость может опосредовать положительные эффекты психологических ресурсов личности [25, р. 13].

Таким образом, особенно актуальной представляется проблема адаптации молодых людей к новым требованиям, вызванным влиянием глобальных рисков и цифровизации, а гибкость мышления может рассматриваться как ресурс переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций.

Процедура и методы

Цель настоящей работы – изучить специфику структуры ресурсов переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций у студентов с разным уровнем переживания стресса.

Гипотеза исследования: гибкость мышления является ресурсом переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций у студентов.

Выборку исследования составили 65 студентов технических специальностей Южно-Уральского государственного университета. Выборка была разделена на две группы по результатам психологической диагностики по методике «Шкала психологического стресса PSM-25» Лемура-Тесье-Филлиона: 1) студенты с высоким уровнем переживания стресса ($n_1 = 25$, уровень переживания стресса более 85 баллов); 2) студенты с низким

уровнем переживания стресса ($n_2 = 40$, уровень переживания стресса менее 85 баллов).

В работе использовались следующие **психодиагностические методики**: методика «Гибкость мышления» А. С. Лачинса; «Шкала психологического стресса PSM-25» Лемура-Тесье-Филлиона; фрустрационный тест С. Розенцвейга.

Для определения структуры гибкости мышления была использована методика «Гибкость мышления» А. С. Лачинса [1, с. 57]. Методика предназначена для выявления пластичности – ригидности мышления и оценки когнитивной гибкости мышления, под которой понимается способность быстро переходить от одного типа деятельности к другому, принимать адекватные решения и оперативно реагировать на изменение ситуации.

Для определения уровня переживания стресса использовались методики «Шкала психологического стресса PSM-25» Лемура-Тесье-Филлиона в адаптации Н. Е. Водопьяновой [6, с. 41]. Методика предназначена для измерения уровня переживания стресса на уровне поведенческих, физиологических и эмоциональных реакций.

Для определения реакций студентов на фрустрирующие ситуации использовался фрустрационный тест С. Розенцвейга, адаптированный Л. А. Ясюковой¹. Методика предназначена для изучения особенностей реагирования в ситуациях фрустрации. Испытуемому предлагается 24 ситуации фрустрации, и ему необходимо написать ответные реплики для диалогов на картинках. Полученные результаты соотносятся с различными типами и направлениями реакций. К направле-

ниям реакций на ситуации фрустрации относятся: экстрапунитивные (направленные на окружающих людей); интропунитивные (направленные на самого себя); импунитивные (направленные на проблемную ситуацию). К типам реакций на ситуации фрустрации относятся: препятственно-доминантные (с фиксацией на препятствии, ситуация фрустрации особенно подчёркивается, на ней делается акцент); эго-защитные (с фиксацией на самозащите – преобладает защита своего «Я»); необходимо-упорствующие (с фиксацией на удовлетворении потребности – преобладает акцент на необходимости разрешить конфликтную ситуацию)¹.

Для анализа структуры ресурсов переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций у студентов осуществлялся факторный анализ данных психологической диагностики. Для автоматической математико-статистической обработки данных использовалась программа IBM SPSS Statistics v23¹. Факторный анализ проводился с использованием метода главных компонент с варимакс-вращением.

Результаты исследования

Структура ресурсов переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций анализировалась на основании факторного анализа данных психологической диагностики в двух группах студентов, дифференцированных по уровню переживания стресса (по результатам психологической диагностики по методике «Шкала

¹ Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учебное пособие. СПб.: Речь, 2006. 392 с.

психологического стресса PSM-25» Лемура-Тесье-Филлиона). Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Для групп студентов факторная структура ресурсов переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций образована 4 и 3 группировками переменных (по одному фактору, имеющему максимальную долю дисперсии более 30%, и несколько факторов, имеющих равные меньшие доли дисперсии, каждый фактор от 14% до 17%).

Структура ресурсов переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций у студентов с высоким уровнем стресса

У студентов с высоким уровнем переживания стресса структура ресурсов переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций представлена 4 группировками переменных (табл. 1).

Первый, максимально значимый фактор «Самозащита и фиксация на проблеме» является биполярным и

включает только реакции на ситуации фрустрации: на одном полюсе реакции самозащиты и обвинения окружающих, на другом полюсе – фиксация на проблеме и принятие её неизбежности и возможности решения со временем. *Второй фактор* – фактор «*Решение фрустрирующих ситуаций*» – также является биполярным: на одном полюсе находятся реакции, направленные на решение конфликтной или фрустрирующей ситуации, а на другом – гибкость мышления и акцентирование проблемы или препятствия. *Третий фактор* включает переживание стресса и гибкость мышления и назван как «*Гибкость мышления и переживание стресса*». *Четвёртый фактор* является биполярным и содержащим только реакции на фрустрирующие ситуации: интропунитивные реакции на одном полюсе и импунитивные реакции на другом полюсе соответственно. Этот фактор назван как «*Интропунитивные и импунитивные реакции*».

Таблица 1 / Table 1

Структура ресурсов переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций у студентов с высоким уровнем стресса / The structure of resources for experiencing stressful and frustrating situations in students with a high level of stress

Переменные	Факторы			
	1	2	3	4
Гибкость мышления		-0,404	0,651	
Переживание стресса			0,698	
Экстрапунитивные реакции (E)	0,815			
Интропунитивные реакции (I)				0,979
Импунитивные реакции (M)	-0,809			-0,441
Реакции фиксации на самозащите (ED)	0,889			
Реакции фиксации на препятствии (OD)	-0,814	-0,463		
Реакции фиксации на удовлетворении потребности (NP)		0,944		
Дисперсия, %	36	17	15	15

Источник: данные авторов.

Студенты с высоким уровнем стресса склонны обвинять внешнее окружение, использовать реакции самозащиты, они не склонны обвинять себя и обращать внимание на само препятствие. Гибкость мышления не позволяет таким студентам искать выход из сложившейся ситуации и решать возникшую проблему, а, наоборот, даёт возможность акцентировать внимание на этой проблеме. Тем самым высокий уровень гибкости мышления

связан с высоким уровнем переживаемого стресса.

Структура ресурсов переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций у студентов с низким уровнем стресса

У студентов с низким уровнем стресса структура ресурсов переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций представлена 3 группировками переменных (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Структура ресурсов переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций у студентов с низким уровнем стресса / The structure of resources for experiencing stressful and frustrating situations in students with a low level of stress

Переменные	Факторы		
	1	2	3
Гибкость мышления			-0,587
Переживание стресса			0,724
Экстрапунитивные реакции (E)	-0,684	-0,552	
Интропунитивные реакции (I)			
Импунитивные реакции (M)		0,853	
Реакции фиксации на самозащите (ED)	-0,759		
Реакции фиксации на препятствии (OD)		0,821	
Реакции фиксации на удовлетворении потребности (NP)	0,846		
Дисперсия, %	33	16	14

Источник: данные авторов.

Первый, максимально значимый фактор «Самозащита и решение фрустрирующих ситуаций» является биполярным и включает только реакции на ситуации фрустрации: на одном полюсе реакции самозащиты и обвинения окружающих, на другом полюсе – реакции, направленные на себя и разрешение проблемной ситуации. Второй фактор – «Импунитивные и экстрапунитивные реакции» – является биполярным и содержит только реакции на фрустрирующие ситуации:

на одном полюсе импунитивные реакции и акцент на проблеме, а на втором полюсе – экстрапунитивные реакции. Третий фактор является биполярным и включает переживание стресса на одном полюсе и гибкость мышления на другом полюсе. Данный фактор назван как «Гибкость мышления как ресурс переживания стресса».

Студенты с низким уровнем стресса не склонны в ситуациях фрустрации обвинять внешнее окружение, фиксироваться на самозащите, они, наобо-

рот, ищут способы удовлетворения потребности, решения конфликтной или фрустрирующей ситуации. При этом гибкость мышления является для таких студентов способностью снизить имеющийся уровень переживания стресса, а значит, является ресурсом совладания со стрессом.

Заключение

Статья посвящена исследованию гибкости мышления как ресурса переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций. При этом гибкость мышления исследовалась отдельно от других компонентов творческого, дивергентного мышления, таких как беглость, оригинальность и разработанность, что соотносится с результатами исследований С. Вайс, О. Вильгельм [15; 24]. Новизна исследования заключается в том, что гибкость мышления была изучена не только как ресурс переживания ситуаций стресса, но и как ресурс переживания ситуаций фрустрации.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты позволяют расширить общие представления о феномене гибкости мышления и обосновывают рассмотрение гибкости мышления как ресурса переживания ситуаций стресса и фрустрации.

Согласно поставленной цели нашего исследования установлено, что существует специфика структуры ресурсов переживания ситуаций стресса и фрустрации у студентов с разным уровнем стресса.

Студенты с высоким уровнем стресса в стрессовых и фрустрирующих ситуациях склонны обвинять внешнее

окружение, прибегать к реакциям самозащиты, не склонны обвинять себя и обращать внимание на само препятствие либо склонны прибегать к реакциям самообвинения. Гибкость мышления в таком случае не задействуется ими для успешного совладания со стрессом и не является ресурсом, способствующим снижению уровня стресса.

Студенты с низким уровнем стресса не склонны в ситуациях стресса и фрустрации обвинять внешнее окружение, фиксироваться на самозащите, они ищут способы удовлетворения потребности либо обращают внимание на само препятствие. При этом гибкость мышления используется ими как ресурс совладания со стрессом, что позволяет снизить уровень стресса. Такие студенты используют наиболее конструктивные, с точки зрения автора теории фрустрации С. Розенцвейга, реакции. Можно сделать вывод, что гибкость мышления, импунитивность и фиксация на удовлетворении потребностей позволяют им справиться с ситуациями стресса и фрустрации.

В исследовании Т. Е. Левицкой и С. А. Богомаза было выявлено, что гибкость мышления может рассматриваться в качестве важного компонента личностного ресурса и механизма адаптации у школьников [13, с. 51]. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что гибкость мышления может рассматриваться в качестве компонента личностного ресурса и механизма адаптации также и у студентов.

Полученные нами результаты могут быть объяснены результатами исследования Р. Л. Габрис, Н. Табри,

Х. Анисман, К. Мэтисон, свидетель- с ситуациями стресса путём эмоцио-
ствующими о том, что гибкость мыш- нальной регуляции [22, р. 17].
ления помогает личности справиться

Статья поступила в редакцию 10.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцыферова Л. И. Принцип связи сознания и деятельности и методология психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. С. 57–117.
2. Белинская Е. П. Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. № 6 (94). С. 760–771.
3. Бызова В. М., Перикова Е. И. Гибкость мышления как когнитивный ресурс психологического здоровья молодежи // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2015. № 1. С. 182–188.
4. Васильюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Издательство Московского университета, 1984. 200 с.
5. Виноградова Т. И. Беглость, гибкость и оригинальность как основные компоненты в структуре креативности // Journal of Scientific Research Publications. 2014. № 4 (8). С. 104–108.
6. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
7. Войскунский А. Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.
8. Гадаборшева З. И. Формирование психологической устойчивости личности студентов педагогического вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2015. 23 с.
9. Гушин Д. М. Акмеологическая профилактика стресс-фрустрационных состояний специалистов спецподразделений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 24 с.
10. Ермакова Е. С. Психологические закономерности формирования гибкости продуктивного мышления у детей дошкольного и младшего школьного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 42 с.
11. Залевский Г. В. Психическая ригидность в норме и патологии. Томск: Издательство Томского университета, 1993. 272 с.
12. Ишимова А. И. Влияние глобальной цифровизации на психоэмоциональное состояние учащихся // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Нижняя Салда, 19 января 2022 г. / под ред. М. А. Терентьевой. Чебоксары: Среда, 2022. С. 168–170.
13. Левицкая Т. Е., Богомаз С. А. К проблеме изучения гибкости мышления как личностного ресурса психического здоровья школьников // Сибирский психологический журнал. 2002. № 16–17. С. 45–51. DOI: 10.17223/17267080.
14. Нестик Т. А. Глобальные риски как психологический феномен // Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений РАН. 2016. № 1 (50). С. 24–28. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-9-26.
15. Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ. М.: Издательство Института психологии РАН, 2020. 594 с.
16. Селье Г. Стресс без дистресса / пер. с англ. М.: Прогресс, 1982. 49 с.
17. Тимощенко А. С., Грязева-Добшинская В. Г., Дмитриева Ю. А. Адаптационные ресурсы субъектов с разным типом выбора жизненного пути в стрессовой ситуации организационных изменений // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13. № 4. С. 49–57.
18. Хазова С. А. Креативность как ресурс совладающего поведения // Личность в трудных жизненных ситуациях как актуальное научное направление копинг-исследова-

- ний в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 35-летию Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омск, 12–13 ноября 2009 г. / под ред. Л. И. Дементий. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2009. С. 111–115.
19. Barak M., Levenberg A. Flexible thinking in learning: An individual differences measure for learning in technology-enhanced environments // *Computers & Education*. 2016. № 99. P. 39–52. DOI: 10.1016/j.compedu.2016.04.003.
 20. Dacillo M., Dizon J., Ong E. Videoconferencing fatigue and online student engagement among Filipino senior high school students: A mixed methods study [Электронный ресурс] // *Frontiers in Education*. 2022. № 7. URL: <https://www.frontiersin.org> (дата обращения: 30.03.2023). DOI: 10.3389/feduc.2022.973049.
 21. Delussu F., Tizzoni M., Gauvin L. Evidence of pandemic fatigue associated with stricter tiered COVID-19 restrictions [Электронный ресурс] // *PLOS Digit Health*. 2022. № 1 (5). URL: <https://journals.plos.org> (дата обращения: 30.03.2023). DOI: 10.1371/journal.pdig.0000035.
 22. Gabrys R. L., Tabri N., Anisman H. Cognitive Control and Flexibility in the Context of Stress and Depressive Symptoms: The Cognitive Control and Flexibility Questionnaire [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology*. 2018. № 9. URL: <https://www.frontiersin.org/articles> (дата обращения: 30.03.2023). DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02219.
 23. Grażyna W., Szymon M., Jakub K. Mental Health, Well-Being, and Psychological Flexibility in the Stressful Times of the COVID-19 Pandemic [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology*. 2021. № 12. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 30.03.2023). DOI: 10.3389/fpsyg.2021.647975.
 24. Işıl U. K., Esma G. E. A New Exhaustion Emerged with COVID-19 and Digitalization: A Qualitative Study on Zoom Fatigue // *OPUS Journal of Society Research*. 2022. № 19. P. 366–379. DOI: 10.26466/opusjsr.1069072.
 25. Pellerin N., Raufaste E., Corman M. Psychological resources and flexibility predict resilient mental health trajectories during the French covid-19 lockdown [Электронный ресурс] // *Scientific Reports*. 2022. № 12. URL: <https://www.nature.com/articles> (дата обращения: 30.03.2023). DOI: 10.1038/s41598-022-14572-5.
 26. Singh P., Bala H., Lal Dey B. Enforced remote working: The impact of digital platform-induced stress and remote working experience on technology exhaustion and subjective wellbeing // *Journal of Business Research*. 2022. № 151. P. 269–286. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.07.002.
 27. Skulmowski A., Standl B. COVID-19 information fatigue? A case study of a German university website during two waves of the pandemic [Электронный ресурс] // *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2021. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 30.03.2023). DOI: 10.1002/hbe2.260.
 28. Weiss S., Wilhelm O. Is Flexibility More than Fluency and Originality? // *Journal of Intelligence* 10: 96. 2022. DOI: 10.3390/jintelligence10040096.

REFERENCES

1. Ancyferova L. I. [Principles of consciousness and activity and methodology of psychology]. In: *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psichologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 57–117.
2. Belinskaya E. P. [Coping with difficulties in an environment of uncertainty and heavy risks: main research trends]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 2022, no. 6 (94), pp. 760–771.

3. Byzova V. M., Perikova E. I. [Flexibility of thinking as a cognitive resource of the psychological health of youth]. In: *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ih resheniya* [Health of human sides: problems and ways to solve them], 2015, no. 1, pp. 182–188.
4. Vasilyuk F. E. *Psihologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy)* [Psychology of consumption (analysis of exceeding the threshold of consumption)]. Moscow, Moscow University Press, 1984. 200 p.
5. Vinogradova T. I. [Fluency, flexibility and originality as the main components in special creativity]. In: *Journal of Scientific Research Publications*, 2014, no. 4 (8), pp. 104–108.
6. Vodop'yanova N. E. *Psihodiagnostika stressa* [Psychodiagnostics of stress]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 336 p.
7. Vojskunsij A. E. *Psihologiya i Internet* [Psychology and the Internet]. Moscow, Akropol Publ., 2010. 439 p.
8. Gadaborsheva Z. I. *Formirovanie psichologicheskoy ustojchivosti lichnosti studentov pedagogicheskogo vuza: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [Formation of psychological stability of students of a pedagogical university: abstract of Cand. Sci. thesis in Psychology]. Pyatigorsk, 2015. 23 p.
9. Gushchin D. M. *Akmeologicheskaya profilaktika stress-frustratsionnykh sostoyanij specialistov specpodrazdelenij: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [Acmeological prevention of stress-frustration trunks by specialists of special forces: abstract of Cand. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 2013. 24 p.
10. Ermakova E. S. *Psihologicheskie zakonomernosti formirovaniya gibkosti produktivnogo myshleniya u detej doskol'nogo i mladshego shkol'nogo vozrasta: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [Psychological manifestations of the formation of the flexibility of productive thinking in children of preschool and primary school age abstract of Cand. Sci. thesis in Psychology]. St. Petersburg, 2006. 42 p.
11. Zalevskij G. V. *Psihicheskaya rigidnost' v norme i patologii* [Mental rigidity in norm and consumption]. Tomsk, Tomsk University Press, 1993. 272 p.
12. Ishimova A. I. [The impact of global digitalization on the psycho-emotional state of students]. In: Terenteva M. A., ed. *Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, Nizhnyaya Salda, 19 yanvara 2022 g.* [Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Nizhnyaya Salda, 19 of January 2022]. Cheboksary, Sreda Publ., 2022, pp. 168–170.
13. Levickaya T. E., Bogomaz S. A. [On the problem of studying the flexibility of thinking as a personal resource for the mental health of schoolchildren]. In: *Sibirskij psichologicheskij zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 2002, no. 16–17, pp. 45–51. DOI: 10.17223/17267080.
14. Nestik T. A. [Global risks as psychological phenomena]. In: *Nacional'nyj issledovatel'skij institut mirovoj ekonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenij RAN* [National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences], 2016, no. 1 (50), pp. 24–28. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-9-26.
15. Nestik T. A., Zhuravlev A. L. *Chelovek v usloviyah global'nykh riskov: social'no-psichologicheskij analiz* [A person under conditions of severe risks: socio-psychological analysis]. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2020. 594 p.
16. Selye G. Stress without distress (Rus. ed.: *Stress bez distressa*. Moscow, Progress Publ., 1982. 49 p.).
17. Timoshchenko A. S., Gryazeva-Dobshinskaya V. G., Dmitrieva Yu. A. [Adaptation resources of subjects with different types of choice of life path in a stressful situation of organizational changes]. In: *Psihologiya. Psihofiziologiya* [Psychology. Psychophysiology], 2020, vol. 13, no. 4, pp. 49–57.

18. Hazova S. A. [Creativity as a resource of coping behavior]. In: Dementij L. I., ed. *Lichnost' v trudnyh zhiznennyh situacijah kak aktual'noe nauchnoe napravlenie koping-issledovanij v Rossii: materialy Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchyonnoj 35-letiyu Omskogo gosudarstvennogo universiteta im. F. M. Dostoevskogo, Omsk, 12–13 noyabrya 2009 g.* [Personality in labor life naturalness as an actual scientific direction of coping research in Russia: materials of the All-Russian scientific and practical conference with participation dedicated to the 35th anniversary of the Omsk State University. F. M. Dostoevsky, Omsk, November 12–13, 2009]. Omsk, Omsk State University Press, 2009, pp. 111–115.
19. Barak M., Levenberg A. Flexible thinking in learning: An individual differences measure for learning in technology-enhanced environments. In: *Computers & Education*, 2016, no. 99, pp. 39–52. DOI: 10.1016/j.compedu.2016.04.003.
20. Dacillo M., Dizon J., Ong E. Videoconferencing fatigue and online student engagement among Filipino senior high school students: A mixed methods study. In: *Frontiers in Education*, 2022, no. 7. Available at: <https://www.frontiersin.org> (accessed: 30.03.2023). DOI: 10.3389/educ.2022.973049.
21. Delussu F., Tizzoni M., Gauvin L. Evidence of pandemic fatigue associated with stricter tiered COVID-19 restrictions. In: *PLOS Digit Health*, 2022, no. 1 (5). Available at: <https://journals.plos.org> (accessed: 30.03.2023). DOI: 10.1371/journal.pdig.0000035.
22. Gabrys R. L., Tabri N., Anisman H. Cognitive Control and Flexibility in the Context of Stress and Depressive Symptoms: The Cognitive Control and Flexibility Questionnaire. In: *Frontiers in Psychology*, 2018, no. 9. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles> (accessed: 30.03.2023). DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02219.
23. Grażyna W., Szymon M., Jakub K. Mental Health, Well-Being, and Psychological Flexibility in the Stressful Times of the COVID-19 Pandemic. In: *Frontiers in Psychology*, 2021, no. 12. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 30.03.2023). DOI: 10.3389/fpsyg.2021.647975.
24. Işıl U. K., Esma G. E. A New Exhaustion Emerged with COVID-19 and Digitalization: A Qualitative Study on Zoom Fatigue. In: *OPUS Journal of Society Research*, 2022, no. 19, pp. 366–379. DOI: 10.26466/opusjsr.1069072.
25. Pellerin N., Raufaste E., Corman M. Psychological resources and flexibility predict resilient mental health trajectories during the French covid-19 lockdown. In: *Scientific Reports*, 2022, no. 12. Available at: <https://www.nature.com/articles> (accessed: 30.03.2023). DOI: 10.1038/s41598-022-14572-5.
26. Singh P., Bala H., Lal Dey B. Enforced remote working: The impact of digital platform-induced stress and remote working experience on technology exhaustion and subjective wellbeing. In: *Journal of Business Research*, 2022, no. 151, pp. 269–286. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.07.002.
27. Skulmowski A., Standl B. COVID-19 information fatigue? A case study of a German university website during two waves of the pandemic. In: *Human Behavior and Emerging Technologies*, 2021. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 30.03.2023). DOI: 10.1002/hbe2.260.
28. Weiss S., Wilhelm O. Is Flexibility More than Fluency and Originality? In: *Journal of Intelligence* 10: 96. 2022. DOI: 10.3390/jintelligence10040096.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитриева Юлия Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления и служебной деятельности, старший научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии стрессоустойчивости и креативности Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета);

e-mail: dmitrieva.julia.86@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0331-4684

Калашникова Анастасия Станиславовна – студент Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета);

e-mail: anakalashnikovas@gmail.com; ORCID 0000-0002-6899-7391

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuliya A. Dmitrieva – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology of Management and Service Activities, Senior Researcher of Laboratory of Psychology and Psychophysiology of Stress Resistance and Creativity, South Ural State University;

e-mail: dmitrieva.julia.86@mail.ru, ORCID 0000-0002-0331-4684

Anastasia S. Kalashnikova – Student of South Ural State University;

e-mail: anakalashnikovas@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6899-7391

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дмитриева Ю. А., Калашникова А. С. Гибкость мышления как ресурс переживания стрессовых и фрустрирующих ситуаций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2023. № 2. С. 36–49.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-36-49

FOR CITATION

Dmitrieva Yu. A., Kalashnikova A. S. Flexibility of thinking as a resource for experiencing stressful and frustrating situations . In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 2, pp. 36–49.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-36-49

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-50-60

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ, СКЛОННОЙ К ТРОЛЛИНГУ

Зекерьяев Р. И.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
295015, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8,
Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить эмоциональную направленность личности, склонной к троллингу.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 60 интернет-пользователей: 28 юношей и 32 девушки в возрасте от 18 до 35 лет. Использовались следующие методы и методики: методика «Определение общей эмоциональной направленности» Б. И. Додонова, авторский исследовательский опросник «Направленность поведения личности в интернет-пространстве»; методы статистической обработки данных (U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ). В ходе исследования было использовано прикладное программное обеспечение «SPSS 22.0» и «MS Excel 2021».

Результаты. Выявлено, что личность, склонная к троллингу, отличается выраженностью пугнической и глорической эмоциональных направленностей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты исследования могут быть использованы практическими психологами в ходе сопровождения процесса интернет-социализации личности.

Ключевые слова: интернет-пространство, троллинг, эмоциональная направленность, пугническая направленность, глорическая направленность

EMOTIONAL ORIENTATION OF A PERSON PRONE TO TROLLING

R. Zekeriaev

*Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov,
per. Uchebniy 8, Simferopol 295015, Republic of Crimea, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the emotional orientation of a person prone to trolling.

Methodology. The study involved 60 Internet users: 28 boys and 32 girls aged 18 to 35 years. During the study the following methods were used: method «Determination of the general emotional orientation» by B. I. Dodonov, the author's research questionnaire «Orientation of a person's behavior in the Internet space»; methods of statistical data processing (Mann-Whitney U-test, correlation analysis). During the study the application software «SPSS 22.0» and «MS Excel 2021» was used.

Results. It is proved that a person prone to trolling is distinguished by the severity of pugnacious and gloric emotional orientations.

Research implications. The results of the study can be used by practical psychologists to support the process of Internet socialization.

Keywords: Internet space, trolling, emotional orientation, pugnic orientation, gloric orientation

Введение

Современный мир характеризуется всё большим вхождением человека в интернет. Виртуальный мир не только расширяет жизненное пространство личности, но и, будучи социокультурной средой, является ещё одним институтом её социализации. При этом психологические особенности личности становятся детерминантами, определяющими её поведение в виртуальной среде. Наряду с конструктивными моделями социального взаимодействия у личности в интернете могут также формироваться паттерны, реализация которых может наносить психологический вред другим участникам виртуальной коммуникации. К таким паттернам, в частности, может быть отнесён троллинг – процесс намеренной провокации конфликта при виртуальном взаимодействии. При этом недостаточно изученными остаются психологические особенности личности, способствующие формированию у неё в интернете склонности к данной форме поведения, в частности, эмоциональная направленность. Таким образом, целью исследования выступает выявление отличий эмоциональной направленности личности, склонной к троллингу.

Теоретический обзор литературы по проблеме исследования

Проблеме троллинга в интернете посвящено большое количество современных исследований.

Ряд учёных, анализируя троллинг, определяли, что его главная особен-

ность – это конфронтация, при которой агрессор не преследует цели донести до других своё мнение, не стремится найти истину, т. к. его основная задача – через порождающие конфликт провокации получить эмоциональную реакцию от участников виртуального взаимодействия. При этом сам «тролль» стремится вызывать у аудитории агрессию, порождать конфликтные ситуации, уводить диалог от первоначальной темы, превращая характер общения из конструктивного в деструктивный. Выкладывая в интернет провокационную информацию, «тролль», как правило, из-за анонимности процесса виртуального общения ощущает безнаказанность своих действий и получает удовольствие от самого процесса разрушения виртуальной коммуникации [5; 14; 16].

Исследователи отмечали, что основными причинами того, что жертвы поддаются на провокации троллей, являются высокое доверие другим участникам виртуальной коммуникации, невозможность задействовать элементы невербального общения, что усложняет процесс адекватной оценки получаемой информации. Немаловажную роль также играет готовность виртуальных коммуникантов воспринимать собеседника как личность, соблюдающую правила сетевого этикета, а само виртуальное пространство – как среду, в которой за проступки следует наказание. Исследователи также отмечали, что «тролли» в своих манипуляциях часто используют ложь и альтернативные факты, намеренно искажают

информацию, стараются вызвать путаницу и перевести диалог в деструктивное русло, в котором неизбежно возникнет конфликт. Агрессор может также использовать публичные насмешки, дискредитацию участников интернет-сообществ и подстрекательство. При этом, в отличие от других виртуальных агрессоров, «тролль» не преследует вторичной выгоды, для него сама ситуация конфликта является основной целью [1; 11; 12].

Учёные, описывая причины, побуждающие личность к троллингу, выделяли среди них неуверенность в себе, неудовлетворённость своей жизнью, подавляемую в себе агрессию, личностную незрелость. Основной же задачей «тролля», по их мнению, является выведение участников виртуальной коммуникации из состояния психологического равновесия, получение удовольствия от сильной аффективной реакции с их стороны, манипулирование психоэмоциональным состоянием жертв, причинение им морального дискомфорта. Критерием же успеха «тролли» считают степень силы ответной реакции от виртуальных коммуникантов. Учёные отмечали, что основным инструментом агрессора является шутка, которая, обладая многозначной интерпретацией, даёт возможность в саркастической форме высмеивать собеседников, привлекать к себе их внимание [2; 13; 15].

Ряд исследователей, анализируя троллинг, определяли его как агрессивную форму коммуникативного поведения, целью которого является провокация негативных аффективных переживаний у участников виртуального социума, а также получение удовольствия и завоевание соответ-

ствующей репутации. Исследователи отмечали, что троллинг обладает рядом особенностей: представляя собой форму сетевой агрессии, он может осуществляться только в киберпространстве; в конфликт, поддерживаемый «троллем», довольно быстро вовлекается большое количество участников; в процессе троллинга нет реального живого взаимодействия между жертвами и агрессором [3; 4; 10].

Учёные, анализируя акты троллинга, описывали их как намеренные информационные «вбросы» в виртуальных сообществах, вызывающие дискуссии среди интернет-пользователей. При этом сам агрессор переживает позитивные эмоции от удовлетворения своей потребности в доминировании. Учёные также отмечали, что «тролля» сложно сразу распознать, т. к. в ходе эскалации конфликта он старается не нарушать правил сетевого этикета, чтобы выглядеть как обычный интернет-пользователь, целью которого является конструктивное общение [8; 9].

Признавая актуальность и значимость существующих исследований, можно отметить, что они в основном нацелены на описание феномена троллинга в интернет-пространстве и его причин, связанных с особенностями виртуальной среды. При этом малоизученными остаются детерминанты данной формы асоциального поведения, заключающиеся в личностных особенностях пользователей интернета. Одной из таких детерминант является эмоциональная направленность.

Б. И. Додонов, изучая эмоциональную направленность, определял, что эмоции выполняют двойственную функцию в жизни человека. С одной стороны, они являются результатом

оценки личностью происходящих событий, с другой же – они выступают ценностью. Эмоциональную направленность личности учёный определял как устойчивую потребность в определённых аффективных переживаниях. Б. И. Додонов также отмечал, что человек может проявляться как личность, выстраивая свою деятельность на основе мировоззрения и направленности, в том числе и эмоциональной [6].

Таким образом, можно сделать предположение о том, что возможно существование отличий в проявлении эмоциональных направленностей у личности, склонной к троллингу.

Представление результатов исследования

В исследовании приняли участие 60 интернет-пользователей: 28 юношей и 32 девушки в возрасте от 18 до 35 лет. Использовались следующие методы и методики: методика «Определение общей эмоциональной направленности» Б. И. Додонов, авторский исследовательский опросник «Направленность поведения личности в интернет-пространстве» [7]; методы статистической обработки данных (U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ).

Респондентам также предлагалось написать самоотчёт в свободной форме об их отношении к троллингу. В качестве опорных вопросов к самоотчёту выступили: «Как Вы относитесь к троллингу?», «Приходилось ли Вам выступать в роли “тролля”?», «Приходилось ли Вам быть жертвой “троллей”?», «Какие чувства могут переживать агрессоры и их жертвы в процессе троллинга?».

В ходе исследования было обнаружено, что в выборке присутствуют респонденты с низким (13 человек: 5 юношей и 8 девушек), средним (32 человека: 15 юношей и 17 девушек) и высоким (15 человек: 8 юношей и 7 девушек) уровнями склонности к троллингу, согласно авторскому исследовательскому опроснику «Направленность поведения личности в интернет-пространстве». В дальнейшем респонденты с низким и средним уровнями были отнесены в группу не склонных к троллингу, т. к. они обычно не осуществляют актов троллинга либо их участие в них носит ситуативный характер. Респонденты с высоким уровнем были отнесены в группу склонных к троллингу (т. к. для них характерно частое осуществление актов троллинга в адрес других участников сетевого взаимодействия).

Было обнаружено, что у респондентов, склонных к троллингу в интернет-пространстве, существуют отличия в степени выраженности различных эмоциональных направленностей по сравнению с респондентами, не склонными к троллингу (рис. 1).

На рис. 1 показано, что выявлены существенные различия в проявлении у респондентов, склонных и не склонных к троллингу, выраженности пугливой и глорической эмоциональных направленностей. Данное явление может быть объяснено тем, что троллинг предоставляет возможность агрессору испытать переживания, связанные с самоутверждением за счёт своих жертв, и эмоции от общения в ситуации преодоления риска и опасностей, т. к. троллинг является запрещённым во многих сетевых сообществах и его участники подлежат блокированию.

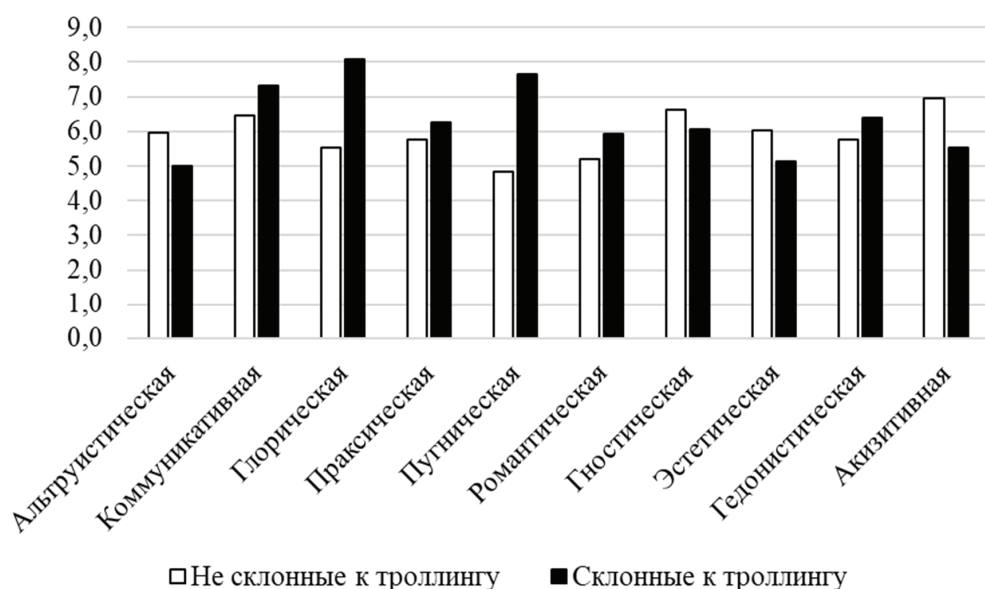

Рис 1 / Fig. 1. Эмоциональная направленность личностей, склонных к троллингу / Emotional orientations of a personality prone to trolling

Источник: данные автора.

Выраженность других эмоциональных направленностей у групп респондентов, склонных и не склонных к троллингу, наблюдалась примерно в равной степени, что позволило предположить отсутствие различий в их проявлении.

Достоверность существования различий в проявлении глорической и путнической эмоциональных направленностей у групп респондентов, склонных и не склонных к троллингу в интернет-пространстве, была статистически обоснована с помощью U-критерия Манна-Уитни (рис. 2).

Статистические критерии^а

	Глорическая	Путническая
U Манна-Уитни	139,000	116,500
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	,001	,000

а. Группирующая переменная: Склонность к троллингу

Рис 2 / Fig. 2. Результаты статистического обоснования существования различий в шкалах «глорическая» и «путническая» эмоциональных направленностей / The results of the statistical substantiation of differences in the scales “gloric” and “pugnic” emotional orientations

Источник: данные автора.

Из рисунка 2 видно, что у групп респондентов, склонных и не склонных к троллингу в интернет-пространстве, существуют различия в проявлении таких эмоциональных направленностей, как «глорическая» ($U_{\text{эмп}} = 139,0$; $p < 0,05$) и «пугническая» ($U_{\text{эмп}} = 116,5$; $p < 0,05$). Это проявляется в том, что с ростом значимости переживания эмоций, связанных с преодолением риска, опасностей, а также эмоций, связанных с самоутверждением и славой, у респондента растёт склонность к троллингу.

Данное явление нашло своё отражение в ходе контент-анализа самоотчёта респондентов: «Я люблю потроллить людей. Ну а почему нет, если они глупые и ведутся на провокации? Достаточно в шутке обыграть какой-то недостаток человека и всё – он попался. Люблю наблюдать за тем, как они психуют, а я на их фоне держу образ невозмутимости и спокойствия» (юноша, 20 лет, склонный к троллингу); «Мне нравится разводить конфликты в комментариях. Главное, найти такие, где есть люди с разными взглядами. И тогда даже одна хлёсткая фраза с моей стороны может сдетонировать в массовое выяснение отношений. Самое интересное – момент, когда приходит администратор, и ты думаешь: забанит ли он тебя за троллинг? Увидит ли он, что ты спровоцировал этот конфликт своим комментарием, находящимся среди массы других гневных сообщений от тех, кого ты спровоцировал?» (юноша, 21 год, склонный к троллингу); «Я не занималась троллингом. Не совсем понимаю, для чего это делается. Я в интернет прихожу для отдыха,

а троллинг ну никак этому не способствует» (девушка, 24 года, не склонная к троллингу); «По-моему мнению, самоутверждаться за счёт других через троллинг – это низко. Потому что ты фактически бьёшь человека по больному. В этом нет ничего, достойного уважения» (юноша, 19 лет, не склонный к троллингу).

В то же время использование U-критерия Манна-Уитни позволило обосновать отсутствие различий в проявлении прочих эмоциональных направленностей у групп респондентов, склонных и не склонных к троллингу.

В ходе исследования для выявления связи между уровнем склонности личности к троллингу в виртуальном пространстве и выраженностью её эмоциональных направленностей был использован корреляционный анализ Пирсона (рис. 3).

Из рисунка 3 видно, что существует прямая сильная связь между уровнем склонности личности к троллингу и выраженностью у неё таких эмоциональных направленностей, как «глорическая» ($r = 0,707$) и «пугническая» ($r = 0,717$).

Существование связи между выраженностью данных эмоциональных направленностей и склонности к троллингу может быть объяснено тем, что данная форма поведения в виртуальном пространстве позволяет завоевывать определённый статус среди других пользователей интернета, а также даёт возможность провоцировать и преодолевать ситуации риска быть заблокированным администраторами сетевых сообществ.

Корреляции

		Склонность к троллингу
Альтруистическая	Корреляция Пирсона	-,156
	Знач. (двухсторонняя)	,232
	N	60
Коммуникативная	Корреляция Пирсона	,192
	Знач. (двухсторонняя)	,141
	N	60
Глорическая	Корреляция Пирсона	,707
	Знач. (двухсторонняя)	,000
	N	60
Прагматическая	Корреляция Пирсона	,089
	Знач. (двухсторонняя)	,499
	N	60
Пугническая	Корреляция Пирсона	,717
	Знач. (двухсторонняя)	,000
	N	60
Романтическая	Корреляция Пирсона	,083
	Знач. (двухсторонняя)	,530
	N	60
Гностическая	Корреляция Пирсона	-,102
	Знач. (двухсторонняя)	,440
	N	60
Эстетическая	Корреляция Пирсона	-,192
	Знач. (двухсторонняя)	,141
	N	60
Гедонистическая	Корреляция Пирсона	,010
	Знач. (двухсторонняя)	,940
	N	60
Акизитивная	Корреляция Пирсона	-,223
	Знач. (двухсторонняя)	,087
	N	60

Рис. 3 / Fig 3. Результаты изучения связи между уровнем склонности к троллингу и выраженностью её эмоциональных направленностей / The results of studying the relationship between the level of trolling of a person and the severity of its emotional orientations

Источник: данные автора.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что троллинг – это форма деструктивного взаимодействия в интернете, при которой агрессор провоцирует конфликтные ситуации. При этом «тролль» испытывает потребность не столько в поиске истины, сколько в создании конфликта ради конфликта и получении от участвовавших в нём интернет-пользователей негативных эмоциональных реакций. Сетевые агрессоры зачастую используют ложь, искажение информации и шуточные нападки для того, чтобы вызвать бессмысленную дискуссию и перевести диалог в деструктивное русло. Несмотря на то, что «тролль» может и не наносить непосредственного вреда психоэмоциональному состоянию своих жертв, он способен серьёзно нарушить процесс виртуальной коммуникации. Таким образом, троллинг представляет собой отчётливую проблему современного виртуального пространства.

Эмоциональная направленность личности выражается в стремлении переживать определённого рода эмоции. При этом сами эмоции могут быть не только оценочной реакцией на происходящие события, но и ценностью, руководствуясь которой, личность склонна выстраивать свою деятельность, в том числе и социальную

активность. Учитывая, что интернет выступает расширением жизненного пространства личности, эмоциональная направленность может также проявляться в выборе предпочитаемых стратегий поведения в виртуальной реальности, среди которых могут быть и асоциальные, в частности троллинг.

В ходе исследования выявлены отличия в эмоциональной направленности личностей, склонных к троллингу. Так, у этих респондентов, по сравнению с респондентами, не склонными к троллингу, выявлена более высокая ценность глорических и пугнических аффективных переживаний. Она может проявляться в стремлении завоевания социального положения путём влияния на эмоциональное состояние других интернет-пользователей и в эскалации и преодолении ситуаций, связанных с риском и опасностью в процессе социальной коммуникации. Следовательно, если для личности характерна высокая выраженность пугнической и глорической эмоциональных направленностей, то можно предположить существование риска того, что она в виртуальном пространстве будет осуществлять акты троллинга, разрушая социальное взаимодействие в интернете.

Статья поступила в редакцию 06.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова А. С. Троллинг как новое социальное явление в системе интернет-коммуникации // Теория и практика общественного развития. 2019. № 8 (138). С. 13–16.
2. Булатова Е. И. Сетевые коммуникативные стратегии: троллинг // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. № 2 (31). С. 75–78.
3. Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Филология. Социология. Психология. Педагогика. 2012. № 1. С. 48–51.

4. Воронин А. Н., Ковалева Ю. В. Изменение субъектности сетевого сообщества в процессе троллинга // Социальная и экономическая психология. Институт психологии Российской академии наук. 2019. Т. 4. № 3 (15). С. 25–61.
5. Гриценко Л. М., Демидова Т. А. Коммуникативная стратегия дискредитации в интернет-коммуникации (на примере троллинга) // Вестник Томского Государственного Университета. Филология. 2018. № 55. С. 29–42.
6. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с.
7. Зекерьяев Р. И. Стандартизация опросника «Направленность поведения личности в интернет-пространстве» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2022. № 3. С. 52–56.
8. Кужелева-Саган И. П. Социальные сети как инфраструктура межличностного общения цифрового поколения: трансформация фреймов коммуникации: монография. Томск: Томский государственный университет, 2017. 212 с.
9. Лучинкина И. С. Психологические особенности коммуникативного поведения личности в интернет-пространстве: монография. Симферополь: ИП Хотеева Л. В., 2020. 199 с.
10. Тумский С. В. Троллинг как форма провокации в интернет-пространстве // Известия Санкт-петербургского государственного экономического университета. 2020. № 5 (125). С. 213–218.
11. Халфина Р. Р. Агрессия подростков в интернете: троллинг и кибербуллинг // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4. № 3. С. 349–354.
12. Bishop J. Representations of 'Trolls' in Mass Media Communication: A Review of Media-Texts and Moral Panics Relating to 'Internet Trolling' // International Journal of Web Based Communities. 2014. Vol. 10. № 1. P. 7–24.
13. Coles B. A., West M. Trolling the trolls: Online forum users constructions and properties of trolling // Computers in Human Behavior. 2016. № 60. P. 233–244.
14. Diaz F. L. Trolling & the First Amendment: Protecting Internet Speech in the Era of Cyberbullies & Internet Defamation // University of Illinois Journal of Law, Technology & Policy. 2016. № 1. P. 135–160.
15. Hopkinson C. Trolling in online discussions: from provocation to community-building // Brno Studies in English. 2013. № 1 (39). P. 5–25.
16. Kollock P., Smith M. Communities in Cyberspace. London: Routledge, 1998. 336 p.

REFERENCES

1. Borisova A. S. [Trolling as a new social phenomenon in the Internet communication system]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2019, no. 8 (138), pp. 13–16.
2. Bulatova E. I. [Network communication strategies: trolling]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture], 2017, no. 2 (31), pp. 75–78.
3. Vnebrachnyh R. A. [Trolling as a form of social aggression in virtual communities]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filologiya. Sociologiya. Psihologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Udmurt University. Philology. Sociology. Psychology. Pedagogy], 2012, no. 1, pp. 48–51.
4. Voronin A. N., Kovaleva Yu. V. [Changing the subjectivity of the network community in the process of trolling]. In: *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psihologiya. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk* [Social and economic psychology. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences], 2019, vol. 4, no. 3 (15), pp. 25–61.

5. Gricenko L. M., Demidova T. A. [Communicative strategy of discrediting in Internet communications (on the example of trolling)]. In: *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2018, no. 55, pp. 29–42.
6. Dodonov B. I. *Emociya kak cennost'* [Emotion as a value]. Moscow, Politizdat Publ., 1978. 272 p.
7. Zeker'yayev R. I. [Standardization of the questionnaire "Orientation of personality behavior in the Internet space"]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition], 2022, no. 3, pp. 52–56.
8. Kuzheleva-Sagan I. P. *Social'nye seti kak infrastruktura mezhlichnostnogo obshcheniya cifrovogo pokoleniya: transformaciya frejmov kommunikacii* [Social networks as an infrastructure for interpersonal communication of the digital generation: transformation of communication frames]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2017. 212 p.
9. Luchinkina I. S. *Psichologicheskie osobennosti kommunikativnogo povedeniya lichnosti v internet-prostranstve* [Psychological features of the communicative behavior of a person in the Internet space]. Simferopol, IP Khoteeva L. V. Publ., 2020. 199 p.
10. Tumskij S. V. [Trolling as a form of provocation in the Internet space]. In: *Izvestiya Sankt-peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg State University of Economics], 2020, no. 5 (125), pp. 213–218.
11. Halfina R. R. [Aggression of adolescents on the Internet: trolling and cyberbullying]. In: *Doklady Bashkirskogo universiteta* [Reports of the Bashkir University], 2019, vol. 4, no. 3, pp. 349–354.
12. Bishop J. Representations of 'Trolls' in Mass Media Communication: A Review of Media-Texts and Moral Panics Relating to 'Internet Trolling'. In: *International Journal of Web Based Communities*, 2014, vol. 10, no. 1, pp. 7–24.
13. Coles B. A., West M. Trolling the trolls: Online forum users constructions and properties of trolling. In: *Computers in Human Behavior*, 2016, no. 60, pp. 233–244.
14. Diaz F. L. Trolling & the First Amendment: Protecting Internet Speech in the Era of Cyberbullies & Internet Defamation. In: *University of Illinois Journal of Law, Technology & Policy*, 2016, no. 1, pp. 135–160.
15. Hopkinson C. Trolling in online discussions: from provocation to community-building. In: *Brno Studies in English*, 2013, no. 1 (39), pp. 5–25.
16. Kollock P., Smith M. *Communities in Cyberspace*. London, Routledge, 1998. 336 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зекерьяев Руслан Ильвисович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова;
e-mail: ruslan51291@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8366-0183

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan I. Zekeriaev – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of the Department of Psychology, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov;
e-mail: ruslan51291@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8366-0183

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зекерьяев Р. И. Эмоциональная направленность личности, склонной к троллингу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2023. № 2. С. 50–60.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-50-60

FOR CITATION

Zekeriaev R. I. Emotional orientation of a person prone to trolling. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 2, pp. 50–60.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-50-60

УДК 159.923.2

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-61-73

РОЛЬ БАЗИСНЫХ УБЕЖДЕНИЙ ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНОСТИ ОБЩЕСТВА

Маркина О. С.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучение связи базисных убеждений личности с психологическим благополучием в условиях транзитивности общества.

Процедура и методы. Опрошены 176 человек в возрасте 19–22 лет. Сбор данных осуществлялся в ноябре–декабре 2022 г. Методики: шкала базовых убеждений, тест диспозиционного оптимизма, шкала психологического благополучия, методика DASS 21.

Результаты. Выделены 3 различающиеся по базисным убеждениям группы. Сравнительный анализ психологического и эмоционального благополучия, диспозиционного оптимизма выявил значимое превосходство по всем показателям группы с позитивным видением мира и образом Я («уверенные в себе и окружающем мире») по сравнению с остальными кластерами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость: расширение представлений о связи базисных убеждений личности с уровнем психологического благополучия. Практическая значимость: использование результатов в диагностике предикторов психологического благополучия личности.

Ключевые слова: базисные убеждения, диспозиционный оптимизм, психологическое благополучие, молодёжь

THE ROLE OF WORLD ASSUMPTIONS IN PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF PERSONALITY IN TRANSITIVITY THE SOCIETY

O. Markina

*Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, (Russia)
prospect Leningradskij, 49/2, Moscow, 125167, Russian Federation*

Abstract

Aim. Studying the connection between the world assumptions of the individual and psychological well-being in the conditions of transitivity of the society.

Methodology. 176 people aged 19–22 were interviewed. Data was collected in November–December 2022. Methods: the scale of world assumptions, dispositional optimism test, psychological well-being scale, the DASS 21 method.

Results. 3 groups differing in basic beliefs have been identified. A comparative analysis of psychological and emotional well-being, dispositional optimism revealed a significant superiority

in all indicators of the group with an active life position and a positive self-image (“confident in themselves and the world around”), compared with other clusters.

Research implications. Theoretical significance: expansion of ideas about the relationship between the basic beliefs of the individual and the level of psychological well-being. Practical significance: the use of results in the diagnosis of predictors of the psychological well-being of the individual.

Keywords: world assumptions, dispositional optimism, psychological well-being, youth.

Введение

Период значительных социальных трансформаций требует от человека готовности к адекватному и быстрому реагированию и оценке происходящих изменений [1]. Вопрос о стабильных личностных особенностях, которые могут выступать основой для ориентировки в происходящем, остаётся открытым [5; 6]. Предлагаются различные психологические конструкты, рассматриваемые как личностные особенности, которые могут выступать как надёжные предикторы поведения и реагирования в условиях кризисной транзитивности. В нашем исследовании мы предлагаем рассмотреть конструкт базисных убеждений личности как предиктор психологического эмоционального благополучия молодёжи, сталкивающейся с различными вызовами социального мира. Понятие «базисные убеждения» было предложено на пересечении идей когнитивной, социальной, клинической психологии, а также психотерапии, оно рассматривается как имплицитные, глобальные, устойчивые представления индивида о мире и о себе, оказывающие влияние на мышление, эмоциональные состояния и поведение человека [9]. Модель базисных убеждений личности была предложена Р. Янофф-Бульман, она представляет собой ряд когнитивно-эмоциональных имплицитных представлений, которые обеспечивают стабильность

субъективной картины мира с выделением опоры в окружающем мире [9]. Базисные убеждения определённым образом конструируют жизненный опыт человека, обеспечивая устойчивость представлений о мире и чувство безопасности. Автор выделяет 5 базовых убеждений личности, одна часть которых связана с убеждениями об особенностях окружающего мира, другая часть – с представлениями о самом себе. Доброжелательность окружающего мира выражается как уверенность в том, что мир добр, люди достойны доверия, готовы оказать помощь при необходимости. Справедливость окружающего мира – как убеждение в осмысленности, справедливости происходящего в мире, его рациональном устройстве. Чувство контроля над своей жизнью – как уверенность в высокой вероятности добиться ожидаемых позитивных результатов. Вера в удачу – как убеждённость в своём везении и том, что это будет продолжаться. Позитивный образ Я, связанный с высоким мнением о себе, – уверенность, что другие видят в тебе достойного, интересного и привлекательного человека [7]. Базисные убеждения личности могут быть соотнесены с компонентами психологического благополучия. Сравнительный анализ базисных убеждений и модели психологического благополучия, проведённый К. Рифф, показывает наличие значительных пересечений

между этими моделями. Это позволяет ряду авторов рассматривать базисные убеждения как субъективно конструируемую человеком картину мира, составляющую основу психологического благополучия и личностный потенциал его развития [7]. Существуют данные, свидетельствующие о том, что выраженность базисных убеждений связана с более адекватным взаимодействием с окружающим миром. Так, выраженность базисных убеждений личности связана с более адекватными когнитивными способами переработки социальной информации в пространстве интернета. Есть данные о связи отдельных шкал базисных убеждений и успешностью учебной деятельности при сдаче ЕГЭ [2]. Базисные убеждения выражаются в том, что человек интерпретирует происходящие с ним события так, чтобы поддерживать стабильность субъективной картины мира, которая обеспечивает необходимую ему опору в постоянно меняющейся реальности. Таким образом, конструкт базисных убеждений личности может выступать базой для анализа особенностей устойчивости человека в условиях трансформирующегося мира [10].

Другим конструктом, возможно, обеспечивающим стабильность ориентировки личности в условиях социальных трансформаций, может выступать оптимизм как личностное качество. Модель диспозиционного оптимизма, предложенная М. Шейером и Ч. Карвером, рассматривающая оптимизм как обобщённые ожидания о будущих событиях, связана с общей моделью поведенческой саморегуляции [13]. Вера в достижимость результата, которая определяет готовность к совершению усилий по достижению

цели, и рассматривается как проявление диспозиционного оптимизма [3]. Существуют различные данные, свидетельствующие о взаимосвязи выраженности диспозиционного оптимизма и таких характеристик, как жизнестойкость, субъективное благополучие, субъективное счастье и т. п. [4]. Таким образом, диспозиционный оптимизм можно рассматривать как важную личностную особенность человека, которая может выступать важным ресурсом преодоления возникающих трудностей.

Одним из важнейших показателей недостаточной адаптации человека к происходящим изменениям является его эмоциональный статус. Трудности приспособления к стрессу, повышенный уровень тревожности, беспокойство, импульсивность поведения или же его апатичность – всё это может свидетельствовать о трудностях адаптации к резко меняющимся условиям социального мира [11]. Анализ особенностей эмоционального статуса может дать дополнительную информацию о готовности взаимодействия личности с окружающей реальностью.

Целью нашего исследования выступило изучение связи базисных убеждений личности и уровня её психологического и эмоционального благополучия. Общая гипотеза исследования заключалась в том, что убеждённость в доброжелательности и контролируемости окружающего мира и позитивный образ Я связаны с высоким уровнем психологического и эмоционального благополучия.

Задачами исследования стали:

1. Исследование особенностей базисных убеждений личности и их структуры.

2. Исследование взаимосвязи уровня базисных убеждений личности, диспозиционального оптимизма и психологического благополучия молодёжи.

3. Изучение особенностей эмоционального благополучия во взаимосвязи с базисными убеждениями личности.

Методики исследования

В исследовании приняли участие 176 человек в возрасте от 19 до 22 лет ($M=19.9$; $SD=0.47$), граждане РФ, учащиеся московских вузов. Среди респондентов были опрошены 139 девушек (79%) и 38 юношей (21%). Сбор данных осуществлялся на добровольной основе в групповой форме при прямом присутствии исследователя. Время сбора данных – ноябрь–декабрь 2022 г.

Методиками исследования выступили:

1. Шкала базовых убеждений, разработанная Р. Янов-Бульман, адаптированная М. А. Падуном, А. В. Котельниковой [9]. Методика направлена на определение выраженности пяти базовых убеждений, рассматриваемых как ядро нашего субъективного мира: «доброжелательности окружающего мира», «справедливости окружающего мира», «позитивности образа Я», «веры в удачу» и «убеждённости контроля над жизнью».

2. Тест диспозиционального оптимизма, разработанный М. Шейером, Ч. Карвером, адаптированный Т. О. Гордеевой, О. А. Сычевым, Е. Н. Осиным [3]. Методика диагностирует выраженность диспозиционального оптимизма на основании 3 шкал: общий уровень оптимизма, шкала позитивных ожиданий и шкала

негативных ожиданий (инвертированная шкала).

3. Шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург (Warwick-Edinburgh Mental Wellbeing Scale – WEMWBS). Методика состоит из 14 вопросов оценки субъективного благополучия и психологического функционирования, направленных на оценку положительных аспектов психического здоровья.

4. Методика DASS-21 (Depression Anxiety Stress Scale 21), направленная на оценку тяжести поведенческих эмоциональных симптомов, которые свидетельствуют о наличии депрессии, тревожных расстройствах, стрессе. Включает в себя 21 утверждение, оцениваемое по 7-бальной шкале Лайкерта [12; 14].

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим общую выраженность диспозиционального оптимизма и психологического благополучия в исследованной группе молодёжи. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Как мы видим, полученные показатели диспозиционального оптимизма являются достаточно высокими по всей группе. Сравнительный анализ полученных результатов с данными, описанными в работах Т. О. Гордеевой и коллег, показывает, что рассматриваемые нами респонденты демонстрируют высокие показатели проявления оптимизма, которые в первую очередь нашли отражение в низкой степени выраженности негативных установок [4]. Однако выявлено, что уровень психологического благополучия ниже, чем в результатах известных нам ис-

Таблица 1 / Table 1

Особенности диспозиционального оптимизма и психологического благополучия молодёжи / The peculiarities of dispositional optimism and psychological well-being of youth

Шкалы диспозиционального оптимизма и психологического благополучия	Среднее значение	Стандартное отклонение
Общий уровень оптимизма	30,25	6,72
Шкала позитивных ожиданий	14,34	3,70
Шкала негативных ожиданий (инвертированная шкала)	15,91	3,9
Психологическое благополучие	51,54	7,23

Источник: данные автора.

следований уровня психологического благополучия на близких возрастных группах, например, в исследовании С. В. Молчанова и др. [8]. Отметим, что исследования, проведённые ранее, свидетельствуют о наличии положительной взаимосвязи между уровнем оптимизма как обобщённых ожиданий о будущих событиях и психологическим благополучием. В нашем же случае высокий уровень оптимизма сочетается с умеренным уровнем психологического благополучия (на уровне средних значений). При этом отметим, что корреляционный анализ подтверждает взаимосвязь параметров оптимизма и психологического благополучия (коэффициент корреляции Пирсона – 654 при $p=0.001$). Сравнительный анализ

результатов мужчин и женщин показывает наличие значимых различий: установки на оптимизм у женщин выше, чем у мужчин. Различия затрагивают все три шкалы: общий уровень оптимизма (здесь и далее критерий Манна-Уитни при $p=0.05$), шкалу позитивных ожиданий ($p=0.05$), шкалу негативных ожиданий ($p=0.01$). Для психологического благополучия значимых различий получено не было.

Далее проанализируем особенности выраженности базисных убеждений личности на исследованной группе молодёжи. Полученные результаты приведены в таблице 2.

Как показывают проанализированные данные, можно выделить определённую иерархию выраженности

Таблица 2 / Table 2

Особенности базисных убеждений молодёжи для всей выборки и гендерных групп / The peculiarities of world assumptions of youth for all data and gender groups

Шкала ШБУ/ Группа	Вся выборка		Женщины		Мужчины	
	М	SD	М	SD	М	SD
Доброжелательность окружающего мира	3.37	0.833	3.37	0.875	3.39	0.667
Справедливость окружающего мира	3.49	0.757	3.48	0.747	3.53	0.809
Позитивность образа Я	4.36	0.952	4.37	0.990	4.34	0.813
Вера в удачу	4.07	0.820	4.11	0.801	3.92	0.888
Убеждённость в контроле	3.97	0.591	3.97	0.602	3.96	0.565

Источник: данные автора.

базисных убеждений личности. Наиболее сильно выражены базисные убеждения мира – «позитивный образ Я», далее располагаются «вера в удачу» и «убежденность в контроле». Наименее принимаемыми выступают базисные убеждения «справедливость окружающего мира» и «доброжелательность окружающего мира». Анализ статистически значимых различий показывает, что «позитивный образ Я» предпочитается всем остальным базисным убеждениям (критерий Вилкоксона при $p=0.01$). «Вера в удачу» и «Убежденность в контроле» также значимо предпочитают шкалам «справедливость окружающего мира» и «доброжелательность окружающего мира» (критерий Вилкоксона при $p=0.01$). Гендерных различий выраженности базисных убеждений обнаружено не было.

Нами был проведен кластерный анализ базисных убеждений личности. Было выделено 3 кластера, которые позволяют описать 77% выборки (136 человек из 177). В таблице 3 представлены центры кластеров и количество респондентов в каждом из них.

Проведенный кластерный анализ позволил выделить три кластера мо-

лодѣжи с разными моделями выраженности базисных убеждений личности. Первый кластер характеризуется высокой степенью выраженности большинства базисных убеждений, кроме веры в справедливость мира. Ярко выражены вера в удачу, доброжелательность окружающего мира, позитивный образ Я, однако оценки уверенности в контролируемости и справедливости окружающего мира у респондентов первого кластера несколько ниже. В этот кластер входит 59 человек, что составляет 43,4% от общего числа респондентов. Назовѣм этот кластер «уверенные в себе и в окружающем мире». Респонденты второго кластера обнаруживают веру в доброжелательность мира и уверенность в возможности его контроля. Оценки по шкале «позитивный образ Я» ниже, чем у представителей первого кластера, и выше, чем у третьего. Однако такой параметр, как «вера в удачу», выражен наименее слабо для этого кластера. Таким образом, вера в доброжелательность мира, достаточно позитивный образ Я и средний уровень уверенности в возможности контроля сочетаются с относительно низкой оценкой по шкале «вера в справедливость окру-

Таблица 3 / Table 3

Центры кластеров – распределение респондентов по оценкам базисных убеждений личности / Cluster centers – the distribution of esteem of personal world assumption

Параметры базисных убеждений	1 кластер	2 кластер	3 кластер
Доброжелательность мира	45,00	41,00	16,00
Справедливость мира	17,00	20,00	11,00
Позитивный образ Я	42,00	28,00	9,00
Вера в удачу	47,00	14,00	28,00
Вера в контроль	31,00	28,00	16,00
Количество респондентов	59/43,4%	58/42.6%	19/14%

Источник: данные автора.

жающего мира» и крайне низкой – по шкале «вера в удачу». Обозначим этот кластер как «верящие в доброжелательность мира и возможность его контроля». Третий кластер характеризуется низкими оценками по большинству шкал. Отметим крайне низкий результат по шкалам «позитивный образ Я» и «справедливость окружающего мира». Отметим, что, несмотря на общее негативное представление об окружающем мире, выделяются высокие на общем уровне значения параметра «вера в удачу», по которому данная группа даже превышает показатели второго кластера. В этой группе нет веры в себя и возможности контроля мира (что может быть связано с низким внутренним locus контроля), нет убеждённости в справедливости и доброжелательности окружающего мира, но выражена вера в удачу. Этот кластер описывает 14% от общего числа участников исследования. Обозначим эту группу как «верящие в удачу». Отметим также, что для всех описанных групп респондентов вера в справедливость окружающего мира выражена достаточно слабо.

Интересно сопоставить выделенные кластеры с результатами исследования, проведённого в 2019 г. [7]. Выделенный авторами так называемый сбалансированный кластер, характеризующийся высоким уровнем психологического благополучия и находящий отражение в восприятии респондентами окружающего мира как доброжелательного и справедливого, позитивного образа Я и уверенности в контроле над жизнью, структурно совпадает с выделенным нами кластером «уверенных в себе и мире». Однако второй «эго-центрированный» кластер (восприятие мира как враждебного и несправедливого

при позитивном образе Я) не нашёл аналога в нашем исследовании базисных убеждений. Третий выделенный кластер – «фортуный», характеризующийся восприятием мира как доброжелательного, но не справедливого, с высокими оценками по шкале «вера в удачу и везение», явно совпадает по большинству параметров, за исключением «доброжелательность окружающего мира», с выделенной нами группой «верящие в удачу». Некоторое расхождение результатов структуры конструкта базисных убеждений личности, по нашему мнению, объясняется как различием возрастных особенностей, так и контекстом произошедших глобальных социальных трансформаций.

Результаты сравнительного анализа особенностей выраженности психологического благополучия и диспозиционального оптимизма в выделенных нами кластерах представлены в таблице 4.

Как видно из приведённых в таблице данных, средние показатели по шкалам оптимизма и психологического благополучия самые высокие для первого кластера «Уверенные в себе и окружающем мире». Напомним, что диспозициональный оптимизм рассматривается как стабильная личностная характеристика, отражающая позитивные ожидания человека относительно будущего, что соотносится с верой в себя и окружающий мир, а также находит отражение в более высоком уровне психологического благополучия [4]. Анализ статистических значимых различий между кластерами показывает, что респонденты кластера «уверенные в себе и окружающем мире» значимо чаще демонстрируют более высокий

Таблица 4 / Table 4

Распределение уровня психологического благополучия и диспозиционного оптимизма для различных кластеров / The distribution of level of psychological well-being and dispositional optimism for different clusters

	1 кластер		2 кластер		3 кластер	
	Среднее	Ст.откл.	Среднее	Ст.откл.	Среднее	Ст.откл.
Общий оптимизм	33,59	4,49	28,43	5,54	23,23	9,23
Позитивный оптимизм	15,98	2,73	13,50	3,22	11,70	4,89
Негативный оптимизм (инвертированная шкала)	17,61	2,33	14,92	3,39	11,52	5,08
Психологическое благополучие	56,17	4,51	49,32	5,77	46,76	6,78

Источник: данные автора.

уровень диспозиционного оптимизма (для всех трёх субшкал) и психологического благополучия (критерий Манна-Уитни при $p=0.01$). Второй кластер – «верящие в доброжелательность мира и контроль» – характеризуется более низкими показателями по изучаемым параметрам, но, однако, превышает выраженность данных параметров у представителей третьего кластера – «Верящие в удачу». Были зафиксированы статистически значимые различия в более низком уровне негативного оптимизма и общем уровне оптимизма по сравнению с третьей группой (критерий Манна-Уитни при $p=0.01$). Уровень позитивного оптимизма и психологического благополучия

значимо не различается у респондентов второго и третьего кластеров. Третий кластер – «верящие в удачу» – отличается самым низким уровнем выраженности изучаемых параметров. Отметим, что стандартное отклонение даёт наибольший разброс именно для результатов респондентов, представляющих третий кластер.

Результаты анализа выраженности базисных убеждений личности и проявления эмоционального неблагополучия как тревоги, депрессии и стресса представлены в таблице 5.

Как видно из приведённых данных, средний уровень выраженности тревоги и депрессии ниже, чем переживаемое состояние стресса. Однако, со-

Таблица 5 / Table 5

Средние значение выраженности тревоги, депрессии, стресса / Average values for anxiety, depression and stress

Параметр	Среднее значение	Стандартное отклонение
Тревога	13,54	5,28
Депрессия	13,45	5,12
Стресс	17,43	5,90

Источник: данные автора.

поставляя с предлагаемыми авторами нормами, можно говорить о том, что в целом для исследуемой группы общий уровень переживания тревоги, депрессии, стресса достаточно высок.

Рассмотрим особенности взаимосвязи выраженности базисных убеждений и эмоционального статуса респондентов. Полученные результаты представлены в таблице 6.

Таблица 6 / Table 6

Особенности выраженности тревоги, стресса и депрессии у молодёжи с разной структурой базисных убеждений личности / The peculiarities of anxiety, stress and depression among youth with different structure of personal world assumptions

	1 кластер		2 кластер		3 кластер	
	Среднее	Ст.откл.	Среднее	Ст.откл.	Среднее	Ст.откл.
Тревога	10,94	4,56	14,69	4,61	17,94	5,33
Депрессия	11,01	3,67	14,69	4,83	17,00	6,49
Стресс	14,65	5,67	18,84	5,02	21,52	5,42

Источник: данные автора.

Как видно из приведённых данных, респонденты первого кластера – «уверенные в себе и окружающим мире» – демонстрируют самый низкий уровень выраженности тревоги, депрессии, стресса. Это подтверждается наличием статистически значимых различий для всех трёх указанных параметров (критерий Манна-Уитни при $p=0.01$). Для респондентов второго кластера – «верящих в доброжелательность мира и контроль» – характерна средняя степень выраженности параметров эмоционального напряжения. Тревога и стресс в этой группе выражены значительно ниже, чем в третьем кластере «верящие в удачу» (критерий Манна-Уитни, $p=0.05$). Однако различий по параметру депрессии между вторым и третьим кластерами обнаружено не было.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза о связи базисных убеждений личности, а именно убеждённости в доброжелательности и контролируемости окружающего мира и пози-

тивном образе Я, с высоким уровнем психологического и эмоционального благополучия личности в период вхождения во взрослость получила своё подтверждение.

Заключение

Целью нашего исследования стало изучение связи базисных убеждений личности как когнитивно-эмоциональных имплицитных представлений, обеспечивающих стабильность субъективной картины мира с психологическим благополучием личности на этапе вхождения во взрослость в условиях транзитивности общества. Были выявлены такие особенности базисных убеждений, как высокая выраженность позитивного самоотношения («позитивный образ Я»), вера в удачу и убеждённость в контролируемости мира, в то время как наименее принимаемыми стали базисные убеждения в справедливости и доброжелательности окружающего мира. Вместе с тем были выделены группы

респондентов, различающиеся по характеристикам значимых убеждений – «уверенные в себе и в окружающем мире» (43,4%), «верящие в доброжелательность мира и контроль над ним» (42,6%) и самая малочисленная группа – «верящие в удачу» (14%). Результаты сравнительного анализа психологического благополучия, диспозиционного оптимизма и эмоционального благополучия выявили значимое превосходство по всем показателям группы и позитивным образом Я («уверенные в себе и окружающем мире») по сравнению с остальными кластерами. Данные других исследований показывают, что выраженность уверенности в мире и себе связаны с активной жизненной позицией в области соци-

альной активности, коммуникации, досуговой деятельности [15]. Самые низкие показатели психологического и эмоционального благополучия обнаружили респонденты из группы ориентированных на удачу, воспринимающих мир как враждебный и несправедливый при низкой самооценке своих возможностей активного преобразования мира. Выдвинутая гипотеза о связи базисных убеждений и психологического и эмоционального благополучия получила подтверждение. Перспективу дальнейшего исследования составляет изучение связи целей и осмысленности жизни с базисными убеждениями личности.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределённости, сложности и разнообразия [Приглашение к диалогу] // Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен: междисциплинарный проект А. Г. Асмолова / под ред. А. Г. Асмолова. М.: Московский государственный университет, 2008. С. 57–92.
2. Богомаз С. А., Гладких А. Г. Психологическая безопасность и её измерение с помощью шкалы базисных убеждений // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 191–194.
3. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36–64.
4. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Оптимистический атрибутивный стиль и диспозиционный оптимизм: эмпирическая проверка сходства и различия двух конструктов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14. № 4. С. 756–765. DOI: 10.17323/1813-8918-2017-4-756-765.
5. Карабанова О. А. Риски информационной социализации как проявление кризиса современного детства // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 3. С. 4–22. DOI: 10.11621/vsp.2020.03.01.
6. Марцинковская Т. Д. Переживание кризиса транзитивности в реальном и виртуальном пространствах: личностный и социальный контекст // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2022. № 4. С. 30–40. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-30-40.
7. Молчанов С. В., Алмазова О. В., Поскребышева Н. Н. Моральные суждения подростков с разным уровнем психологического благополучия // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 4. С. 22–35. DOI: 10.17759/pse.2019240402.
8. Молчанов С. В., Алмазова О. В., Поскребышева Н. Н. Особенности психологического благополучия молодёжи с различным опытом и мотивацией волонтер-

- ской деятельности // Научно-педагогическое обозрение. 2022. Т. 6 (46). С. 181–192. DOI: 10.23951/2307-6127-2022-6-181-192.
9. Падун М. А., Котельникова А. В. Методика исследования базисных убеждений личности. М.: Лаборатория психологии и психотерапии посттравматического стресса Института психологии РАН, 2007. 95 с.
 10. Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 98–106.
 11. Руженкова В. В., Руженков В. А., Хамская И. С. Русскоязычная адаптация теста DASS-21 для скрининг-диагностики депрессии, тревоги и стресса // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. 2019. № 10. С. 36–46.
 12. Antony M. M., Beiling P. J., Cox B. J. Psychometric properties of the 42-item and 21-item versions of the depression, anxiety, stress scales in clinical groups and a community sample // Psychological Assessment. 1998. № 10 (2). P. 176–181. DOI: 10.1037/1040-3590.10.2.176.
 13. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies. A theoretical based approach // Journal of personality and Social psychology. 1989. Vol. 65. № 2. P. 267–283.
 14. Lovinbond P. F., Lovibond S. H. The structure of negative emotional states: comparison of the Depression Anxiety Stress Scale (DASS) with the Beck Depression and Anxiety Inventories // Behavioral Therapy. 1995. № 33 (3) P. 335–343.
 15. Shamionov R. M., Grivoryeva M. V., Grigoryev A. V. World Assumptions and Youth Dedelopment as predictors of social activity preferences // Psychology in Russia: State of the Art. 2019. № 12 (2). P. 115–133.

REFERENCES

1. Asmolov A. G. [Psychology of modernity: challenges of uncertainty, complexity and diversity [Invitation to dialogue]]. In: Asmolov A. G., ed. *Mobilis in mobile: lichnost' v epohu pere-men: mezhdisciplinarnyj proekt* A. G. Asmolova [Mobilis in mobile: personality in an era of change: an interdisciplinary project of A. G. Asmolov]. Moscow, Moscow State University Publ., 2008, pp. 57–92.
2. Bogomaz S. A., Gladkih A. G. [Psychological safety and its measurement using the scale of basic beliefs]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2009, no. 318, pp. 191–194.
3. Gordeeva T. O., Sychev O. A., Osin E. N. [Development of a Russian version of the dispositional optimism test (LOT)]. In: *Psihologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics], 2010, no. 2, pp. 36–64.
4. Gordeeva T. O., Sychev O. A., Osin E. N. [Optimistic attributive style and dispositional optimism: empirical verification of similarities and differences between two constructs]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2017, vol. 14, no. 4, pp. 756–765. DOI: 10.17323/1813-8918-2017-4-756-765.
5. Karabanova O. A. [Risks of informational socialization as a manifestation of the crisis of modern childhood]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology], 2020, no. 3, pp. 4–22. DOI: 10.11621/vsp.2020.03.01.
6. Marcinkovskaya T. D. [Experiencing the crisis of transitivity in real and virtual spaces: personal and social context]. In: *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education], 2022, no. 4, pp. 30–40. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-30-40.

7. Molchanov S. V., Almazova O. V., Poskrebysheva N. N. [Poskrebysheva N. N. Moral judgments of adolescents with different levels of psychological well-being]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 22–35. DOI: 10.17759/pse.2019240402.
8. Molchanov S. V., Almazova O. V., Poskrebysheva N. N. [Features of the psychological well-being of young people with different experience and motivation for volunteering]. In: *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie* [Scientific and Pedagogical Review], 2022, vol. 6 (46), pp. 181–192. DOI: 10.23951/2307-6127-2022-6-181-192.
9. Padun M. A., Kotel'nikova A. V. *Metodika issledovaniya bazisnyh ubezhdenij lichnosti* [Methods of studying the basic beliefs of a person]. Moscow, Laboratory of psychology and psychotherapy of post-traumatic stress of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007. 95 p.
10. Padun M. A., Kotel'nikova A. V. [Modification of the methodology for studying the basic beliefs of the personality R. Yanoff-Bulman]. In: *Psihologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2008, vol. 29, no. 4, pp. 98–106.
11. Ruzhenkova V. V., Ruzhenkov V. A., Hamskaya I. S. [Russian-language adaptation of the DASS-21 test for screening diagnostics of depression, anxiety and stress]. In: *Vestnik nevrologii, psikiatrii i nejrohirurgii* [Bulletin of Neurology, Psychiatry and Neurosurgery], 2019, no. 10, pp. 36–46.
12. Antony M. M., Beiling P. J., Cox B. J. Psychometric properties of the 42-item and 21-item versions of the depression, anxiety, stress scales in clinical groups and a community sample. In: *Psychological Assessment*, 1998, no. 10 (2), pp. 176–181. DOI: 10.1037/1040-3590.10.2.176.
13. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies. A theoretical based approach. In: *Journal of personality and Social psychology*, 1989, vol. 65, no. 2, pp. 267–283.
14. Lovinbond P. F., Lovibond S. H. The structure of negative emotional states: comparison of the Depression Anxiety Stress Scale (DASS) with the Beck Depression and Anxiety Inventories. In: *Behavioral Therapy*, 1995, no. 33 (3), pp. 335–343.
15. Shamionov R. M., Grivoryeva M. V., Grigoryev A. V. World Assumptions and Youth Dedelopment as predictors of social activity preferences. In: *Psychology in Russia: State of the Art*, 2019, no. 12 (2), pp. 115–133.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркина Ольга Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент Финансового университета при Правительстве РФ;
e-mail: olga.s.mark@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga S. Markina– Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: olga.s.mark@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маркина О. С. Роль базисных убеждений для психологического благополучия личности в условиях транзитивности общества // Вестник Московского государственного областного университета Серия: Психологические науки. 2023. № 2. С. 61–73.
DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-61-73

FOR CITATION

Markina O. S. The role of world assumptions in psychological well-being of personality in transitivity society. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 2, pp. 61–73.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-61-73

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-74-86

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДВОСХИЩЕНИЯ ПРИ ПРИНЯТИИ МНОГОЭТАПНЫХ РЕШЕНИЙ

Савельева В. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление связей эмоционального интеллекта с принятием многоэтапных решений.

Процедура и методы. Принятие решений исследовалось с помощью компьютерной методики Эмоционального Предвосхищения в Игре в Казино (ЭПИК). Эмоциональный интеллект измерялся с помощью опросника «Черты эмоционального интеллекта» (TEIQue). Проведён корреляционный и регрессионный анализ данных.

Результаты. Показано, что эмоциональный интеллект, понимаемый как черта, является предиктором как показателей стратегий принятия решений, так и предвосхищающих эмоций, которые, в свою очередь, вносят самостоятельный вклад в процесс принятия решений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Связи эмоционального интеллекта как черты с принятием многоэтапных решений демонстрируют его регулятивную роль в процессах принятия решений.

Ключевые слова: принятие решений, стратегии принятия решений, эмоциональный интеллект, эмоциональные предвосхищения

EMOTIONAL INTELLIGENCE AND EMOTIONAL ANTICIPATIONS IN DECISION-MAKING STRATEGIES

V. Saveleva

*Lomonosov Moscow State University
ul. Mokhovaya, 11, str. 9, Moscow, 125009, Russian Federation*

Abstract

Aim. Identification of the relationship of emotional intelligence with the adoption of multi-stage decisions.

Methodology. The decision-making process was investigated by using the computer method Emotional Anticipation in a Casino Gambling (EPIC). Emotional intelligence was measured by using the Trait Emotional Intelligence Questionnaire (TEIQue). Correlation and regression analysis of the data was carried out.

Results. It is shown that emotional intelligence, understood as a trait, is a predictor of both indicators of decision-making strategies and anticipatory emotions, which, in turn, make an independent contribution to the decision-making process.

Research implications. The correlations of emotional intelligence as a trait with multi-stage decision-making demonstrate its regulatory role in the decision-making process.

Keywords: decision-making, decision strategies, emotional intelligence, emotional anticipation

Введение

Принятие решений неотрывно связано с ежедневным функционированием человека. Однако оно долгое время исследовалось со стороны когнитивных стратегий [2; 3]. Сегодня усиливается интерес к личностным компонентам регуляции принятия решений, в частности, к эмоциональному интеллекту [4; 7].

В психологии принятие решений понимается как выбор в условиях неопределённости, характеризующийся несколькими важными особенностями: наличием у субъекта, принимающего решение, образа ситуации неопределённости, развёртыванием разного рода предвосхищений (последствий выбора), принятием ответственности, а также принципиальной возможностью влиять на ситуацию своими решениями [3; 4]. Неопределённость целедостижения включает процессы эмоциональной регуляции, что предполагает позитивную роль эмоционального интеллекта в разрешении ситуации.

Среди авторов нет единой позиции относительно понимания конструкта эмоционального интеллекта. Часть исследователей считают эмоциональный интеллект когнитивной способностью к идентификации и пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими (Дж. Мэйер, П. Саловей, Д. Карузо, Д. Люсин), другая часть – личностной чертой (Р. Бар-Он, Д. Гоулман, К. Петридес). Третьи видят недостатки и в одном, и в другом подходе и предлагают интегративные модели [1; 15].

Устанавливались связи эмоционального и академического интеллектов [4; 16], а также эмоционального интеллекта, измеренного с помощью «объективных» тестов, и «горячих» когнитивных процессов, подразумевающих включённость эмоционально-личностной сферы в решения человека [12].

Связь эмоциональной сферы и принятия решений была также показана через так называемую аффективную эвристику. Аффективная эвристика предполагает использование чувств для преодоления неопределённости ситуации. В частности, если человек испытывает положительный аффект к какой-либо деятельности, он будет высоко оценивать выгоду и низко оценивать риск в отношении этой деятельности [19].

Установлено, что эмоциональный интеллект положительно связан с эмоциональным прогнозированием, а последнее улучшается со временем [14].

Процесс принятия решений традиционно исследуется на материале игр и вербальных задач. Распространены исследования на материале игровой задачи Айова (Iowa Gambling Task, IGT) [4; 7; 10; 17]. Эмоциональный интеллект является предиктором эффективности принятия решений в IGT, что показано как при использовании опросника ЭмИн [7], так и при использовании опросника TEIQue [13]. Однако результаты исследований связей показателей IGT и эмоционального интеллекта неоднозначны – часть исследований не показала связей, часть показала положительные и слабо положительные

связи с отдельными подшкалами эмоционального интеллекта [12].

На материале вербальных задач с возможностью взятия подсказок было показано, что такое взятие компенсирует снижение межличностного эмоционального интеллекта, при этом более высокий внутриличностный эмоциональный интеллект сопровождается большим временем обдумывания выбора [5]. На материале вербальных задач также было показано, что на принятие решений с возможностью разной ориентировки на эмоциональный контекст ситуации влияет представление человека о своём уровне эмоционального интеллекта: были найдены связи принятия решений с результатами опросника ЭмИн Д. Люсина [9].

Исследование принятия решений с использованием методики DMC (Decision-Making Competence), в которой задаются поведенческие задачи, показало умеренно положительную связь черт эмоционального интеллекта (по TEIQue-SF) и «сопротивления невозвратным затратам (Resistance to Sunk Costs)» DMC [11], которое понимается как способность игнорировать при ПР уже осуществлённые затраты и ориентироваться только на будущие последствия. В этом исследовании также были показаны положительная связь эмоционального интеллекта как черты со шкалой самоконтроля (Self-Monitoring Scale), отражающей способность менять самопрезентацию в зависимости от восприятия намёков от других людей, и отрицательные связи с прокрастинацией [11].

Для прояснения вклада в процесс принятия решений эмоциональных предвосхищений Ю. В. Красавцевой

была разработана методика Эмоционального Предвосхищения в Игре в Казино (ЭПИК) [6]. В этой методике моделируется многоэтапный процесс принятия решений, при этом есть возможность отслеживать предвосхищающие и результирующие эмоции, полученные на основе самоотчёта испытуемых при выигрышах и проигрышах на отдельных этапах игры. Самооценки эмоций проводятся путём выбора одной картинки из ряда картинок, отображающих разную интенсивность эмоции. На специальном сайте респондентам предлагается сыграть в рулетку, и при этом ставится цель выиграть как можно больше. Перед каждым ходом участники оценивают вероятность выигрыша, а также интенсивность эмоций удовольствия, возбуждения и доминантности. После получения результатов ПР – хода в игре они также оценивают интенсивность эмоций по указанным трём шкалам.

Полученные в исследовании результаты говорят о том, что на уровень принимаемого в игре риска влияют предвосхищающие эмоции удовольствия и доминантности [6]. Стоит отметить, что в других исследованиях показано различие в склонности к риску при процедурах, подразумевающих намерение рискованного действия, и процедурах, подразумевающих реализацию такого действия [3].

Однако в исследование Ю. В. Красавцевой не были включены связи показателей эмоционального интеллекта и показателей ПР согласно методике ЭПИК, поскольку ЭИ не измерялся. Кроме того, большинство исследований в области ПР опирается на понимание эмоционального интеллекта как способности. Данное исследование

ставит своей целью восполнить данные о связях эмоционального интеллекта как черты с принятием многоэтапных решений.

Гипотезы исследования

В качестве *общей гипотезы* мы предположили, что эмоциональный интеллект включён в регуляцию принятия решений в условиях неопределённости и риска, поскольку ориентировка в своих эмоциях позволяет лучше прогнозировать возможные варианты развития событий при выборе различных альтернатив.

Частными гипотезами выступили предположения о том, что 1) предвосхищающие и результирующие эмоции влияют на выбор стратегии в игре с многоэтапными выборами (положительно связаны с количеством ходов, свидетельствующих о принятии неопределённости и риска), а 2) эмоциональный интеллект связан со стратегиями принятия решений, а именно: лица с более высоким эмоциональным интеллектом прогнозируют большую вероятность выигрыша за счёт стабильного ощущения благополучия и самоконтроля при увеличении ситуационного риска.

Методики и участники исследования

В исследовании приняли участие 48 человек – магистранты МГУ имени М. В. Ломоносова и участники, набранные посредством интернета (38 женщин и 10 мужчин в возрасте 20–50 лет, $M=30,94$ и $SD=8,48$). 46 человек прошли и методику ЭПИК, и опросник TEIQue. 2 человека прошли только ЭПИК. Выборку составляли люди различных профессий, но дан-

ные о профессии не были собраны. При анализе данных участники рассматривались как единая группа.

Участники проходили опросник, а далее им онлайн предъявлялись условия принятия решений в игровой ситуации ЭПИК [6].

Экспериментальный материал: компьютерная игра ЭПИК.

Игра состоит из этапов:

1. Когда принято решение играть, игрок нажимает соответствующую кнопку, «рулетка» начинает крутиться. В это время участник указывает, насколько он уверен в выигрыше (по шкале от -5 до 5), и оценивает интенсивность «предвосхищающих» эмоций (удовольствие, возбуждение, доминантность) путём выбора одной из картинок – согласно методике Self-Assessment Manikin (из трёх рядов картинок, схематически обозначающих эмоции).

2. Игрок видит результат хода и снова оценивает свои эмоции (уже «результирующие») также путём выбора по одной картинке из трёх рядов картинок.

3. Далее игрок принимает решение – играть или забрать выигрыш. Если принято решение играть, то все этапы повторяются вновь.

1-й и каждый 5-й ход беспроигрышные; после беспроигрышных ходов увеличивается уровень ситуационного риска; суммы возможных выигрышей и проигрышей увеличиваются с каждым ходом. Таким образом, в игре при увеличении числа ходов игрока постепенно увеличивается уровень ситуационного риска.

Выделяются следующие показатели:

1. *Уровень риска.* Это «ситуационный» риск. Рассчитывается как веро-

ятность выиграть в зависимости от соотношения выигрышных и проигрышных ячеек: 7/8, или 87,5%; 3/4, или 75%; 5/8, или 62,5%; 1/2, или 50%; 3/8, или 37,5%; 1/4, или 25%; 1/8, или 12,5%.

2. *Количество ходов.* Отражает уровень принимаемого риска, поскольку ситуационный риск растёт постепенно, а игрок имеет право прервать игру перед любым ходом. Может иметь значения: от 1 до 82.

3. *Прогноз.* Отражает уверенность игрока в выигрыше. Важно, что прогноз совершается после принятия решения играть, но до того, как стал известен результат хода. Может иметь значения: от -5 «уверен, что проиграю» до 5 «уверен, что выиграю».

4. *Предвосхищающие эмоции.* Для оценки интенсивности эмоций используется методика SAM (Self-Assessment Manikin). В ней предполагается выбор одной картинки из ряда картинок, отображающих разную интенсивность эмоции. Таким образом оцениваются эмоции удовольствия, возбуждения и доминантности после принятия решения играть, но до того, как стал известен результат хода. Каждая эмоция может иметь значения: от 1 до 5.

5. *Результат ПР.* Становится известен после выбора «играть», а также сделанного прогноза и указания предвосхищающих эмоций. Может иметь значения: выигрыш, проигрыш, беспроигрышный.

6. *Эмоции после результата осуществления решения.* Эмоции удовольствия, возбуждения и доминантности оцениваются также с помощью методики SAM после того, как стал известен результат хода. Каждая эмоция может иметь значения: от 1 до 5.

Опросник «Черты эмоционального интеллекта» – Trait Emotional Intelligence Questionnaire (кратко TEIQue) [18]. Основывается на понимании ЭИ как черты. Авторская четырёхфакторная структура сохранилась и в русскоязычной апробации (показатели КФА: $SBx2=1591,3$; $df=269$; $p<0,005$, $CFI=0,702$, $RMSEA=0,087$) [8]. Опросник измеряет показатели по шкалам *благополучия* ($\alpha=0,77$), *самоконтроля* ($\alpha=0,67$), *снижения эмоциональности* ($\alpha=0,57$) и *социальности* ($\alpha=0,65$).

Результаты

Для эмоционального интеллекта и показателей игры ЭПИК подсчитывались показатели корреляции «ро» Спирмена. Результаты представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, на первом ходе, когда ситуация в наибольшей степени неопределённая, *предсказание выигрыша* положительно связано с *благополучием*. *Предсказание выигрыша* отрицательно связано со *снижением эмоциональности* и положительно с *благополучием* и *самоконтролем*. Т. е. лица с более высоким эмоциональным интеллектом лучше прогнозируют выигрыш.

В таблице 2 представлены связи эмоционального интеллекта с предвосхищающими и результирующими эмоциями.

На первом ходе и *среднее* (за 20 ходов) *предвосхищающее удовольствие* положительно связано с *благополучием*. *Средняя результирующая доминантность* положительно связана с *социальностью*.

Регрессионный анализ позволил выявить оцениваемые в ЭПИК эмо-

Таблица 1 / Table 1

Связи эмоционального интеллекта и игровых переменных (по «ро» Спирмена) / Relationships between emotional intelligence and gaming applications of EPIC (according to Spearman’s “row”)

Шкалы Эмоционального интеллекта		Показатели принятия решений в игре			
		Количество ходов	Сумма выигрыша	Предсказание выигрыша на первом ходу	Среднее предсказание выигрыша
Эмоциональный интеллект	Благополучие			0,323*	0,441**
	Самоконтроль				0,307*
	Снижение эмоциональности				-0,320*
	Социальность				

Примечание. * – связь значима на уровне $p < 0,05$; ** – связь значима на уровне $p < 0,01$.
Источник: данные автора.

Таблица 2 / Table 2

Связи эмоционального интеллекта и эмоциональных переменных ЭПИК (по «ро» Спирмена) / Relationships between emotional intelligence and EPIC emotional variables (according to Spearman’s “row”)

Шкалы Эмоционального интеллекта		На первом ходе, предвосхищающее			Предвосхищающее среднее			Результирующее среднее		
		Удовольствие	Возбуждение	Доминантность	Удовольствие	Возбуждение	Доминантность	Удовольствие	Возбуждение	Доминантность
Эмоциональный интеллект	Благополучие	0,388**			0,369*					
	Социальность									0,311*

Примечание. * – связь значима на уровне $p < 0,05$.
Источник: данные автора.

циональные состояния в качестве предикторов ПР (N=48). Результаты представлены в таблице 3.

Предвосхищающая эмоция возбуждения внесла вклад в дисперсию показателя количества ходов. При этом предвосхищающее возбуждение показывает отрицательный вклад – число ходов снижается, а результирующее возбуждение – положительный. Среднее предвосхищающее удовольствие пока-

зало вклад в дисперсию по показателю среднего предсказания. Регрессионная модель показала, что с увеличением среднего предвосхищающего удовольствия предсказание выигрыша увеличивается.

Показатели ПР количество ходов и сумма выигрыша анализировались как зависимые переменные с помощью квадратичной регрессии. Данные представлены в таблице 4.

Таблица 3 / Table 3

Предикторы количества ходов (как принимаемого ситуационного риска) и среднего предсказания (за 20 ходов) / Predictors of the number of moves (as an accepted situational risk) and the average prediction (over 20 moves)

Зависимая переменная	Предиктор	F	Значимость (p)	Модель	Тип регрессии
Количество ходов	Среднее предвосхищающее возбуждение	5,23	0,027	$R^2 = 0,102$ ($\text{Adj.}R^2 = 0,083$) <i>Количество ходов = - Среднее предвосхищающее возбуждение * 5,683 + 26,927</i>	Линейная
	Среднее предвосхищающее возбуждение * Среднее результирующее возбуждение	4,862	0,012	$R^2 = 0,178$ ($\text{Adj.}R^2 = 0,141$) <i>Количество ходов = Среднее результирующее возбуждение * 7,404 – Среднее предвосхищающее возбуждение * 11,311 + 22,014</i>	Линейная
Среднее предсказание	Среднее предвосхищающее удовольствие	6,948	0,002	$R^2=0,236$ ($\text{Adj.} R^2 = 0,202$) <i>Среднее предсказание = среднее предвосхищающее удовольствие² * 0,884 – среднее предвосхищающее удовольствие * 5,247 + 9,043</i>	Квадратичная

Источник: данные автора.

Таблица 4 / Table 4

Квадратичный регрессионный анализ игровых переменных ЭПИК и эмоционального интеллекта / Quadratic Regression Analysis of EPIC Game Variables and Emotional Intelligence

Предиктор	Зависимая переменная	F	Значимость (p)	Модель
Самоконтроль	Сумма	3,573	0,037	$R^2=0,142$ ($\text{Adj.} R^2 = 0,103$) <i>Сумма = самоконтроль² * 149790,354 – самоконтроль * 7544663,1 + 913917633,7</i>

Источник: данные автора.

Черта *самоконтроль* выступила предиктором *суммы выигрыша*, которая уменьшается при увеличении *самоконтроля* примерно до средних значений, а затем увеличивается.

Регрессионный анализ эмоционального интеллекта как предиктора пред-

восхищающих переменных ЭПИК дан в таблице 5.

На первом ходе, когда игровая ситуация в большей степени неопределённа для участника, вклад в предсказание предвосхищающей эмоции удовольствия вносит *благополучие*:

Таблица 5 / Table 5

Регрессионный анализ предвосхищающих переменных ЭПИК и эмоционального интеллекта / Regression Analysis of EPIC Predictive Variables and Emotional Intelligence

Предиктор	Зависимая переменная	F	Значимость (p)	Модель	Тип регрессии
Благополучие	Предвосхищающее удовольствие при выборе первого хода- в условиях максимальной неопределённости	4,162	0,022	$R^2=0,162$ (Adj. $R^2 = 0,123$) $Y_{\partial_1} = \text{благополучие}^2 * 0,005 - \text{благополучие} * 0,241 + 6,310$	Квадратичная
Благополучие	Предсказание выигрыша при выборе первого хода	3,678	0,034	$R^2=0,146$ (Adj. $R^2 = 0,106$) $\text{Пред_1} = \text{благополучие}^2 * 0,012 - \text{благополучие} * 0,658 - 10,425$	Квадратичная
Самоконтроль		3,77	0,017	$R^2=0,212$ (Adj. $R^2 = 0,156$) $\text{Пред_1} = \text{самоконтроль}^3 * 0,003 - \text{самоконтроль}^2 * 0,221 + \text{самоконтроль} * 6,277 - 55,668$	Кубическая
Благополучие	Среднее удовольствие	4,239	0,021	$R^2=0,165$ (Adj. $R^2 = 0,126$) $\text{Среднее удовольствие} = \text{благополучие}^2 * 0,003 + 4,957$	Квадратичная
Благополучие	Среднее предсказание	6,621	0,003	$R^2=0,235$ (Adj. $R^2 = 0,200$) $\text{Среднее предсказание} = \text{благополучие}^2 * 0,008 - \text{благополучие} * 0,401 + 5,536$	Квадратичная
Самоконтроль		6,059	0,005	$R^2=0,220$ (Adj. $R^2 = 0,184$) $\text{Среднее предсказание} = - \text{самоконтроль}^2 * 0,011 + \text{самоконтроль} * 0,721 - 9,721$	Квадратичная
Снижение эмоциональности		4,134	0,023	$R^2=0,161$ (Adj. $R^2 = 0,122$) $\text{Среднее предсказание} = \text{снижение эмоциональности}^2 * 0,005 - \text{снижение эмоциональности} * 0,337 + 6,365$	Квадратичная

Источник: данные автора.

при повышении благополучия повышается предвосхищающее удовольствие. Предсказание выигрыша снижается при увеличении благополучия примерно до значения на одно стандартное

отклонение, меньшее от среднего, а затем увеличивается. Предсказание выигрыша также увеличивается при увеличении самоконтроля.

Так как среднее количество ходов в игре равно 15,17, то средние значения брались для 20 первых шагов. Вклад в предсказание *среднего предвосхищающего удовольствия* демонстрирует *благополучие*: при повышении *благополучия* *среднее удовольствие* повышается. Предикторами *среднего предсказания выигрыша* выступили *благополучие*, *самоконтроль* и *снижение эмоциональности*. *Среднее предсказание выигрыша* увеличивается при увеличении *благополучия*. *Среднее предсказание выигрыша* при увеличении *самоконтроля* также сначала повышается, а затем уменьшается, и, наоборот, при *снижении эмоциональности* сначала понижается, а затем повышается, при этом точка «перегиба» в обоих случаях находится в области средних значений предикторов.

Обсуждение результатов

Эмоциональный интеллект проявил свою регулятивную роль, выступив предиктором как показателей стратегий при принятии многоэтапных решений, так и показателей предвосхищающих и результирующих эмоций, в свою очередь влияющих на игровые показатели.

Самоконтроль как шкала эмоционального интеллекта показал свою включённость в предсказание *суммы выигрыша* как показателя эффективности стратегии ПР. Регрессионная модель при этом квадратичная, что говорит о сложной связи *самоконтроля* и эффективности ПР: лица со средним уровнем *самоконтроля* получают наименьшие выигрыши, что может говорить об осторожной стратегии при среднем *самоконтроле*; большие выигрыши получают люди с низким и

с высоким *самоконтролем*, что может говорить о принятии больших уровней риска, с одной стороны, под воздействием импульсивности, с другой – в связи с устойчивостью в ситуациях риска.

Корреляционный анализ показал связи эмоционального интеллекта в шкалах *благополучия*, *самоконтроля* и *снижения эмоциональности* с *предсказанием выигрыша*: чем выше проявляемый оптимизм относительно будущего, чем лучше *самоконтроль* и лучше понимание и управление своими эмоциями, тем выше предсказание выигрыша. Таким образом, общая гипотеза о включённости эмоционального интеллекта в регуляцию принятия решений в условиях неопределённости и риска принимается.

Тот факт, что лица с более высоким эмоциональным интеллектом прогнозируют большую вероятность выигрыша за счёт стабильного ощущения благополучия и *самоконтроля* при увеличении ситуационного риска, позволяет нам принять вторую гипотезу. Об этом говорит вклад эмоционального интеллекта в шкалах *благополучия*, *самоконтроля* и *снижения эмоциональности* в регрессионные модели для *предсказаний выигрыша*. Таким образом, общее ощущение благополучия, способность к *самоконтролю*, понимание и управлению своими эмоциями сопутствуют эффективности ПР (более высоким предсказаниям выигрыша).

Большее ощущение базового благополучия и оптимизма в отношении будущего способствует большему предвосхищающему удовольствию. Средний уровень *самоконтроля* способствует наиболее высокому предсказанию вероятности выигрыша.

Высокий самоконтроль понижает оценку вероятности выигрыша. Повышение самоконтроля при этом увеличивает ощущение доминантности.

Регрессионный анализ показал вклад *возбуждения* в дисперсию показателя *количества ходов* как показателя принятия ситуационного риска. При этом возбуждение играет двоякую роль. *Предвосхищающее возбуждение* вносит отрицательный вклад в принятие ситуационного риска, поскольку может служить сигналом приближения к такому уровню риска, к которому человек уже не готов. *Результирующее возбуждение* вносит положительный вклад в принятие ситуационного риска, возможно, через повышение вовлечённости в игру. Первая частная гипотеза, таким образом, принимается частично.

Наши данные также свидетельствуют о том, что при увеличении *предвосхищающего удовольствия* увеличивается и *предсказание выигрыша*. Положительная связь *предвосхищающего удовольствия* и *прогноза* была показана и в ранних исследованиях [6].

Вклад эмоционального интеллекта в предсказания показателей стратегий в игре ЭПИК показан впервые.

Выводы

1. Эмоциональный интеллект как диспозициональная черта выступает позитивным предиктором выборов при многоэтапных стратегиях принятия решений в игровой задаче. Лица с более высоким эмоциональным интеллектом прогнозируют большую вероятность выигрыша благодаря стабильному ощущению благополучия и

самоконтроля при увеличении ситуационного риска.

2. Эмоциональный интеллект выступает предиктором предвосхищающих эмоций, которые включены в регуляцию принятия решений. При повышении *благополучия* повышается предвосхищающее *удовольствие*. В то же время с увеличением *предвосхищающего удовольствия* увеличивается *предсказание* выигрыша.

3. Предвосхищающие эмоции во взаимодействии с результирующими эмоциями (*возбуждение*) обуславливают изменения в стратегиях принятия решений (*количества ходов*).

4. Предвосхищающие и результирующие эмоции влияют на принятие решений в игровых стратегиях, однако это влияние не является однозначным и требует дальнейшего исследования.

Заключение

Во многих исследованиях была продемонстрирована роль эмоционального интеллекта, воспринимавшегося как способность, в регуляции принятия решений. В нашем исследовании была показана роль эмоционального интеллекта в регуляции ПР, понимаемого и измеренного как черта. В частности, в данной работе впервые были показаны связи эмоционального интеллекта как черты со стратегиями принятия решений на основе методики ЭПИК.

Гипотезы данного исследования приняты частично, что означает необходимость дальнейшего исследования регуляции принятия решений со стороны эмоционального интеллекта.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность: специфика и взаимодействие. Новополюцк: Полоцкий государственный университет, 2020. 356 с.
2. Канеман Д. Думай медленно..., решай быстро / пер. с англ. М.: АСТ, 2014. 710 с.
3. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979. 503 с.
4. Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределённости и риска. СПб.: Нестор-История, 2016. 344 с.
5. Корнилова Т. В. Толерантность к неопределённости и эмоциональный интеллект при принятии решений в условиях подсказки // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 19–36.
6. Красавцева Ю. В. Предвосхищаемые и результирующие эмоции в регуляции принятия решений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 2. С. 18–33.
7. Красавцева Ю. В., Корнилова Т. В. Эмоциональный и академический интеллект как предикторы стратегий в игровой задаче Айова (IGT) // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 29–43.
8. Крюкова Е. А., Шестова М. А. Эмоциональный интеллект в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека: черта или способность? (адаптация краткой версии опросника TEIQue-SF) // Национальный психологический журнал. 2020. № 3 (39). С. 18–30.
9. Павлова Е. М., Корнилова Т. В. Креативность и толерантность к неопределённости как предикторы актуализации эмоционального интеллекта в личностном выборе // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 39–49.
10. Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Корнилов С. А. Когнитивная и личностная регуляция стратегий решения прогностической задачи (на материале Iowa Gambling Test) // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 3. С. 39–59.
11. Geisler M., Allwood C. M. Competence and Quality in Real-Life Decision Making [Электронный ресурс] // PloS one. 2015. Vol. 10. № 11. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0142178> (дата обращения: 20.11.2022). DOI: 10.1371/journal.pone.0142178.
12. Gutierrez-Cobo M. J., Cabello R., Fernandez-Berrocá P. The relationship between emotional intelligence and cool and hot cognitive processes: A systematic review // Frontiers in behavioral neuroscience. 2016. Vol. 27. № 101. P. 1–13. DOI: 10.3389/fnbeh.2016.00101.
13. Hawthorne M., Chikeleze M. Trait Emotional Intelligence (TEI) & Decision-making: An Exploration of TEI & Mood on Decision-making // North American Journal of Psychology. 2022. Vol. 24. P. 515–528.
14. Hoerger M., Chapman B. P., Epstein R. M. Emotional intelligence: a theoretical framework for individual differences in affective forecasting // Emotion. 2012. Vol. 12. № 4. P. 716–725.
15. Joseph D., Newman D. Emotional Intelligence: An Integrative Meta-Analysis and Cascading Model // The Journal of applied psychology. 2010. Vol. 95. № 1. P. 54–78.
16. Kong D. T. Mayer-Salovey-Caruso. Emotional Intelligence Test (MSCEIT/MEIS) and overall, verbal, and nonverbal intelligence: meta-analytic evidence and critical contingencies // Personality and Individual Differences. 2014. № 66. P. 171–175.
17. Kornilova T. V., Chumakova M. A., Kornilov S. A. Tolerance and Intolerance for Uncertainty as Predictors of Decision Making and Risk Acceptance in Gaming Strategies of The Iowa Gambling Task // Psychology in Russia: State of the Art. 2018. Vol. 11. № 3. P. 86–95.
18. Petrides K. V., Furnham A. Trait emotional intelligence: psychometric investigation with reference to established trait taxonomies // European Journal of Personality. 2001. № 15. P. 425–448.
19. Slovic P., Peters E. Risk Perception and Affect // Current Directions in Psychological Science. 2006. Vol. 15. № 6. P. 322–325.

REFERENCES

1. Andreeva I. N. *Emocional'nyĭ intellekt i emocional'naya kreativnost': specifika i vzaimodeĭstvie* [Emotional intelligence and emotional creativity: specificity and interaction]. Novopolock, Polotsk State University Publ., 2020. 356 p.
2. Kaneman D. Think slowly..., decide quickly (Rus. ed.: *Dumaĭ medlenno..., reshaĭ bystro*). Moscow, AST Publ., 2014. 710 p.).
3. Kozeleckij Yu. *Psihologicheskaya teoriya reshenii* [Psychological theory of decisions]. Moscow, Progress Publ., 1979. 503 p.
4. Kornilova T. V. *Intellektual'no-lichnostnyĭ potencial cheloveka v usloviyah neopredelyonnosti i riska* [Intellectual and personal potential of a person in conditions of uncertainty and risk]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016. 344 p.
5. Kornilova T. V. [Uncertainty tolerance and emotional intelligence in decision-making under prompting]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2014, vol. 11, no. 4, pp. 19–36.
6. Krasavceva Yu. V. [Anticipated and resulting emotions in the regulation of decision-making]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences], 2020, no. 2, pp. 18–33.
7. Krasavceva Yu. V., Kornilova T. V. [Emotional and academic intelligence as predictors of strategies in the Iowa game problem (IGT)]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2018, vol. 39, no. 3, pp. 29–43.
8. Kryukova E. A., Shestova M. A. [Emotional intelligence in the structure of a person's intellectual and personal potential: trait or ability? (adaptation of the short version of the TEIQue-SF questionnaire)]. In: *Nacional'nyi psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2020, no. 3 (39), pp. 18–30.
9. Pavlova E. M., Kornilova T. V. [Creativity and tolerance for uncertainty as predictors of emotional intelligence actualization in personal choice]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2012, vol. 33, no. 5, pp. 39–49.
10. Smirnov S. D., Chumakova M. A., Kornilov S. A. [Cognitive and personal regulation of strategies for solving a prognostic problem (on the material of the Iowa Gambling Test)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology], 2017, no. 3, pp. 39–59.
11. Geisler M., Allwood C. M. Competence and Quality in Real-Life Decision Making. In: *PloS one*, 2015, vol. 10, no. 11. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0142178> (accessed: 20.11.2022). DOI: 10.1371/journal.pone.0142178.
12. Gutierrez-Cobo M. J., Cabello R., Fernandez-Berrocal P. The relationship between emotional intelligence and cool and hot cognitive processes: A systematic review. In: *Frontiers in behavioral neuroscience*, 2016, vol. 27, no. 101, pp. 1–13. DOI: 10.3389/fnbeh.2016.00101.
13. Hawthorne M., Chikeleze M. Trait Emotional Intelligence (TEI) & Decision-making: An Exploration of TEI & Mood on Decision-making. In: *North American Journal of Psychology*, 2022, vol. 24, pp. 515–528.
14. Hoerger M., Chapman B. P., Epstein R. M. Emotional intelligence: a theoretical framework for individual differences in affective forecasting. In: *Emotion*, 2012, vol. 12, no. 4, pp. 716–725.
15. Joseph D., Newman D. Emotional Intelligence: An Integrative Meta-Analysis and Cascading Model. In: *The Journal of applied psychology*, 2010, vol. 95, no. 1, p. 54–78.
16. Kong D. T. Mayer–Salovey–Caruso. Emotional Intelligence Test (MSCEIT/MEIS) and overall, verbal, and nonverbal intelligence: meta-analytic evidence and critical contingencies. In: *Personality and Individual Differences*, 2014, no. 66, pp. 171–175.

17. Kornilova T. V., Chumakova M. A., Kornilov S. A. Tolerance and Intolerance for Uncertainty as Predictors of Decision Making and Risk Acceptance in Gaming Strategies of The Iowa Gambling Task. In: *Psychology in Russia: State of the Art*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 86–95.
18. Petrides K. V., Furnham A. Trait emotional intelligence: psychometric investigation with reference to established trait taxonomies. In: *European Journal of Personality*, 2001, no. 15, pp. 425–448.
19. Slovic P., Peters E. Risk Perception and Affect. In: *Current Directions in Psychological Science*, 2006, vol. 15, no. 6, pp. 322–325.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савельева Виктория Алексеевна – магистр психологии, соискатель кандидатской степени (научный руководитель – Корнилова Т. В.), учебный мастер кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

e-mail: victoriya.savelieva@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4534-1111>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktoriya A. Saveleva – master in psychology, PhD Student (scientific adviser – T. Kornilova) of General Psychology Department, employee at the Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University;

e-mail: victoriya.savelieva@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4534-1111>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Савельева В. А. Эмоциональный интеллект и эмоциональные предвосхищения при принятии многоэтапных решений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2023. № 2. С. 74–86.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-74-86

FOR CITATION

Saveleva V. E. Emotional intelligence and emotional anticipations in decision-making strategies. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 2, pp. 74–86.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-74-86

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-87-98

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК О ЖИЗНЕННЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ И УСПЕШНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Лисичкина А. Г.¹, Трушина И. А.², Емельянова Л. А.³

¹ Психологический институт Российской академии образования
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Российская Федерация

² Челябинский государственный университет
454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129, Российская Федерация

³ Оренбургский государственный университет,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
462403, Оренбургская обл., г. Орск, пр. Мира, д. 15а, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать и описать представления юношей и девушек о жизненных достижениях и успешности в контексте профессионального самоопределения.

Процедура и методы. Исследование основано на данных разработанного нами интервью. Интервью фокусировалось на представлениях молодых людей о будущей жизни, о перспективах, планах относительно будущей жизни. В исследовании приняли участие 10 юношей и 22 девушки в возрасте 15–23 лет, средний возраст респондентов – 18 лет, 10 школьников, 22 студента.

Результаты. Анализ результатов позволяет сделать предварительный вывод, что полученные результаты соответствуют описанному феномену двуплановости самоопределения в раннем юношеском возрасте.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты позволяют предположить возрастную обусловленность динамики самоопределения, не зависящую от социально-экономических обстоятельств.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, успешность обучения, феномен двуплановости самоопределения

BOYS' AND GIRLS' PERCEPTIONS OF LIFE ACHIEVEMENTS AND SUCCESS IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

A. Lisichkina¹, I. Trushina², L. Emelyanova³

¹ *Psychological Institute of the Russian Academy of Education
ul. Mokhovaya, 9, Moscow, 125009, Russian Federation*

² *Chelyabinsk State University
ul. bratiev Kashirinykh 129, Chelyabinsk, 454001, Russian Federation*

³ *Orsk Humanitarian Technological Institute (branch) of the Orenburg State University
pr-t Mira 15a, Orsk, 462403, Orenburg region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze and describe the ideas of young men and women about life achievements and success in the context of professional self-determination.

Methodology. The research is based on the data of the interview developed by us. The interview focused on young people's ideas about the future life, about prospects, plans for the future life. The study involved 10 boys and 22 girls aged 15-23 years old, the average age of the respondents is 18 years old, 10 schoolchildren, 22 students.

Results. The analysis of the results allows us to make a preliminary conclusion that the results obtained correspond to the described phenomenon of the duality of self-determination in early adolescence.

Research implications. The results obtained allow us to assume that the dynamics of self-determination is age dependent, independent of socioeconomic circumstances.

Keywords: professional self-determination, success in learning, the phenomenon of two-dimensional self-determination

Введение

Актуальность исследования проблемы профессионального самоопределения возрастает в связи со смещением возрастных границ, удлинением подросткового периода развития. В работах последних лет исследователи отмечают, что взрослые не имеют чёткого представления о том, каким сегодня должен быть подросток и что важнее всего у него развивать. В последнее время в работах многих учёных (Е. Е. Данилова, С. К. Нартова-Бочавер, О. В. Силина, Н. Н. Толстых, Е. В. Шевкова, Е. М. Березина, О. И. Полянина, Дж. Арнетт, Дж. М. Твенг, С. М. Кэмпбел, Б. Дж. Хофман, С. Е. Ланс) фиксируется феномен «медленного

взросления» [5; 10; 11; 12; 13; 15; 16; 17; 18; 21; 24].

Основным содержанием потребностно-мотивационной сферы личности в ранней юности является обращённость в будущее, построение жизненных планов и перспектив. Л. И. Божович подчёркивает, что профессиональное самоопределение не только основывается на устойчиво сложившихся интересах и стремлениях, но и предполагает учёт собственных возможностей, опирается на формирующееся мировоззрение. Данная потребность возникает на рубеже старшего подросткового и младшего юношеского возрастов [1].

Л. И. Божович отмечала, что «факт возникновения мировоззрения и его

особенности определяют не только содержательную характеристику личности и её отдельных свойств (например – содержание интересов и потребностей субъекта, содержание его переживаний и пр.), но и строение психических процессов, – психологические механизмы его поведения и деятельности» [1, с. 613]. Возникновение мировоззрения в старшем школьном возрасте обуславливает появление психологических новообразований, типичных для данного периода. Таким образом, старший подростковый возраст характеризуется своеобразной жизненной позицией, потребностью в самоопределении, возникновением новых по своему характеру интересов, а также переживаниями, связанными с вопросами мировоззрения. В качестве побудительных сил развития в данном возрасте, как замечает Л. И. Божович, выступают потребности, интересы и стремления ребёнка [1].

Структура мотивационной сферы человека сложна и многогранна. С этой точки зрения можно говорить о преобладающих мотивах, создающих направленность личности в разных сферах её жизни и деятельности. По мнению Л. И. Божович, у школьников старшего подросткового возраста преобладает интерес к будущей профессии [1].

Обращение к мотивам деятельности и успешности её выполнения традиционно развивалось в работах Л. И. Божович, П. М. Якобсона, В. К. Вилюнаса, К. Изарда, А. М. Прихожан [1; 4; 7; 8; 9; 14; 19].

Исходным для эмпирического исследования и сравнительного анализа особенностей отношения к ситуации профессионального самоопределения на разных возрастных этапах молодых

людей послужил описанный в середине прошлого столетия Л. И. Божович феномен двуплановости самоопределения. Опираясь на отечественные и зарубежные исследования, она отмечает философскую направленность личности в юношеском возрасте и потребность разобраться в смысле жизни и собственном предназначении в жизни. Такой неконкретный характер философских исканий своей «миссии» в юношеском возрасте, «такого рода абстрактное “самоопределение” ничего общего не имеет с очень разумным, иногда даже с расчётливым выбором профессии» [1, с. 588]. Одной из причин двуплановости самоопределения она считает особенность мышления, связанную с трудностью конкретизации в этом возрасте. Другая причина рассматривается автором как «предпосылка, позволяющая понять возможность существования у юноши указанной двуплановости перспектив. Главная же причина заключается в том, что в старшем школьном возрасте лишь начинает становиться этот теоретический, философский контекст его мироощущения, его “отрыв” от реального плана взаимоотношений с окружающим и переход в план “идеальной среды”» [1, с. 589]. По мнению Л. И. Божович, данный феномен ликвидируется к концу юношеского возраста.

С. П. Крягжде отмечал в своих работах: «ни в психологической, ни в социологической литературе нет ответа на вопрос, как же происходит переход от романтической направленности к реальному выбору» [6, с. 28].

В последние годы как в отечественной, так и в зарубежной психологии стали появляться работы, в которых

изучаются представления старшеклассников и студентов о том, что для них значит успешность обучения [19; 20]. Данное исследование является поисковым, в нём проводится качественный и содержательный анализ ответов респондентов, целью которого является выработка гипотез для дальнейшего проектирования количественных исследований. На материалах интервью со старшими подростками и юношами мы попытались рассмотреть ситуацию профессионального самоопределения, связанную с необходимостью выбора дальнейшей жизненной перспективы.

Организация исследования

Исследование основано на данных разработанного нами интервью. Интервью фокусировалось на представлениях молодых людей о будущей жизни, о перспективах, планах относительно будущей жизни.

Интервью включало в себя следующие блоки:

1. Представление современных молодых людей о будущей жизни (Каким Вы представляете своё будущее? Ваши планы относительно будущей жизни в ближайшей и долгосрочной перспективе? Чем Вы думаете заняться после окончания школы (вуза, колледжа)?).

2. Профессиональное самоопределение (Кто оказывал наибольшее влияние на профессиональный выбор? Необходимо ли получать образование для получения профессии? Необходимо ли учиться, для того чтобы зарабатывать деньги? Источники получения информации о профессиях? Что самое главное в выборе профессии? На что Вы ориентируетесь в выборе профессии?).

3. Представления молодых людей о достижениях (Что такое достижение? Что необходимо для достижения целей? Чего бы Вы хотели достичь в жизни? Что такое карьера?).

4. Представления молодых людей об успехе и успешности (Что такое успех? Какими видят современные молодые люди успешных людей? Можно ли стать успешным человеком без получения образования?).

Выборка. Всего было проведено 32 интервью с учащимися 9–11 классов и студентами первых и четвёртых курсов вузов г. Москвы, Московской области, г. Орска, г. Челябинска. В исследовании приняли участие 10 юношей и 22 девушки в возрасте 15–23 лет, средний возраст респондентов – 18 лет, 10 школьников, 22 студента. Участие в интервью было добровольным.

Методики. Были проведены частотный и содержательный анализ ответов, тематический анализ, представляющий собой последовательное, многоступенчатое кодирование и обобщение, раскрывающее полученные данные [2; 3; 20; 22; 23].

Каждое интервью длилось около 60 минут. Присутствовали только информант и интервьюер, участники (или их представители) подписывали информированное согласие, велась запись на диктофон.

Результаты исследования

С помощью тематического анализа мы проанализировали понимание школьниками и студентами представлений о будущем, о достижениях, об успешности и выделили тематические категории, которые достаточно полно описывают представления респондентов. Опишем первичные коды темати-

ческого анализа **представлений современных молодых людей о будущей жизни** разных возрастных категорий.

Полученные результаты показали, что представления о будущем у молодых людей различны по своему содержанию в соответствии с возрастной категорией. Среди старших подростков 60% респондентов затруднились сформулировать ответ о своём будущем («О будущем пока не думала, ближайшие планы: хочу закончить школу и после окончания школы планирую пойти в колледж»), 40% учащихся рассматривают будущую деятельность как успешное хобби («Я вижу своё будущее ... успешным музыкантом, и после школы, ну и колледжа, я буду упорно заниматься музыкой»), имеют идеалистическое и оптимистическое представление по данному вопросу («В жизни я бы хотела достичь максимальной реализации во всех её сферах», «Я представляю своё будущее так: я дипломированный специалист, который будет решать проблемы людей и помогать им в их начинаниях»). Иначе звучат ответы респондентов юношеского возраста, относительно которых можно говорить о попытках осмысленности и конкретизации сфер деятельности («Интересуюсь биологическими и сельскохозяйственными науками. Мои ближайшие планы – продолжить работу в научной области и обзавестись семьёй», «Мои ближайшие планы: освоиться на новой работе, участвовать в конференции, получить права. После окончания магистратуры я буду готовиться к поступлению в аспирантуру»).

Среди планов на будущее у всех категорий респондентов в ближайшей перспективе рассматривается завершение образования (85% опрошенных).

Второй блок ответов, касающихся вопросов **профессионального самоопределения**, представлен следующим образом:

- информацию о профессиях современные молодые люди черпают из источников интернета, вне зависимости от возрастной категории (85% респондентов);

- респонденты, вне зависимости от возраста, главным при выборе профессии считают получение удовольствия от деятельности и удовлетворение интереса («Самое главное в выборе профессии – твоё влечение к ней», «Самое главное в выборе профессии – не расценивать её как обязательную работу. Нужно любить то, чем ты занимаешься. Иначе может произойти эмоциональное выгорание», «Самое главное – к профессии должна лежать душа», «Самое главное в выборе профессии – это нравится она тебе или нет, и какая там зарплата»);

- не обнаружено различий среди респондентов в вопросе «Что является самым важным ориентиром в выборе профессии?». У современных молодых людей таковым выступает интерес к будущей деятельности и материальный доход (85% респондентов);

- учащиеся школ и студенты высших учебных заведений в большинстве случаев согласны с необходимостью получения профессионального образования (70% респондентов), 30% респондентов не видят в этом необходимости;

- современные молодые люди 15–22 лет отмечают, что важно быть хорошим специалистом в выбранной сфере деятельности (90% респондентов), связывая это с будущим материальным благополучием («Важно быть

хорошим специалистом, чтобы работа доставляла удовольствие, а клиенты были положительного мнения о Вас», «Хорошим специалистом быть важно, такие специалисты ценятся очень», «Хорошим специалистом быть очень важно в наше время, так как всегда можно найти своё место и заработать на кусок хлеба»);

- вне зависимости от возраста, при выборе профессии современные молодые люди в большинстве случаев (80% респондентов) ориентируются на себя и свои интересы («Нужно самому себе прокладывать дорогу», «На меня никто не оказывает влияния, я сама решаю, кем я хочу быть», «При выборе профессии я ориентируюсь на то, чтобы мне самой нравилась эта профессия»). Таким образом, современные молодые люди рассматривают выбор профессии с позиции интереса и удовольствия от выполняемой деятельности;

- мнения разделились при ответах на вопрос: «Как Вы думаете, необходимо ли учиться, чтобы заработать деньги?». Около 30% респондентов разных возрастов придерживаются позиции, выраженной в высказывании старшеклассника: «Надо учиться, чтобы зарабатывать деньги. Но сколько ты будешь зарабатывать денег, учитывая, как ты будешь учиться? Ты можешь выучиться, получить максимальное количество баллов на экзаменах, получить красный диплом и в итоге работать в каком-нибудь задрипанном офисе за 40 тысяч в месяц». В то же время 70% юношей и девушек вне зависимости от возрастной категории отдают предпочтение получению образования и связывают высокий доход с «достойным» образованием.

Третий блок – **представления молодых людей о достижениях**. Опишем первичные коды тематического анализа представлений молодых людей о достижениях разных возрастных категорий.

Половина старших подростков не имеют чёткого представления о достижениях либо затрудняются ответить на данный вопрос (50% школьников).

Представление о достижениях как результате труда имеются только у респондентов юношеского возраста («Достижение – это то, что ты сегодня делаешь лучше, чем вчера», «Достижения – результаты труда, к которым пришел человек»). Достижение как открытие представлено только в ответах студентов («Достижения – какие-то открытия, важные для человека», «Достижения – это открытия, совершённые для блага человечества и позволяющие расширить его кругозор»). Достижение как проявление способностей также наблюдается только в группе студентов («Достижение – определённый момент, который ты достигнул за счет своей решимости», «Достижения – оценённые по достоинству навыки, благодаря чему ты можешь получить какие-нибудь дополнительные навыки и поощрения этих навыков»). Достижение как успех представлено в категории ответов старших подростков («Достижение – это то, чего ты хочешь достигнуть, войти в историю как великий программист», «Достижения – то, чего я достигну в процессе развития своей карьеры»).

Представления о карьере схожи у всех возрастных категорий, 90% респондентов считают карьерой продвижение по служебной лестнице.

Ответы на вопрос «Чего бы Вы хотели достичь в жизни?» имеют значимые различия в представлениях респондентов старшего подросткового и юношеского возраста. Старшеклассники и студенты первых курсов хотят получить удовольствие и удовлетворение каких-либо потребностей («От жизни я хочу получить максимум всего положительного, построить успешную карьеру и создать счастливую семью», «От жизни я хотел бы получить удовольствие», «Я хочу получить от жизни много ярких моментов», «В жизни мне хотелось бы достичь материального благополучия, а также построить дружную и крепкую семью»). Совсем иную картину мы наблюдаем в представлениях у студентов четвёртых курсов, молодые люди связывают жизненные достижения с конкретными результатами в профессиональной сфере («Я бы хотела стать кандидатом химических наук. Для этого необходимо освоиться в лаборатории комплексного анализа химических соединений, научиться работать со всеми приборами, поступить в аспирантуру», «От жизни я бы хотел получить место работы, которое позволяло существовать и быть востребованным»).

Таким образом, можно констатировать, что старшие подростки имеют абстрактное представление о том, чего бы они хотели получить от жизни. Высказывания студентов четвёртых курсов отличаются конкретизацией и реальным профессиональным выбором.

Анализируя представления о достижениях, в целом можно выделить 3 группы тематических категорий:

Достижение как результат собственного труда. В эту тему мы объ-

единили высказывания, характеризующие достижения как результат упорного труда. В эту категорию также относим высказывания, характеризующие достижения как открытие чего-то уникального или важного на благо человечества.

Достижение как успешное саморазвитие. В данную группу вошли следующие представления о достижениях: описание ощущения комфорта, саморазвитие, самосовершенствование, личностное развитие.

Достижение как способность. В данную категорию мы относим представления молодых людей о достижении как признании каких-то способностей.

Четвёртый блок – **представления молодых людей об успехе и успешности.** Переходим к рассмотрению представлений об успехе и успешности, которые имеют значимые различия в представленных возрастных категориях. Так, 40% школьников и 25% студентов первого курса не имеют представления об успехе, в отличие от респондентов юношеского возраста. Примеры первичных кодов тематического анализа представлений молодых людей об успехе и успешности по категориям:

- успех как достижение цели и результат труда представлен только в ответах студентов четвёртых курсов («Успех – это достижение поставленной цели», «Успех – это способность выполнять какие-либо задачи за короткий срок благодаря своему профессионализму»);

- представления об успехе как везении имеют старшеклассники и студенты первых курсов («Я так представляю себе успешного человека – это тот, который где-то подсутился, может, он

не хорошо учился, даже очень плохо, возможно», «Для меня успех – достижение чего-то большого в жизни»);

- успешность человека как развитие способностей представлена в ответах старшеклассников и студентов первых курсов («Успешный человек – это человек, занимающийся собой, своим развитием», «Успешный молодой человек – неопытен. Далее человек набирается опыта и приобретает необходимые знания», «Молодой успешный человек – человек, у которого есть хороший потенциал»);

- успешность как получение удовольствия от жизни представлена только в ответах школьников («Успешный человек – это человек, получающий удовольствие и удовлетворение от того, что он делает, это тот, который не тратит время впустую, каждый день узнает что-то новое, читает книги, помогает нуждающимся»);

- успешность как достижение цели в профессиональной деятельности представлена только в ответах студентов четвёртых курсов («Успешным заставляю меня чувствовать мои достижения в учёбе», «Молодой успешный человек – это человек, который в молодости понял, кем он хочет стать», «Успешный человек – тот, кто в состоянии добиться своих целей», «Успешный человек – профессионал своего дела»).

Представления об успехе группируются в следующие тематические категории:

- успех как развитие способностей;
- успех как везение;
- успех как хорошая успеваемость;
- успех как достижение поставленной цели в профессиональной деятельности.

Заключение

Опираясь на результаты данного пилотажного исследования, мы выдвинули предположение о том, что представления о своём будущем старших подростков соответствуют феномену, описанному Л. И. Божович о двуплановости самоопределения в ранней юности, что позволяет предположить возрастную обусловленность динамики самоопределения, не зависящую от социально-экономических обстоятельств. Как отмечала Л. И. Божович, двуплановость самоопределения исчезает к концу данного возрастного периода, что наглядно отражено в полученных ответах представителей юношеского возраста, студентов четвёртых курсов обучения.

Данное поисковое исследование позволило сформулировать гипотезы для дальнейшего проектирования количественных исследований. Учитывая связи параметров внутренней позиции и характеристик профессионального самоопределения, для диагностики динамики самоопределения планируется использовать методики исследования профессиональной и личностной идентичности, феномена интернальности, опросники, направленные на изучение субъектной позиции.

Анализ результатов позволяет сделать **предварительный вывод**, что полученные результаты соответствуют феномену, описанному Л. И. Божович, – двуплановости самоопределения в раннем юношеском возрасте. Это позволяет предположить возрастную обусловленность динамики самоопределения, не зависящую от социально-экономических обстоятельств. Как отмечала Л. И. Божович, данный

феномен исчезает к концу юношеского возраста, что наглядно отражено в полученных нами ответах студентов четвёртых курсов обучения.

Статья поступила в редакцию 21.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
2. Бусыгина Н. П. Качественные и количественные методы исследований в психологии. М.: Юрайт, 2019. 423 с.
3. Бусыгина Н. П. Ракурсы интерпретации в качественных исследованиях // Вопросы психологии. 2017. № 2. С. 121–133.
4. Вилюнас В. К. Психология развития мотивации. СПб.: Речь, 2006. 458 с.
5. Гаврилова Т. А., Швец Ф. А. Опросник «Возрастно-статусное самосознание подростка»: теоретическое и психометрическое обоснование // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 2. С. 87–100. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-2-87-100.
6. Гинзбург М. Р. Психология личностного самоопределения: дис. ... д-ра психол. наук. М., 1996. 261 с.
7. Данилова Е. Е. Особенности мотивационной сферы современных российских школьников: содержание, возрастная динамика, роль образовательной среды // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10. № 1. С. 6. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-6.
8. Изард К. Э. Психология эмоций / пер. с англ. СПб.: Питер, 2012. 464 с.
9. Кондратюк Н. Г., Бурмистрова-Савенкова А. В., Моросанова В. И. Шкала карьерно-адаптационных способностей М. Савикаса и Э. Порфели: психометрические характеристики русскоязычной версии на выборке подростков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 3. С. 555–575. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-3-555-575.
10. Лисичкина А. Г., Трушина И. А., Емельянова Л. А. Эмоциональные характеристики профессиональных установок старшеклассников // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т. 8. № 3. С. 95–107. DOI: 10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-9.
11. Манукян В. Р. Взросление молодежи: сепарация от родителей, субъективная взрослость и психологическое благополучие в возрасте 18–27 лет // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 3. С. 129–140. DOI: 10.17759/pse.2022270310.
12. Митрофанова Е. С. (Не)время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 4. С. 36–61.
13. Нартова-Бочавер С. К., Силина О. В. Психологические границы личности: взросление и культура. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 120 с.
14. Прихожан А. М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М.: АНО «ПЭБ», 2007. 56 с.
15. Толстых Н. Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 7–24. DOI: 10.17759/cpp.2015230402.
16. Шевкова Е. В., Березина Е. М., Полянина О. И. Современные практики развития взрослости: философские и психологические аспекты // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 2. С. 221–228. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-221-228.

17. Шилова Н. П., Владыко А. К. Этапы взросления в российском современной культуре // Сибирский психологический журнал. 2021. № 82. С. 37–53. DOI: 10.17223/17267080/82/317.
18. Шинина Т. В., Митина О. В. Разработка и апробация опросника «Готовность подростков к самостоятельной жизни»: оценка и развитие жизненных навыков // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 1. С. 50–68. DOI: 10.17759/pse.2019240104.
19. Якобсон П. М. Психология чувств и мотивации: избранные психологические труды / под ред. Е. М. Борисовой. Воронеж: МОДЭК, 1998. 304 с.
20. Ярошевская С. В., Сысоева Т. А. Представления студентов об успешности обучения: темы, ориентиры и противоречия // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 1. С. 92–101. DOI: 10.17759/pse.2021260106.
21. Arnett J. J. Emerging adulthood: a theory of development from the late teens through the twenties // American Psychologist. 2000. Vol. 55. № 5. P. 469–480. DOI: 10.1037/0003-066x.55.5.469.
22. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. № 2. P. 77–101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa.
23. Braun V., Clarke V., Hayfield N. Thematic Analysis // Handbook of Research Methods in Health Social Sciences. Singapore: Springer, 2019. P. 843–860. DOI: 10.1007/978-981-10-2779-6_103-1.
24. Twenge J. M., Campbell S. M., Hoffman B. J. Generational differences in work values: leisure and extrinsic values increasing, social and intrinsic values decreasing // Journal of Management. 2010. Vol. 36. № 5. P. 1117–1142. DOI: 10.1177/0149206309352246.

REFERENCES

1. Bozhovich L. I. *Lichnost' i eyo formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 400 p.
2. Busygina N. P. *Kachestvennye i kolichestvennye metody issledovaniy v psikhologii* [Qualitative and quantitative research methods in psychology]. Moscow, Yurajt Publ., 2019. 423 p.
3. Busygina N. P. [Perspectives are found in observations]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2017, no. 2, pp. 121–133.
4. Vilyunas V. K. *Psihologiya razvitiya motivatsii* [Psychology of development of motivation]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2006. 458 p.
5. Gavrilova T. A., Shvec F. A. [Questionnaire “Age-status self-awareness of a teenager”: theoretical and psychometric justification]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Regional University. Series: Psychological sciences], 2020, no. 2, pp. 87–100. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-2-87-100.
6. Ginzburg M. R. *Psihologiya lichnostnogo samoopredeleniya: dis. ... d-ra psihol. nauk* [Psychology of personal self-determination: Dr. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 1996. 261 p.
7. Danilova E. E. [Features of the motivational environment of modern Russian schoolchildren: content, age dynamics, the role of the educational environment]. In: *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of the Minin University], 2022, vol. 10, no. 1, p. 6. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-6.
8. Izard K. E. Psychology of emotions (Rus. ed.: *Psihologiya emocij*. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. 464 p.).
9. Kondratyuk N. G., Burmistrova-Savenkova A. V., Morosanova V. I. [M. Savik's and E. Porfely's career-adaptive abilities: psychometric characteristics of the Russian-language ver-

- sion on a sample of adolescents]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy], 2021, vol. 18, no. 3, pp. 555–575. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-3-555-575.
10. Lisichkina A. G., Trushina I. A., Emel'yanova L. A. [Emotional characteristics of high school students' professional attitudes]. In: *Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya* [Scientific result. Pedagogy and psychology of education], 2022, vol. 8, no. 3, pp. 95–107. DOI: 10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-9.
 11. Manukyan V. R. [Growing up of youth: separation from parents, subjective adulthood and psychological well-being at the age of 18–27 years]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2022, vol. 27, no. 3, pp. 129–140. DOI: 10.17759/pse.2022270310.
 12. Mitrofanova E. S. [(No) time to grow up: how the age of onset of debut biographical events among Russians changes]. In: *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 2020, vol. 7, no. 4, pp. 36–61.
 13. Nartova-Bochaver S. K., Silina O. V. *Psihologicheskie granicy lichnosti: vzroslenie i kul'tura* [Psychological boundaries of personality: growing up and culture]. Moscow, Monuments of Thoughts Publ., 2018. 120 p.
 14. Prihozhan A. M. *Diagnostika lichnostnogo razvitiya detej podrostkovogo vozrasta* [Diagnostics of personal development of adolescent children]. Moscow, Ano Peb Publ., 2007. 56 p.
 15. Tolstyh N. N. [Modern adulthood]. In: *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2015, vol. 23, no. 4, pp. 7–24. DOI: 10.17759/cpp.2015230402.
 16. Shevkova E. V., Berezina E. M., Polyanina O. I. [Modern development of the practice of adulthood: philosophical and psychological aspects]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2018, no. 2, pp. 221–228. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-2-221-228.
 17. Shilova N. P., Vladyko A. K. [Stages of growing up in modern Russian culture]. In: *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Psychology], 2021, no. 82, pp. 37–53. DOI: 10.17223/17267080/82/317.
 18. Shinina T. V., Mitina O. V. [Development and approbation of the questionnaire “Readiness of teenagers for independent life”: assessment and development of life skills]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2019, vol. 24, no. 1, pp. 50–68. DOI: 10.17759/pse.2019240104.
 19. Yakobson P. M. *Psihologiya chuvstv i motivacii: izbrannye psihologicheskie trudy* [Psychology of feelings and motivations: selected psychological works]. Voronezh, Modek Publ., 1998. 304 p.
 20. Yaroshevskaya S. V., Sysoeva T. A. [Students' perceptions of learning success: topics, guidelines and contradictions]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 92–101. DOI: 10.17759/pse.2021260106.
 21. Arnett J. J. Emerging adulthood: a theory of development from the late teens through the twenties. In: *American Psychologist*, 2000, vol. 55, no. 5, pp. 469–480. DOI: 10.1037/0003-066x.55.5.469.
 22. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology. In: *Qualitative Research in Psychology*, 2006, vol. 3, no. 2, pp. 77–101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa.
 23. Braun V., Clarke V., Hayfield N. Thematic Analysis. In: *Handbook of Research Methods in Health Social Sciences*. Singapore, Springer, 2019, pp. 843–860. DOI: 10.1007/978-981-10-2779-6_103-1.

24. Twenge J. M., Campbell S. M., Hoffman B. J. Generational differences in work values: leisure and extrinsic values increasing, social and intrinsic values decreasing. In: *Journal of Management*, 2010, vol. 36, no. 5, pp. 1117–1142. DOI: 10.1177/0149206309352246.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лисичкина Алёна Геннадьевна – научный сотрудник Психологического института Российской академии образования;

e-mail: al1975@spartak.ru; ORCID: 0000-0002-5411-2396

Трушина Ирина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Института образования и практической психологии Челябинского государственного университета;

e-mail: trushina_ia@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5001-5927

Емельянова Лариса Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент Орского гуманитарно-технологического института (филиала) Оренбургского государственного университета;

e-mail: larissa-em56@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7837-637X

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alena G. Lisichkina – Research Assistant, Psychological Institute of RAE;

e-mail: al1975@spartak.ru; ORCID: 0000-0002-5411-2396

Irina A. Trushina – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Head of the Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University;

e-mail: trushina_ia@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5001-5927

Larisa A. Emelyanova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Orsk Humanitarian Technological Institute (branch) of Orenburg State University,

e-mail: larissa-em56@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7837-637X

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лисичкина А. Г., Трушина И. А., Емельянова Л. А. Представления юношей и девушек о жизненных достижениях и успешности в контексте профессионального самоопределения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2023. № 2. С. 87–98.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-87-98

FOR CITATION

Lisichkina A. G., Trushina I. A., Emelyanova L. A. Boys' and girls' perceptions of life achievements and success in the context of professional self-determination. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 2, pp. 87–98.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-87-98

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-99-112

МАРКЁРЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ НА ПЕНСИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Забелина Е. В., Данилова А. А., Волосатова О. С.

Челябинский государственный университет

*454001, Челябинская обл., г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129,
Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучение маркёров социализации через субъективное восприятие времени жизни на пенсии.

Процедура и методы. Главным методом стало проведение полуструктурированного интервью, которое затем обрабатывалось методом тематического анализа. Исследование проводилось в г. Челябинске и Челябинской области в 2022 г., всего было проведено и обработано 20 интервью.

Результаты. На основе результатов качественного анализа проанализированы маркёры социализации людей на пенсии и субъективное восприятие времени (прошлого, настоящего и будущего). Установлено, что основу ценностного ядра пенсионеров составляют здоровье, семья и дети, достаток, успех и счастье родных, которые формируют представление об «идеальной» старости. При этом образы идеальной и реальной старости во многом не идентичны. Рассогласованность наблюдается также в степени сформированности и сфокусированности на образах прошлого, настоящего и будущего. Наиболее чётко и позитивно в сознании респондентов представлено прошлое; ассоциации с настоящим менее конкретны и более негативны. Практически все пенсионеры испытывали сложности в формулировке целей и образа личного будущего, при этом оптимистично характеризовали будущее страны в целом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование вносит вклад в понимание роли восприятия времени жизни в процессе социализации людей на пенсии. Результаты создают основу для проведения дальнейших количественных исследований в этой проблемной области, в частности для изучения временного фокуса.

Ключевые слова: вторичная социализация, пожилые люди, восприятие времени жизни, образ старости, ценности, временной фокус

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-00421.

MARKERS OF THE SOCIALIZATION AND LIFE TIME PERCEPTION OF PENSIONERS: THE RESULTS OF A QUALITATIVE ANALYSIS

E. Zabelina, A. Danilova, O. Volosatova

Chelyabinsk State University

ul. Br. Kashirinykh, 129, Chelyabinsk, 454001, Chelyabinsk Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the markers of socialization through the subjective perception of life in retirement.

Methodology. The main method was to conduct a semi-structured interview, which was then processed by the method of thematic analysis. The study was conducted in Chelyabinsk and Chelyabinsk region in 2022, a total of 20 interviews were conducted and processed.

Results. Based on the results of qualitative analysis the markers of socialization of people in retirement were analyzed, as well as the subjective perception of time (past, present and future). It was found that the basis of pensioners' value core is health, family and children, prosperity, success and happiness of their relatives, which are the basis for the "ideal" old age. At the same time, the images of ideal and real old age are not identical in many ways. Mismatch is also observed in the degree of formation and focus on the images of the past, present and future. The past is most clearly and positively represented in the minds of the respondents; associations with the present are less concrete and more negative. Almost all pensioners had difficulty in formulating goals and images of their personal future, while optimistically describing the future of the country as a whole.

Research implications. The study contributes to understanding the role of the perception of time of life in the socialization of pensioners. The results form the basis for further quantitative research in this problem area, in particular to examine the temporal focus.

Keywords: secondary socialization, elderly people, perception of life time, image of old age, values, temporal focus

Acknowledgments: The research was carried out with the help of a grant from the Russian Science Foundation no. 22-28-00421

Введение

Происходящие в мире глобальные изменения, связанные со «старением» общества, существенным образом меняют демографическую структуру населения. Рост доли пожилых людей требует осмысления специфики протекания процесса старения, включённости пожилых в общественные отношения, применения их опыта и профессионализма в социальной практике [11, с. 262]. Всё менее актуальным становится взгляд на старость как на период стагнации, увядания, постепенного отдаления от общественной

и социальной жизни (например, теория разобществления Э. Камминга и У. Генри (1961), теория геротрансценденции Л. Торнстама (1999) [4, с. 19]). Такой подход к старости предполагает, что по достижении пенсионного возраста процесс социализации завершается, происходит сворачивание социальных связей, снижается интерес к внешним событиям, основной фокус внимания становится направленным на внутренние переживания. Современные реалии, однако, позволяют с уверенностью говорить о старости как о возрасте потенциальных

возможностей и развития [5, с. 244]. В связи с этим одним из необходимых условий поддержания высокого качества жизни личности пожилого человека видится поздняя (вторичная) социализация [8; 12].

Для понимания феномена поздней (вторичной) социализации и разработки системы её оценки необходимо выделить маркёры, определяющие её сущность и успешность. Попытки подобных исследований уже предпринимались в научной литературе [1; 13], однако до настоящего момента чёткие критерии так и не были сформированы. При этом исследовательский интерес всё чаще фокусируется на том, какие факторы могут служить предикторами успешной вторичной социализации. Наравне с биологическими, социальными и экономическими факторами авторами ярко актуализируется значимость внутренних ресурсов личности пожилых, позволяющих поддерживать высокий уровень жизни и психологического благополучия. Одним из таких ресурсов является субъективное восприятие времени жизни [2; 3; 15; 16].

Фундаментальной предпосылкой, лежащей в основе исследований, посвящённых психологическому времени личности пожилых, является представление о том, что *люди, неодинаково воспринимающие прошлое, настоящее и будущее, дифференцированы и по степени социализации*. Так, получено достаточно доказательств связи особенностей восприятия времени с отдельными аспектами социализации пожилых людей: субъективным благополучием [15; 18], уровнем самооценки [19, р. 107], формированием благоприятных для здоровья привычек, которые влияют на заболеваемость и

смертность [17, р. 490–491]. Однако для комплексного подтверждения данного тезиса и возможности количественного анализа необходимо устранение дефицита фактологического и феноменологического материала.

Целью исследования является частичное восполнение пробелов с помощью получения и анализа качественных данных о социализации людей пенсионного возраста с учётом особенностей восприятия времени жизни. В исследовании были поставлены две основные задачи: 1. на основе качественных данных выявить маркёры эффективной поздней социализации (жизненные ценности, представления об идеальной жизни на пенсии); 2. представить феноменологический материал о восприятии времени (прошлого, настоящего и будущего) у пенсионеров.

Методы и выборка

Качественный метод стал основным в настоящем исследовании. Именно качественные методы позволяют акцентировать внимание не на подсчёте и статистическом обобщении тех или иных данных, а на их содержательном аспекте, обобщении, сравнении и психологической интерпретации информации [10, с. 18].

Для проведения качественного исследования была разработана программа полуструктурированного интервью, методологической базой которой выступили работы Е. В. Забелиной, Ю. В. Честюниной [6, с. 124–125], О. Т. Мельниковой, Д. А. Хорошилова [7, с. 13–14]. Интервью проводилось индивидуально с каждым из респондентов, затем записи расшифровывались и подвергались тематическому анализу [14, р. 87].

Вопросы вводной части интервью были ориентированы на установление контакта с респондентами и формирование массива демографических данных (место проживания, пол, возраст, уровень образования, профессия, увлечения и т. д.). Основную часть интервью согласно задачам исследования составили вопросы, касающиеся ценностных установок и образа идеальной старости, восприятия времени (прошлого, настоящего, будущего), а также целевых установок и образа личного будущего.

В качестве респондентов выступили пожилые люди в возрасте от 60 до 84 лет (все официально находятся на пенсии) – всего 20 человек, из них 7 мужчин и 13 женщин. Профессиональная принадлежность респондентов в выборке представлена довольно широко: это представители как интеллектуального (преподаватель вуза, учитель, инженер), так и физиче-

ского (монтажник, пожарный, швея) труда. 9 респондентов имеют высшее образование, 6 – среднее профессиональное образование и 5 – основное и среднее общее образование.

Образ идеальной старости

В первом исследовательском блоке (для решения первой задачи) рассматривались аспекты текущей социализации пенсионеров, того, что позволяет им чувствовать себя удовлетворёнными, успешными, что приносит радость и составляет ценностную основу их жизни. Уделялось также внимание образу идеальной старости, её составляющим и сопоставлению текущей ситуации с идеалом.

В качестве основных ценностей респонденты называют следующие: здоровье, семья и дети, достаток, успех и счастье родных, работа, мир, любовь. Процентное соотношение ценностей представлено на рисунке 1.

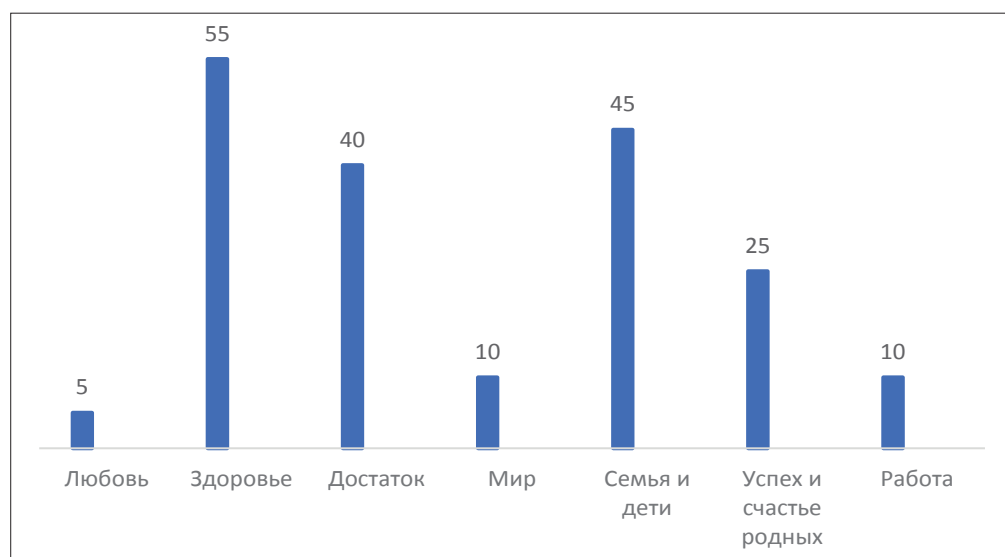

Рис. 1 / Fig. 1. Процентное соотношение ценностей опрошенных пенсионеров (% от выборки) / Percentage of the values of the surveyed pensioners (% of the sample)

Источник: данные авторов.

Актуальность ценности здоровья и хорошего самочувствия не вызывает сомнения, 55% респондентов при описании самых важных жизненных ценностей назвали именно категорию «здоровье». Важность данной ценности закономерна и легко объяснима, поскольку в позднем возрасте физические ресурсы, как правило, уменьшаются, организм напоминает о себе различными заболеваниями.

В основу жизненных ценностей многих респондентов положена также такая составляющая, как «*семья и дети*» (45%). Отмечается важность счастливой семьи, наличия дома, здоровья и счастья детей. Опираясь на данные характеристики, можно отметить желание снизить чувство одиночества, стремление к общности и близости с родными. В подтверждение данного тезиса можно привести следующие категории: «*друзья*», «*доверять и поддерживать друг друга*», «*жить по традициям и законам своего народа и государства*». Как видно из высказываний, респонденты воспринимают себя единицей чего-то большего, неотъемлемой частью своей семьи и окружения, государства. Ярко прослеживается *ориентация на счастье и успехи родных* (25%). Часть респондентов в тройку самых важных вещей в жизни включали: «*благополучие родных*», «*счастье близких*», «*свадьбу детей*», «*чтоб дети были успешны*». Выявленная тенденция противоречит одному из подходов к поздней социализации как ко времени отдаления от общественной и социальной жизни, исключения человека из социальных систем (этому посвящены работы, например, В. А. Беликова¹).

¹ Беликов В. А. Характеристика этапов десоциализации личности в пожилом возрасте //

Третьей по значимости ценностью пенсионеров является *достаток* (40%). Эту категорию демонстрируют такие выражения, как «*нормальный достаток*», «*финансовое благополучие*», «*благосостояние*». Фразы «*чтоб пенсия больше была*», «*чтоб все жили лучше, чем сейчас*» свидетельствуют о неудовлетворённости уровнем достатка, о желании увеличить свои доходы. Так, 35% респондентов, имея официальный статус пенсионера, продолжают работать. На вопрос «Чем вы сейчас занимаетесь?» были получены такие ответы: «На пенсии, но продолжаю работать в сфере охраны труда», «На пенсии, но продолжаю преподавать», «На пенсии, работаю комендантом» и т. д. Основным мотивом продолжения трудовой деятельности на пенсии является недостаток финансовых средств (70% работающих опрошенных пенсионеров), однако для трети респондентов, имеющих коммерческую занятость, наряду с денежной мотивацией значимыми являются также такие факторы, как потребность ощущать свою «нужность» обществу («человек должен быть полезен обществу и коллективу»), сохранение когнитивных функций («особенно важно, чтобы были серьезные задания по работе, чтобы держать умственную деятельность в форме»).

Помимо вышеперечисленных ценностей, респонденты отмечают такие параметры, как мир (10%), работа (10%), любовь (5%), что отражает стремление к политической и социальной включённости, открытости к межличностным отношениям.

Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 2. С. 210–227.

Ключевые ценности формируют идеальный образ старости, жизни на пенсии. Так, на вопрос «Как в идеале выглядит жизнь на пенсии?» респонденты давали схожие ответы, включающие основные ценности: «Спокойствие, радость детей, их забота, любовь», «Есть жилье и всё необходимое. Общение с внуками и детьми, встречи и поездки с родными. Не нужно никуда бежать, есть возможность выспаться и не торопиться», «Иметь возможность достойно лечиться. Пенсия должна быть не меньше 30 тысяч, чтоб можно было купить не только лекарства и еду, но и побаловать себя». В ответах респондентов об идеальной жизни на пенсии прослеживается стремление к активной жизни, общению, расширению кругозора, социальной полезности: «Путешествия хотя бы раз в год», «Общение с друзьями, быть полезным

обществу и коллективу», «После выхода на пенсию можно найти себя в чём-то другом».

Процентное соотношение критериев идеальной старости представлено на рисунке 2.

При сравнении образа идеальной старости и текущего положения 20% респондентов отметили, что в целом довольны своим положением («Практически всё есть», «Мне всего хватает», «Самое важное у меня есть»). По мнению 10% – наблюдается полное несовпадение их образа идеальной старости и того, что они имеют сейчас. Можно отметить достижение относительного комфорта в нематериальной и материальной сферах: «Моя родня рядом», «Есть сад, помогает разнообразить жизнь», «Есть клуб пенсионеров, там обучение интересное, общение», «Есть крыша над головой, ноги ещё дви-

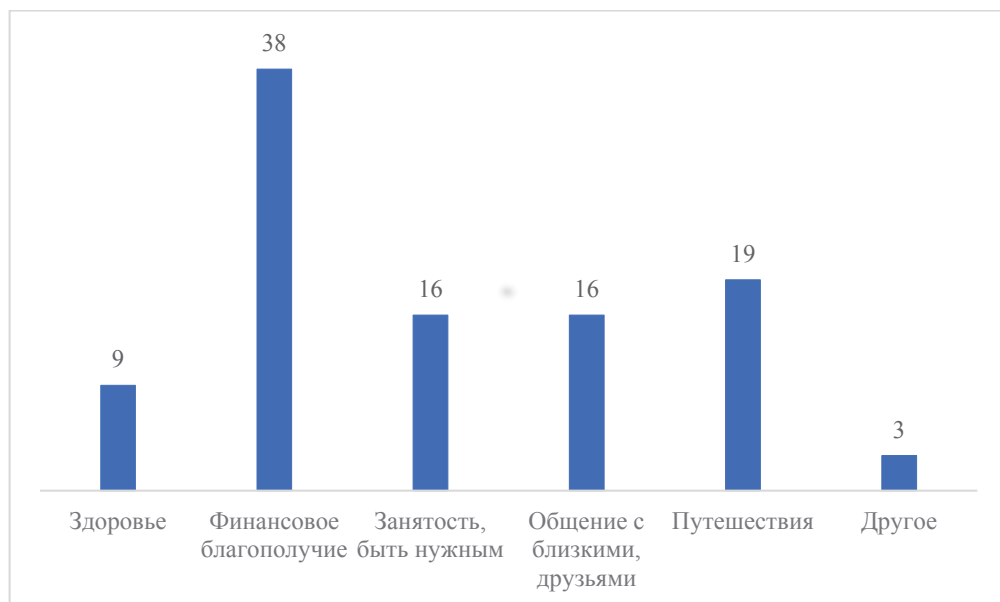

Рис. 2 / Fig. 2. Критерии идеальной старости по мнению респондентов (% от выборки) / Criteria for ideal old age according to the respondents (% of sample)

Источник: данные авторов.

гаются». При этом респонденты выказывают огорчение по поводу нехватки денежных средств (60%), одиночества, недостатка общения и заботы (20%), серьёзных проблем со здоровьем (15%).

Образ времени (прошлого, настоящего, будущего)

Вторая часть интервью направлена на решение второй исследовательской задачи и включает вопросы, выясняющие эмоциональную оценку прошлого, настоящего и будущего у респондентов, а также ассоциативное представление о времени в целом.

Образ прошлого. Анализ высказываний о прошлом позволяет отметить позитивную эмоциональную окраску прошлых воспоминаний. Так, 65% респондентов с удовольствием давали характеристику своему прошлому: «Молодые были, стабильность была, уверенность в завтрашнем дне», «Добрые чувства: мне встретился человек, которого я любила, и он взаимностью отвечал, дети были ласковые, добрые», «В молодости были активные, весёлые, ездили с палатками отдыхать, в футбол играли, на танцы бегали». Негативные эмоции в большей мере связаны с несбывшимися надеждами и нереализованными планами: «Чувство, что что-то не сделал, что мог бы сделать», «Можно было бы жить и получше», «Что прожито, то прожито. Мои мечты не исполнились». При описании образа прошлого появляется также тема «ошибок» (о них упомянули 15% респондентов), которые становятся понятными только сейчас. Большинство ассоциаций с прошлым касается «детства» (к этому периоду жизни в той или иной форме обращались 40% опрошенных), которое пред-

стаёт в памяти в радужных, ностальгических картинах. Возможно, такое внимание к детским воспоминаниям актуализируется в позднем возрасте, поскольку оно служит источником положительных эмоций и является психологическим ресурсом для преодоления трудностей этого возраста. На рисунке 3 представлены результаты анализа самых ярких воспоминаний интервьюируемых о прошлом.

В качестве основного ассоциативного образа прошлого чаще всего назывались такие собирательные категории, как «счастливое детство», «спортивная юность», «ностальгия». Лишь небольшая часть респондентов (10%) ассоциируют образ прошлого с конкретными событиями: «Сибирь, –50, снега под второй этаж. Родители возвращаются в ноябре с курорта загорелые, красивые, рассказывают, как в море купались», «Первая лампочка, которая у нас в деревне загорелась». Наиболее яркие воспоминания распределились следующим образом: рождение детей, внуков (50%, в основном у женщин), учёба в школе, техникуме, институте (45%), свадьба, первая любовь (35%), поездки на отдых (20%). В ходе интервью зафиксировано довольно много персональных воспоминаний, связанных с семьёй (35%), например, «встреча с бабушкой после интерната», «как семья мужа меня приняла, несмотря на то, что я сирота», «молодые родители», «семья, которая меня поддерживала, когда мне пришлось несколько лет не работать», «в детстве отец пришел с работы, взял меня на руки и поднял к самому потолку», «как росли дети».

Образ настоящего. В ответах на вопросы о настоящем проявилось большее разнообразие мнений. Часть

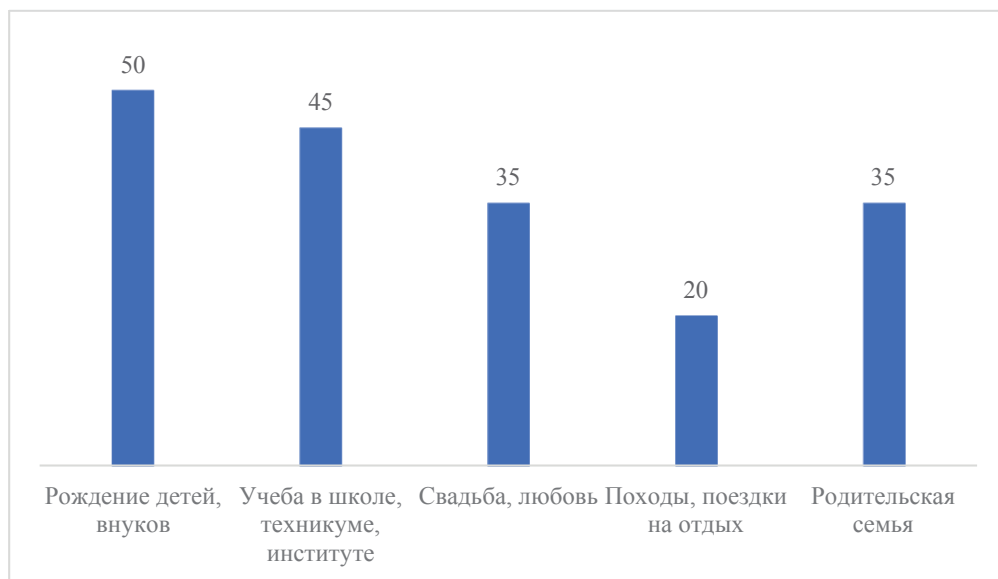

Рис. 3 / Fig. 3. Образ прошлого в аспекте самых ярких воспоминаний (% от выборки) / The image of the past in the aspect of the most vivid memories (% of sample)

Источник: данные авторов.

респондентов эмоциональное отношение к настоящему выражают через негативные эпитеты («тяжёлое», «пандемийное», «тревожное») (20%). Только один респондент из всей выборки дал ярко позитивное описание: «Спокойное, наполненное тёплыми моментами». В целом в большинстве ответов можно отметить стремление уйти от конкретики, скудность эмоционального описания, односложность, отсутствие ассоциативно-образных представлений: «Надо жить здесь и сейчас», «Живём, хлеб жуём», «Просто существую» и т. д. Интересен и тот факт, что лишь 20% респондентов регулярно думают о настоящем, в то время как остальные большее место в своих мыслях отводят прошлому и будущему. С одной стороны, этот факт можно рассматривать как защитную реакцию – желание отгородиться от негативных моментов в настоящем. С

другой стороны, избегание мыслей о настоящем может свидетельствовать о неудовлетворённости жизнью, неприятии себя и своего возраста.

Образ будущего. Анализ образа будущего пожилых людей определялся через описание краткосрочных и долгосрочных целей. Респондентам предлагалось определить свои цели и желания с указанием срока реализации, а также оценить перспективы на 1 год, 3 года и 10 лет (в стране и мире).

Отметим, что ни один из респондентов не высказал долгосрочных планов. Это соотносится с положениями теории социально-эмоциональной избирательности (Карстенсен, Исааковиц, Чарльз¹, 1999) о том, что эмоциональное благополучие пожилых людей

¹ Carstensen L. L., Isaacowitz D. M., Charles S. T. Taking time seriously: A theory of socioemotional selectivity // *American Psychologist*. 1999. № 54. P. 165–181.

обусловлено ограниченной перспективой будущего. При этом лишь 20% смогли сформулировать краткосрочные планы с указанием временных границ: «Найти работу, которая будет нравиться (1,5 года)», «Съездить к Матрёне Московской (полгода)», «Сделать операцию (в течение 3 месяцев)», «Закончить стройку (1 год)». 15% респондентов ответили, что не строят планов и не ставят целей на будущее («Мне уже ничего не надо», «Живу одним днём»). Остальные представители выборки сформулировали свои предпочтения на будущее обтекаемо: как можно дольше сохранить здоровье, видеть своих близких счастливыми, заниматься любимыми увлечениями, общаться с родными и не испытывать материальных проблем.

В отношении ближайшего развития (1–3 года) также можно наблюдать отсутствие конкретики и чётких ответов, общий пессимистичный фон: «За других не знаю, у меня вряд ли что-то изменится», «Вершин уже особых не добьёмся, жизнь идёт на угасание, но хочется быть в строю», «Дай бог, чтоб сил хватило, чтоб ничего плохого не случилось».

Интересным наблюдением стало то, что оценка долгосрочной перспективы развития страны, напротив, даёт возможность говорить об оптимистичном настрое на будущее и о позитивной картине грядущего. По мнению 55% респондентов, в ближайшие 10 лет страна будет идти по пути прогрессивного развития: «Верю, что будет лучше, чем сегодня, а как – одному Богу известно», «Мы идём в правильном направлении. Страна займет лидирующие позиции в мире, жители будут благополучнее».

Временной фокус. Ответы на вопрос о том, куда больше направлено внимание респондентов (на прошлое, настоящее или будущее), распределились неравномерно. 10% респондентов указали, что в равной степени сосредоточены на прошлом, настоящем и будущем. 40% ориентированы в большей мере на прошлое, 25% – на настоящее, 5% – на будущее. Кроме того, есть респонденты, фокус внимания которых сосредоточен на событиях двух временных типов: настоящее и будущее (10%), прошлое и настоящее (5%), прошлое и будущее (5%). Такое разнообразие ставит задачу дальнейшего изучения причин различного временного фокуса в пенсионном возрасте в количественных исследованиях.

Общее представление о времени. Вопросы о том, что такое время, как можно его определить, вызывали затруднения у части респондентов (10%): «время – это время», «это философский вопрос, затрудняюсь ответить». В четверти ответов респондентов (25%) время описывается в негативном ключе: оно «летит», «быстро проходит», «сейчас тяжёлое, неинтересное», «прошло оно для нас, доживаем», «время – это затяжной прыжок в могилу». Часть ответов связана с представлением о времени как о возможностях, о чём-то ценном («огромная ценность»), чем нужно дорожить, об «ожидании чего-то хорошего, нового». Можно предположить, что восприятие времени на пенсии определяется качеством поздней социализации: в случае её успешности можно ожидать более позитивного, ответственного отношения к жизни, в противном случае – время воспринимается резко негативно. Это предположение нуждается в дальнейшей проверке.

Заключение

Таким образом, по результатам анализа интервью были сформулированы следующие выводы. В рамках первой задачи были выявлены жизненные ценности пенсионеров как маркёры поздней социализации. Основу ценностного ядра личности опрошенных пенсионеров составляют здоровье, семья и дети, достаток, успех и счастье родных, работа, мир, любовь – именно эти категории были названы в качестве самых главных вещей в жизни. Эти ценностные ориентиры ложатся в основу идеального образа старости, который зачастую, по субъективным оценкам, не совпадает с реальной жизнью пенсионеров. Причиной этого выступают: нехватка денежных средств, страх одиночества, недостаток общения и заботы, серьёзные проблемы со здоровьем. Важными маркёрами успешной социализации в позднем возрасте также выступают стремление к активной жизни, расширению кругозора, социальной полезности.

В рамках второй поставленной задачи был собран феноменологический материал, качественно презентующий представление о времени на пенсии. Наблюдается рассогласованность в степени сформированности и сфокусированности на образах прошлого, настоящего и будущего. Пожилые люди с трепетом и любовью хранят в памяти прошлые воспоминания, готовы давать яркие ассоциативные образы, сопровождаемые положительным эмоциональным фоном. При этом прослеживается нечёткость в предъяв-

лении образов настоящего и ближайшего будущего, о чём свидетельствуют односложность ответов, отсутствие ярких ассоциативно-образных представлений, зачастую негативная эмоциональная окраска.

Полученные результаты исследования дают возможность предполагать, что качество социализации людей на пенсии может дифференцироваться на основе восприятия времени жизни. Большая часть интервьюируемых болезненно переживает разрыв между желаемым положением и действительным, остро реагирует на сужение социальных контактов, изменение материального положения после окончания трудовой деятельности, погружается в воспоминания о прошлом, при этом тревожно и настороженно относясь к событиям настоящего и будущего. Однако некоторые респонденты демонстрируют внутреннюю устойчивость, осознавая важность обнаружения поводов для оптимизма в текущем моменте. Важной частью их внутреннего благополучия является обращённость к настоящему и будущему, что проявляется в стремлении к общению, заботе о здоровье, поиске новых увлечений. Полученные результаты создают основу для разработки инструментария в целях проведения количественных исследований социализации людей на пенсии. Выявленная проблематика актуализирует вопрос дальнейшего исследования вторичной (поздней) социализации через призму психологического времени.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова О. С., Бондаренко Ю. С., Бучкова А. И. Модель социально-психологического сопровождения пожилых людей в посттрудовой период и социологический анализ основных критериев её результативности и эффективности // Социодинамика. 2022. № 11. С. 56–71.
2. Балашова Е. Ю., Микеладзе Л. И. Особенности временной перспективы при нормальном старении и депрессиях позднего возраста [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. URL: <https://doi.org/10.54359/rs.v8i39.563> (дата обращения: 18.01.2023).
3. Данилова А. А., Забелина Е. В. Психологическое время личности пожилых людей: теоретический обзор // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т. 8. № 3. С. 82–94.
4. Евсеева Я. В. Успешное старение: история и современность // Успешное старение: Социологические и социогеронтологические концепции: сборник научных трудов / под ред. Я. В. Евсеевой. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. С. 15–28.
5. Ермолаева М. В., Пряхина С. Б. К вопросу о потенциалах развития личности в старости // Мир психологии. 2008. № 2 (54). С. 244–255.
6. Забелина Е. В., Честюнина Ю. В. Поздняя экономическая социализация, разработка и верификация модели // Актуальные проблемы психологического знания. 2021. № 1–2 (55). С. 116–127.
7. Мельникова О. Т., Хорошилов Д. А. Методологические принципы качественных исследований в психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2013. № 3. С. 4–17.
8. Прохорова М. В. Адаптационный потенциал к социальному старению // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1 (65). С. 110–116.
9. Тимошенко Н. А. Особенности решения социальных проблем и помощи во вторичной социализации пожилых граждан в Ставропольском крае // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 17–19.
10. Улановский А. М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 2. С. 18–28.
11. Хайруллина Ю. Р., Николаева О. В. Особенности социализации пенсионеров в современном обществе (на материалах конкретно-социологических исследований в Казани) // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 2. С. 262–268.
12. Шклярчук В. Я., Коновалова М. П. Процесс реинтеграции человека «третьего возраста» в современное общество // Вестник Саратовского социально-экономического института. 2019. № 5 (79). С. 160–164.
13. Щанина Е. В. Интеграция пожилых людей в современный социум // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 1 (33). С. 150–162.
14. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. № 3 (2). P. 77–101.
15. Brianza E., Demiray B. Future Time Perspective and Real-Life Utterances About the Future in Young and Older Adults // The Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry. 2019. Vol. 32. № 4. P. 161–173.
16. Caines V., Earl J. K., Bordia P. Self-Employment in Later Life: How Future Time Perspective and Social Support Influence Self-Employment Interest // Frontiers in Psychology. 2019. № 10. P. 1–13.

17. Daly M., Hall P. A., Allan J. L. Time Perspective and All-Cause Mortality: Evidence From the English Longitudinal Study of Ageing // *Annals of Behavioral Medicine*. 2019. Vol. 53. № 5. P. 486–492.
18. Demiray B., Bluck S. Time since birth and time left to live: opposing forces in constructing psychological wellbeing // *Ageing and Society*. 2014. Vol. 34. № 7. P. 1193–1218.
19. Thinking about the past, present, and future: Time perspective and self-esteem in adolescents, young adults, middle-aged adults, and older adults / Z. R. Mello, S. Barber, S. Vasilenko, J. Chandler, R. Howell // *British Journal of Developmental Psychology*. 2022. Vol. 40. № 1. P. 92–111.

REFERENCES

1. Anisimova O. S., Bondarenko Yu. S., Buchkova A. I. [A model of socio-psychological support of human diseases in the post-labor period and a sociological analysis of the main results of its effectiveness and efficiency]. In: *Sociodinamika* [Sociodynamics], 2022, no. 11, pp. 56–71.
2. Balashova E. Yu., Mikeladze L. I. [Features of the time perspective in normal aging and depression of late age]. In: *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2015, vol. 8, no. 39. Available at: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i39.563> (accessed: 18.01.2023).
3. Danilova A. A., Zabelina E. V. [Psychological time of human illness: theoretical review]. In: *Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya* [Psychological time of human illness: theoretical review], 2022, vol. 8, no. 3, pp. 82–94.
4. Evseeva Ya. V. [Successful aging: history and modernity]. In: Evseeva V. Ya., ed. *Uspeshnoe starenie: Sociologicheskie i sociogerontologicheskie koncepcii: sbornik nauchnyh trudov* [Successful aging: Sociological and sociogerontological searches: a collection of scientific papers]. Moscow, Institute of Scientific Information for Data Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020, pp. 15–28.
5. Ermolaeva M. V., Pryahina S. B. [Institute of Scientific Information for Data Sciences of the Russian Academy of Sciences]. In: *Mir psihologii* [World of Psychology], 2008, no. 2 (54), pp. 244–255.
6. Zabelina E. V., Chestyunina Yu. V. [Late economic socialization, development and verification of models]. In: *Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya* [Actual problems of psychological knowledge], 2021, no. 1–2 (55), pp. 116–127.
7. Mel'nikova O. T., Horoshilov D. A. [Methodological research in psychology]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology], 2013, no. 3, pp. 4–17.
8. Prohorova M. V. [Adaptation potential for social aging]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences], 2022, no. 1 (65), pp. 110–116.
9. Timoshenko N. A. [Features of solving social problems and assistance with secondary social diseases of citizens in the Stavropol Territory]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2020, no. 1 (80), pp. 17–19.
10. Ulanovskij A. M. [Qualitative research: approaches, strategies, methods]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2009, vol. 30, no. 2, pp. 18–28.
11. Hajrullina Yu. R., Nikolaeva O. V. [Features of the socialization of pensioners in a private society (on the materials of specific sociological studies in Kazan)]. In: *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2011, no. 2, pp. 262–268.
12. Shklyaruk V. Ya., Konovalova M. P. [The process of reintegration of a person of the “third

- age" in society]. In: *Vestnik Saratovskogo social'no-ekonomicheskogo instituta* [Bulletin of Saratov Socio-Economic Institute], 2019, no. 5 (79), pp. 160–164.
13. Shchanina E. V. [Integration of human diseases in modern societies]. In: *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of higher educational institutions. The Volga region. Social Sciences], 2015, no. 1 (33), pp. 150–162.
14. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology. In: *Qualitative Research in Psychology*, 2006, no. 3 (2), pp. 77–101.
15. Brianza E., Demiray B. Future Time Perspective and Real-Life Utterances About the Future in Young and Older Adults. In: *The Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry*, 2019, vol. 32, no. 4, pp. 161–173.
16. Caines V., Earl J. K., Bordia P. Self-Employment in Later Life: How Future Time Perspective and Social Support Influence Self-Employment Interest. In: *Frontiers in Psychology*, 2019, no. 10, pp. 1–13.
17. Daly M., Hall P. A., Allan J. L. Time Perspective and All-Cause Mortality: Evidence From the English Longitudinal Study of Ageing. In: *Annals of Behavioral Medicine*, 2019, vol. 53, no. 5, pp. 486–492.
18. Demiray B., Bluck S. Time since birth and time left to live: opposing forces in constructing psychological wellbeing. In: *Ageing and Society*, 2014, vol. 34, no. 7, pp. 1193–1218.
19. Mello Z. R., Barber S., Vasilenko S., Chandler J., Howell R. Thinking about the past, present, and future: Time perspective and self-esteem in adolescents, young adults, middle-aged adults, and older adults. In: *British Journal of Developmental Psychology*, 2022, vol. 40, no. 1, pp. 92–111.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Забелина Екатерина Вячеславовна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Челябинского государственного университета;
e-mail: katya_k@mail.ru

Данилова Анастасия Анатольевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры психологии Челябинского государственного университета;
e-mail: ensti1988@mail.ru

Волосатова Ольга Сергеевна – магистрант кафедры клинической психологии Челябинского государственного университета;
e-mail: olsphoto@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Zabelina – Dr. Sci. (Psychology), Prof. of the Department of Psychology, Chelyabinsk State University;
e-mail: katya_k@mail.ru

Anastasia A. Danilova – Cand. Sci. (Pedagogy), Senior Lecturer of the Department of Psychology, Chelyabinsk State University;
e-mail: ensti1988@mail.ru

Olga S. Volosatova – Undergraduate student of the Department of Psychology, Chelyabinsk State University;
e-mail: olsphoto@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Забелина Е. В., Данилова А. А., Волосатова О. С. Маркёры социализации и восприятие времени жизни на пенсии: результаты качественного анализа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2023. № 2. С. 99–112.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-99-112

FOR CITATION

Zabelina E. V., Danilova A. A., Volosatova O. S. Markers of the socialization and life time perception of pensioners: the results of a qualitative analysis. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 2, pp. 99–112.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-99-112

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-113-122

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВЛИЯНИЯ ПАНДЕМИИ (COVID-19) НА СФЕРЫ ЖИЗНИ

Куба Е. А.*Челябинский государственный университет**454001 г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Оценка влияния пандемии (COVID-19) на сферы жизни.

Процедура и методы. В статье обобщены данные качественного исследования влияния пандемии на жизнь взрослых. Сбор данных осуществлялся в планшете медицинского психолога и онлайн-формате с помощью Google forms, респондентам было предложено в свободной форме написать ответ на вопрос: «Опишите одним-двумя предложениями, как повлияла пандемия COVID-19 на Вашу жизнь». В исследовании приняли участие 227 респондентов, мужчины составили 21,1%, женщины 78,9%, средний возраст $M=53$, $\sigma=11,68$, а также представлены результаты в группах, разделённых по тяжести перенесённого заболевания. Данные обрабатывались методом контент-анализа.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод, что ключевыми понятиями, определяющими влияние пандемии на жизнь, являются «страх», «болезни», снижение общения («мало общения»), «тревожность», «гипертония», «обуза», «слабость». Обобщая выделенные маркёры, заметим, что семантика эмоциональной стороны представляется негативной и предполагает ограничения в удовлетворении жизненных потребностей, а также снижает процесс адаптации. С помощью контент-анализа выявлено, что наибольшее влияние пандемия COVID-19 оказывает на психологическое состояние респондентов.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в уточнении представлений о влиянии пандемии COVID-19 на сферы жизни современного человека. Полученные данные могут быть использованы практическими психологами в консультировании, медицинскими психологами в сопровождении программ реабилитации.

Ключевые слова: влияние пандемии, жизнь, сферы жизни, COVID-19

PSYCHOSEMANTIC APPROACH TO STUDYING THE IMPACT OF THE PANDEMIC (COVID-19) ON THE SPHERES OF LIFE

E. Kuba*Chelyabinsk State University**ul. Bratiev Kashirinykh, 129, 454001, Chelyabinsk, Russian Federation*

Abstract

Aim. Summary of the data of a qualitative study of the pandemic's impact on the lives of adults.

Methodology. The article summarizes data from a qualitative study of the impact of the pandemic on areas of adult life. Data collection was carried out on the tablet of a medical psychologist

and online format using google-forms, the respondents were asked to write a free-form answer to the question: "Describe in one or two sentences how the COVID-19 pandemic has affected your life." The study involved 227 respondents, men accounted for 21.1%, women 78.9%, mean age $M=53$, $\sigma=11.68$, and the results are presented in groups divided by the severity of the disease. The data was processed by the content analysis method.

Results. The key concepts determining the impact of the pandemic on the life are "fear", "diseases", decreased communication – "little communication", "anxiety", "hypertension", "burden", "weakness". Summarizing the highlighted markers, we note that the semantics of the emotional side seems negative and suggests limitations in satisfying vital needs, also reduces the adaptation process. The COVID-19 pandemic has the greatest impact on the psychological state of respondents.

Research implications is to clarify ideas about the impact of the COVID-19 pandemic on the spheres of life of a modern person. The received data can be used by practical psychologists in counseling, medical psychologists, accompanied by rehabilitation programs.

Keywords: pandemic impact, life, spheres of life, COVID-19

Введение

В связи с интенсивными изменениями, происходящими в течение последних 20 лет (рост урбанизации, миграционных явлений), пандемии инфекционных заболеваний стали более частыми и сложными. Внезапная вспышка острой респираторной инфекции, вызываемой коронавирусом SARS-CoV-2 (COVID-19), представляет собой опасное заболевание, которое может протекать как в форме острой респираторной вирусной инфекции лёгкого течения, так и в тяжёлой форме, вызывая у населения страх, дистресс и тревогу [7; 8; 16; 19; 20]. Пандемия COVID-19 и появление новых заболеваний влияют на изменения, происходящие во всех сферах жизни современного человека. Влияние пандемии на социальную сторону жизни, психологическую сферу, когнитивные функции, счастье и благополучие находятся в процессе изучения. Психосемантика, затрагивая область психологии, изучает развитие, строение и функционирование индивидуальной системы значений, опосредованной процессами мышления, восприятия, принятия решений и памяти [3].

Субъективная сторона механизма воздействия пандемии COVID-19 связана с тяжестью протекания заболевания, последствиями (long-COVID-19) для физического и психического здоровья, а также для социального благополучия, она определяет представление об обществе, мире в целом.

Обзор литературы

Пандемия становится «точкой бифуркации» [1]. В. А. Ананьев рассматривал такую точку как критическое состояние неустойчивости системы личности. Люди, в процессе жизненного пути сталкиваясь с ситуацией неопределённости, вызванной пандемией COVID-19, подвергаются риску индуцировать патологическую психосоматическую функциональную систему, которая может запустить процесс развития болезни [1].

Пандемия, охватившая человечество, явила собой особую экспериментальную ситуацию неопределённости.

Трудно делать окончательные выводы о влиянии пандемии COVID-19 на жизнь, т. к. предполагается появление новых штаммов, которые обладают

контагиозностью, более лёгким течением заболевания, но по-прежнему могут вызвать серьёзные осложнения.

Негативное влияние пандемии на психику и здоровье наблюдалось во время различных «волн» пандемии и считалось более вредным, чем другие стрессовые события. Некоторые исследователи заметили отсроченное или кумулятивное воздействие пандемии на благополучие людей [18; 23].

Длительный стресс и тревога, вызванные пандемией, могут в дальнейшем вызывать симптомы депрессии [9; 12], посттравматические стрессовые реакции [11; 14; 22].

М. Луо с коллегами пришли к выводу, что пандемия COVID-19 оказала сильное психологическое воздействие на всю общественность [13]. Пандемия COVID-19 вызывает обеспокоенность не только по поводу здоровья населения в целом, но и потому, что становится причиной появления ряда психологических нарушений и психических расстройств [15]. Особому риску эмоционального стресса, критического снижения качества жизни и плохого самочувствия подвергаются взрослые, пожилые люди и лица с ограниченными возможностями здоровья [17]. В условиях неопределённости пандемии COVID-19 актуальным становится исследование восприятия и отношения человека к изменившейся жизненной ситуации.

Мы предположили, что, несмотря на многочисленные исследования влияния пандемии на здоровье населения, в литературе мало освещён вопрос о представлении влияния пандемии COVID-19 на изменение представлений о жизни в целом.

Выборка и методики исследования

Мы провели количественное кросс-секционное исследование в форме онлайн-опроса 227 взрослых (в возрасте от 18–75 лет) на территории г. Челябинска (город является центром промышленного региона). Распределение мужчин и женщин составило 1:5 ($n=21,1\%$ и $n=78,9\%$ соответственно), средний возраст $M=53,59$, $\sigma=11,68$. Сбор данных осуществлялся в онлайн-формате с ноября 2021 по апрель 2022 гг. Время заполнения анкеты в среднем составляло 20 минут. Респондентам было предложено в свободной форме написать ответ на вопрос: «Опишите одним-двумя предложениями, как повлияла пандемия COVID-19 на Вашу жизнь». Построение семантического пространства выполнялось с помощью контент-анализа, составленного из индивидуальных массивов респондентов.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим ключевые элементы, которые используют респонденты при определении влияния пандемии COVID-19 на свою повседневную жизнь. Для визуализации полученных результатов было создано облако тегов, содержанием которого выступили структурные составляющие дефиниций ответов респондентов в выборке. Отметим, что чем крупнее представлен термин на рисунке 1, тем он чаще встречается в анализируемых предложениях при описании влияния пандемии COVID-19 на жизнь.

Ключевыми понятиями, определяющими влияние пандемии на жизнь, являются «страх», «болезни», снижение общения («мало общения»),

Рис. 1 / Fig. 1. Облако тегов, сформированное из элементов дефиниций влияния пандемии COVID-19 на сферы жизни / Tag cloud formed from elements of definitions of the impact of the COVID-19 pandemic on life

Источник: данные автора.

«тревожность», «гипертония», «обуза», «слабость». Влияние пандемии на жизнь наиболее часто передаётся через разные варианты страха – «страх заболеть», «страх стать обузой», «страх смерти». Обобщая выделенные маркеры, заметим, что семантика эмоциональной стороны представляется негативной и предполагает ограничения в удовлетворении жизненных потребностей, а также снижает процесс адаптации.

Несколько другой контекст у конструкта «Влияние пандемии на поведенческую сторону», который рассматривается через изменение активности человека, предполагает уход от реаль-

ности и потерю контроля ввиду употребления алкоголя (возможно употребление и ПАВ) или посвящения себя работе. Таким образом, можно предположить, что пандемия оказывает влияние на все сферы жизни (физическое, психическое здоровье и социальное благополучие).

Далее общая группа респондентов была разделена на 2 подгруппы. Первая подгруппа – это респонденты, находящиеся на этапе реабилитации после перенесённой пневмонии, ассоциированной с коронавирусом SARS-CoV-2 (COVID-19). Вторая группа, прошедшая онлайн-опрос, – это респонденты, не имевшие опыта госпитализа-

ции. Результаты ответов респондентов были обработаны с помощью контент-анализа отдельно в каждой группе и сопоставлены между собой. На рисун-

ке 2 представлены медианы плотности сфер жизни, на которые пандемия COVID-19 оказала наибольшее влияние, по мнению респондентов.

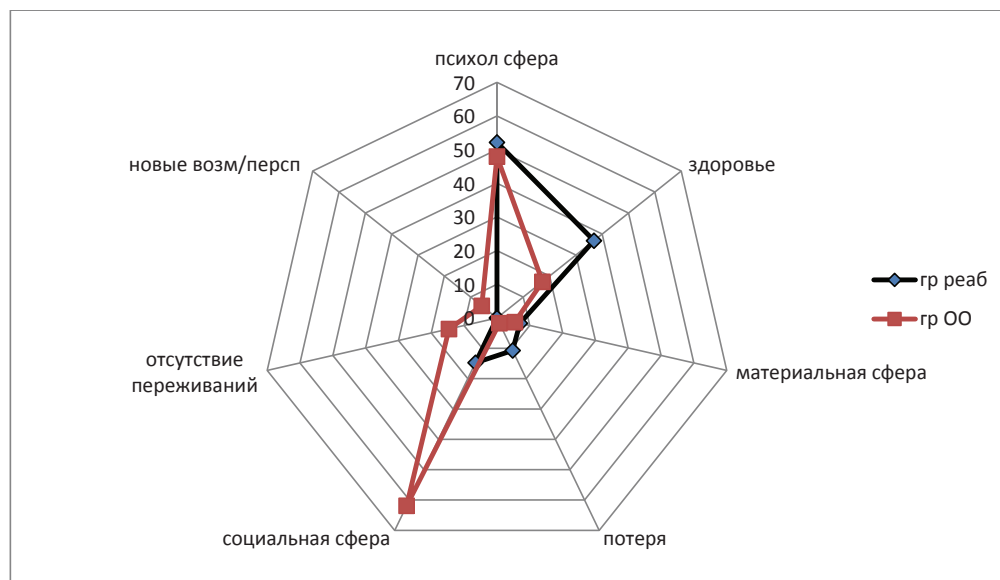

Рис. 2 / Fig. 2. Влияние пандемии COVID-19 на сферы жизни / Impacts of the COVID-19 pandemic on areas of life

Источник: данные автора.

Как видно на рис. 2, наибольшее влияние пандемия COVID-19 оказывает на психологическую сферу в обеих группах. Отмечается повышение тревожности, актуализируются страхи (заражения, смерти, страх общественных мест). В группе реабилитации также значительное влияние оказывается на сферу здоровья, это может быть объяснено тяжестью перенесённого заболевания (лихорадка, температура выше 38°С, изменения в лёгких при КТ, одышка, снижение сатурации), а также постковидным синдромом. В группе онлайн-опроса пандемия COVID-19 оказывает наибольшее влияние на социальную сферу. В большей степени респондентов беспокоят пропаганда

вакцинации, потеря свободы перемещения, смена работы, увеличение нагрузки в учебной и профессиональной сферах. Кроме того, ряд респондентов отмечал отсутствие переживаний, что может быть связано со стабильностью жизни или проявлением психотравматической алекситимии [5], которая рассматривается как основной фактор развития психосоматических реакций и нарушений. У лиц с высоким уровнем алекситимии обнаруживаются высокая личностная тревожность, примитивность жизненной позиции, недостаточно развитая функция рефлексии, нечувствительность к своему физическому и психологическому состоянию, неспособность активного

вмешательства в обстоятельства жизни [4]. Перечисленные качества в совокупности делают сложным целостное восприятие жизни и приводят к трудностям в межличностных отношениях, самореализации [2].

Рассмотрим характеристики, составляющие укрупнённые сферы, представленные в виде медиан плотности в группе реабилитации: страх без указания вида (31,07), тревога, волнение (5,69), страх стать обузой (3,35), страх перестать двигаться (2,01), страх умереть (2,01), сложности в принятии решения (2,01), желание жить (2,01), раздражительность (1,34), чувство одиночества (1,34).

Во влияние на физическую сферу (медиана плотности 36,83) вошли: появление гипертонической болезни (6,69), сахарного диабета (4,69), усталости (4,01), ухудшение физического состояния (2,01), страх невозможности двигаться (2,01), снижение зрения (2,01), артриты (2,01), слабость (1,34), боль (1,34).

Полученные нами данные соотносятся с данными, что COVID-19 может усугублять существующие хронические заболевания и повышать риск развития новых хронических состояний, таких как сахарный диабет [6; 21], неврологические расстройства [19], деменции [22], заболевания сердечно-сосудистой системы [21]. Возникновение новых штаммов вируса и «Long-COVID» на жизнь и здоровье остаётся неизученной сферой медицины, психологии [10].

Влияние на социальную сферу (медиана плотности – 14,73) вошли: снижение общения (6,03), потеря работы (3,34), получение образования (2,01), появление новых возможностей (2,01),

таких как новые сервисы (доставка товаров и продуктов), которые и в настоящее время сохраняют популярность; дистанционные образовательные технологии, позволившие не прерывать образовательного процесса, рассматриваются как возможные для повседневного использования ресурсы.

Выделяется группа, которую мы назвали «потери» (медиана плотности – 10,71), в которую вошли: потеря (10,71), потеря дочери (4,01), потеря матери (4,02), потеря супруга (2,68), потеря бизнеса (1,34).

Во влияние на материальную сферу (медиана плотности – 7,02) вошли: падение дохода (5,68) и экономическое неблагополучие (1,34).

Рассмотрим характеристики, составляющие укрупнённые сферы влияния пандемии на жизнь в группе онлайн-опроса. Наибольшее влияние пандемия оказала на социальную сферу (медиана плотности – 61,88). В социальной сфере выделены следующие компоненты: пропаганда (давление) вакцинации (14,62), смена работы (8,5) – возможный переход на онлайн-формат, появление новых возможностей / перспектив (5,78), потеря свободы перемещения (5,1), увеличение работы (4,08), погружение в работу, учёбу (3,4), ограничение социальных контактов (2,04), появление новых сервисов (доставка) (1,7), невозможность посещения спортивного зала (1,7), появление свободного времени (1,7) и нежелание получать новостную информацию (1,7).

Влияние пандемии на психологическую сферу в группе онлайн-опроса (медиана плотности 47,94) выражают следующие дефиниции: тревожность (21,08), страх без указания (11,56),

уныние (5,44), страх общественных мест (3,06), страх снова заболеть (2,72), переоценка жизни (2,04), одиночество (0,68).

В группе онлайн-опроса появляется употребление слова «никак», которое имеет достаточно высокую медиану плотности – 14,62. Мы можем предположить, что пандемия не изменила представления о жизни.

Изменение в материальной сфере выразилось в падении дохода (медиана плотности – 5,44). Используется словосочетание «пандемия становится нормой» (медиана плотности – 3,06), что может свидетельствовать о снижении неопределённости и адаптации населения к новым условиям. Группа «потеря родных» имеет медиану плотности 1,7, и это ниже, чем в группе респондентов, проходивших реабилитацию.

Заключение

Психологическая сфера является выраженной семантической областью, на которую оказывается наибольшее влияние пандемии в общей группе респондентов.

В группе респондентов, не имевших опыта госпитализации, выделяются социальная и физическая семантические области, на которые пандемия оказывает влияние.

В группе респондентов, находящихся на этапе реабилитации после перенесённой пневмонии, выделяются физическая и социальная семантические области, на которые пандемия оказывает влияние.

Можно сделать вывод, что воздействие пандемии не является универсальным. Оно варьируется в зависимости от тяжести протекания заболевания, условий жизни, наличия жёстких ограничительных мер. Пандемия COVID-19 оказала влияние на все сферы общественной жизни и затронула людей всех возрастных групп. Негативные последствия (физические, психосоциальные) могут иметь тенденцию к накоплению по мере увеличения продолжительности пандемии COVID-19 или проявляться с некоторой задержкой, так что требуется долгосрочный мониторинг изменений восприятия пандемии.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев В. А. Психология здоровья. СПб.: Речь, 2006. 384 с.
2. Брель Е. Ю. Проблема изучения алекситимии в психологических исследованиях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3 (51). С. 173–176.
3. Косаревская Т. Е., Куткина Р. Р. Психосемантический подход к исследованию индивидуального сознания. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2009. 61 с.
4. Николаева В. В. О психологической природе алекситимии [Электронный ресурс]. URL: <http://vprosvet.ru/biblioteka/aleksitimiya> (дата обращения: 30.03.2023).
5. Трунов Д. Г. Уровни вербализации эмоционального опыта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 1 (13). С. 102–107.
6. Barrett C. E., Koyama A. K., Alvarez P. Risk for newly diagnosed diabetes >30 days after SARS-CoV-2 infection among persons aged <18 years – United States, March 1, 2020–June 28, 2021 // Morbidity and Mortality Weekly Report. 2022. № 71 (2). P. 59–65.

7. Bonanno G. A., Ho S., Chan J. Psychological resilience and dysfunction among hospitalized survivors of the SARS epidemic in Hong Kong: a latent class approach // *Health Psychology*. 2008. № 27. P. 659–667.
8. Chong M. Y., Wang W. C., Hsieh W. C. Psychological impact of severe acute respiratory syndrome on health workers in a tertiary hospital // *The British Journal of Psychiatry*. 2004. № 185. P. 127–133.
9. Elizarrarás-Rivas J., Vargas-Mendoza J. E., Mayoral-García M. et al. Psychological response of family members of patients hospitalised for influenza A/H1N1 in Oaxaca, Mexico // *BMC Psychiatry* 10, 104 (2010). DOI: 10.1186/1471-244X-10-104.
10. Groff D., Sun A., Ssentongo A. E. Short-term and long-term rates of postacute sequelae of SARS-CoV-2 infection: a systematic review [Электронный ресурс] // *JAMA Network Open*. 2021. № 4 (10). URL: <https://jamanetwork.com/journals> (дата обращения: 30.03.2023).
11. Jakovljevic M., Bjedov S., Jaksic N. COVID-19 pandemic and public and global mental health from the perspective of global health security // *Psychiatra Danubia*. 2020. № 32. P. 6–14.
12. Keita M. M., Taverne B., Sy Savane S. Depressive symptoms among survivors of Ebola virus disease in Conakry (Guinea): preliminary results of the PostEboGui cohort [Электронный ресурс] // *BMC Psychiatry*. 2017. № 17 (127). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 30.03.2023).
13. Luo M., Guo L., Yu Jiang. W. The psychological and mental impact of coronavirus disease 2019 (COVID-19) on medical staff and general public – A systematic review and meta-analysis [Электронный ресурс] // *Psychiatry Research*. 2022. № 291. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 30.03.2023).
14. Rabelo I., Lee V., Fallah M. P. Psychological distress among Ebola survivors discharged from an Ebola treatment unit in Monrovia, Liberia—a qualitative study // *Front Public Health*. 2016. № 4. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 30.03.2023).
15. Salari N., Hosseini-Far A., Jalali R. Prevalence of stress, anxiety, depression among the general population during the COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis // *Globalization and Health*. 2020. № 16 (1). P. 8–11.
16. Sim M. Psychological trauma of Middle East Respiratory Syndrome victims and bereaved families [Электронный ресурс] // *Epidemiol Health*. 2016. № 38. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 30.03.2023).
17. Steptoe A., Di Gessa G. Mental health and social interactions of older people with physical disabilities in England during the COVID-19 pandemic: A longitudinal cohort study [Электронный ресурс] // *The Lancet Public Health*. 2021. № 6. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 30.03.2023).
18. Schlomann A., Bünning M., Hipp L. Aging during COVID-19 in Germany: A longitudinal analysis of psychosocial adaptation [Электронный ресурс] // *European Journal of Ageing*. 2021. № 76 (9). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 30.03.2023).
19. Taquet M., Geddes J. R., Husain M. 6-Month neurological and psychiatric outcomes in 236 379 survivors of COVID-19: a retrospective cohort study using electronic health records [Электронный ресурс] // *Lancet Psychiatry*. 2021. № 8 (5). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 30.03.2023).
20. Xie Y., Al-Aly Z. Risks and burdens of incident diabetes in long COVID: a cohort study [Электронный ресурс] // *Lancet Diabetes and Endocrinology*. 2022. № 10 (5). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 30.03.2023).
21. Xie Y., Xu E., Bowe B. Long-term cardiovascular outcomes of COVID-19 [Электронный ресурс] // *Nature Medicine*. 2022. № 28 (3). URL: <https://www.nature.com/nm> (дата обращения: 30.03.2023).

22. Wang Q., Davis P. B., Gurney M. E. COVID-19 and dementia: analyses of risk, disparity, and outcomes from electronic health records in the US [Электронный ресурс] // *Alzheimers Dement.* 2021. № 17 (8). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 30.03.2023).
23. Zacher H., Rudolph C. W. Individual differences and changes in subjective wellbeing during the early stages of the COVID-19 pandemic // *American Psychologist.* 2021. № 76 (1). P. 50–62.

REFERENCES

1. Ananiev V. A. *Psihologiya zdorov'ya* [Psychology of health]. St. Petersburg, Rech Publ., 2006. 384 p.
2. Brel E. Yu. [The problem of studying alexithymia in psychological research]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2012, no. 3 (51), pp. 173–176.
3. Kosarevskaya T. E., Kutkina R. R. *Psihosemanticheskij podhod k issledovaniyu individual'nogo soznaniya* [Psychosemantic approach to the study of individual consciousness]. Vitebsk, Vitebsk State University named after P. M. Masherov Publ., 2009. 61 p.
4. Nikolaeva V. V. *O psihologicheskoy prirode aleksitimii* [On psychological natural alexithymia]. Available at: <http://vprosvet.ru/biblioteka/aleksitimiya> (accessed: 30.03.2023).
5. Trunov D. G. [Levels of verbalization of emotional experience]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2013, no. 1 (13), pp. 102–107.
6. Barrett C. E., Koyama A. K., Alvarez P. Risk for newly diagnosed diabetes >30 days after SARS-CoV-2 infection among persons aged <18 years – United States, March 1, 2020–June 28, 2021. In: *Morbidity and Mortality Weekly Report*, 2022, no. 71 (2), pp. 59–65.
7. Bonanno G. A., Ho S., Chan J. Psychological resilience and dysfunction among hospitalized survivors of the SARS epidemic in Hong Kong: a latent class approach. In: *Health Psychology*, 2008, no. 27, pp. 659–667.
8. Chong M. Y., Wang W. C., Hsieh W. C. Psychological impact of severe acute respiratory syndrome on health workers in a tertiary hospital. In: *The British Journal of Psychiatry*, 2004, no. 185, pp. 127–133.
9. Elizarrarás-Rivas J., Vargas-Mendoza J. E., Mayoral-García M. et al. Psychological response of family members of patients hospitalised for influenza A/H1N1 in Oaxaca, Mexico. In: *BMC Psychiatry* 10, 104 (2010). DOI: 10.1186/1471-244X-10-104.
10. Groff D., Sun A., Ssentongo A. E. Short-term and long-term rates of postacute sequelae of SARS-CoV-2 infection: a systematic review. In: *JAMA Network Open*, 2021, no. 4 (10). Available at: <https://jamanetwork.com/journals> (accessed: 30.03.2023).
11. Jakovljevic M., Bjedov S., Jaksic N. COVID-19 pandemic and public and global mental health from the perspective of global health security. In: *Psychiatria Danubia*, 2020, no. 32, pp. 6–14.
12. Keita M. M., Taverne B., Sy Savane S. Depressive symptoms among survivors of Ebola virus disease in Conakry (Guinea): preliminary results of the PostEboGui cohort. In: *BMC Psychiatry*, 2017, no. 17 (127). Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 30.03.2023).
13. Luo M., Guo L., Yu Jiang W. The psychological and mental impact of coronavirus disease 2019 (COVID-19) on medical staff and general public – A systematic review and meta-analysis. In: *Psychiatry Research*, 2022, no. 291. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 30.03.2023).
14. Rabelo I., Lee V., Fallah M. P. Psychological distress among Ebola survivors discharged from an Ebola treatment unit in Monrovia, Liberia—a qualitative study. In: *Front Public Health*, 2016, no. 4. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 30.03.2023).
15. Salari N., Hosseini-Afar A., Jalali R. Prevalence of stress, anxiety, depression among the general population during the COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis. In: *Globalization and Health*, 2020, no. 16 (1), pp. 8–11.

16. Sim M. Psychological trauma of Middle East Respiratory Syndrome victims and bereaved families. In: *Epidemiol Health*, 2016, no. 38. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 30.03.2023).
17. Steptoe A., Di Gessa G. Mental health and social interactions of older people with physical disabilities in England during the COVID-19 pandemic: A longitudinal cohort study. In: *The Lancet Public Health*, 2021, no. 6. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 30.03.2023).
18. Schlomann A., Bünning M., Hipp L. Aging during COVID-19 in Germany: A longitudinal analysis of psychosocial adaptation. In: *European Journal of Ageing*, 2021, no. 76 (9). Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 30.03.2023).
19. Taquet M., Geddes J. R., Husain M. 6-Month neurological and psychiatric outcomes in 236 379 survivors of COVID-19: a retrospective cohort study using electronic health records. In: *Lancet Psychiatry*, 2021, no. 8 (5). Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 30.03.2023).
20. Xie Y., Al-Aly Z. Risks and burdens of incident diabetes in long COVID: a cohort study. In: *Lancet Diabetes and Endocrinology*, 2022, no. 10 (5). Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 30.03.2023).
21. Xie Y., Xu E., Bowe B. Long-term cardiovascular outcomes of COVID-19. In: *Nature Medicine*, 2022, no. 28 (3). Available at: <https://www.nature.com/nm> (accessed: 30.03.2023).
22. Wang Q., Davis P. B., Gurney M. E. COVID-19 and dementia: analyses of risk, disparity, and outcomes from electronic health records in the US. In: *Alzheimers Dement*, 2021, no. 17 (8). Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 30.03.2023).
23. Zacher H., Rudolph C. W. Individual differences and changes in subjective wellbeing during the early stages of the COVID-19 pandemic. In: *American Psychologist*, 2021, no. 76 (1), pp. 50–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куба Елена Андреевна – старший преподаватель кафедры специальной и клинической психологии Института образования и практической психологии Челябинского государственного университета;

e-mail: ipipelena@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5407-859X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Kuba – Senior Lecturer, Department of Special and Clinical Psychology, Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University

e-mail: ipipelena@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5407-859X

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куба Е. А. Психосемантический подход к изучению влияния пандемии (COVID-19) на сферы жизни // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2023. № 2. С. 113–122.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-113-122

FOR CITATION

Kuba E. A. Psychosemantic approach to studying the impact of the pandemic (COVID-19) on the spheres of life. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 2, pp. 113–122.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-113-122

УДК 159

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-123-134

ФАКТОРЫ ПОЗДНЕЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Трушина И. А.¹, Веденеева Е. В.¹, Артемьева В. А.², Телицына А. Ю.³

¹ Челябинский государственный университет

454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129, Российская Федерация

² Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48, Российская Федерация

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

10100, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Теоретический анализ факторов поздней социализации.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал теоретический анализ. Проведён анализ содержания работ в отечественной и зарубежной психологии, который позволил выделить ряд факторов поздней социализации.

Результаты. В ходе теоретического анализа выявлен ряд разноплановых факторов, оказывающих влияние на процесс и результат социализации в старшем возрасте: культурные, социальные, экономические, демографические, психологические, биологические. Рассмотрены исследования в рамках каждого фактора, а также взаимосвязь факторов поздней социализации. Однако отмечается, что каждый фактор изучается в отдельности. Таким образом, существует необходимость изучения факторов поздней социализации в системе для выявления целостной достоверной картины развития личности в посттрудовой период.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённый теоретический анализ показал, что актуальное значение приобретает дальнейший научный поиск, расширяющий представления о поздней социализации, системное исследование факторов социализации в позднем возрасте. Особый интерес представляют дальнейшие исследования когнитивных психологических факторов социализации, таких как субъективный возраст, временной фокус, базисные убеждения и др.

Ключевые слова: вторичная социализация, поздняя социализация, пенсионный возраст, пенсионеры, факторы, экономическая социализация

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-013-00447 А.

FACTORS OF LATE SOCIALIZATION: THEORETICAL ANALYSIS

I. Trushina¹, E. Vedeneeva¹, V. Artemeva², A. Telitsyna³

¹ Chelyabinsk State University

ul. bratiev Kashirinykh, 129, Chelyabinsk, 454001, Russian Federation

² The Herzen State Pedagogical University of Russia;

pr. Pyatiletok, 7/2-68, St. Petersburg, 193318, Russian Federation

³ National Research University HSE,

ul. Myasnitskaya, 20, Moscow 10100, Russian Federation

Abstract

Aim. Theoretical analysis of the factors of late socialization.

Methods. The key research method was the theoretical analysis. The analysis of the content of works in local and foreign psychology is carried out which enabled to single out a number of factors of late socialization.

Results. In the course of theoretical analysis, a number of diverse factors influencing the process and result of socialization at an old age have been identified: cultural, social, economic, demographic, psychological and biological. Studies within each factor are considered, as well as the relationship of factors of late socialization. However, it is noted that each factor is studied separately. Thus, there is a need to study the factors of late socialization in the system in order to identify a holistic reliable picture of personality development in the post-work period.

Research implications. The theoretical analysis carried out has shown that further scientific search, expanding the understanding of late socialization, a systematic study of the factors of socialization at a late age, acquires urgent importance. further studies of cognitive psychological factors of socialization, such as subjective age, time focus, basic beliefs and others are of particular interest.

Keywords: secondary socialization, late socialization, retirement age, pensioners, factors, economic socialization

Acknowledgements: the study was carried out within the framework of RFBR grant No. 19-013-00447 A.

Введение

Несмотря на последовательное и планомерное повышение пенсионного возраста, по прогнозам Росстата в России сохранится общая тенденция отрицательной демографической нагрузки. Средний вариант прогноза, который считается наиболее реалистичным, свидетельствует, что с 2021 по 2036 гг. в структуре нетрудоспособного населения доля пенсионеров увеличится с 58 до 63%. Данные социально-демографические процессы формируются на фоне снижения численности трудоспособ-

ного населения, понижения смертности и увеличения продолжительности жизни. Таким образом, становятся актуальными проблема повышения социальной активности, включённости людей пенсионного возраста в экономику, изучение факторов, которые будут способствовать эффективной поздней социализации.

Если раньше проблема социализации рассматривалась главным образом применительно к молодому поколению, то теперь следует держать в поле зрения и непрерывное образование, не-

прерывную профориентацию и в целом непрерывную социализацию всех возрастных групп общества, и в частности пенсионеров как отдельной социально-демографической группы [18].

Факторы поздней социализации

В настоящее время активно развивается ресурсный подход к поздней социализации, не столько описывающий возрастное ограничение процесса социализации [1; 21; 27; 28], сколько рассматривающий её как непрерывный пожизненный процесс, существенную роль в котором играют интеллектуальная, творческая и коммуникативная активности [9; 18].

Настоящее исследование осуществляется в рамках второго подхода, учитывается, что социализация пожилых людей является одним из сложных типов социализации взрослых. Е. В. Забелиной, Ю. В. Честюниной предложена классификация факторов, влияющих на вторичную экономическую социализацию, которая, с нашей точки зрения, наиболее подходит для исследования поздней социализации [19]. Выделены 6 групп факторов: культурные, социальные, экономические, демографические, психологические, биологические.

Сложности этой социализации состоят в том, что адаптация к старости обычно не приводит к росту и развитию. «Ролевая неопределённость часто деморализует пожилых, лишает их социальной идентичности и оказывает негативное влияние на психологическую стабильность» [21, с. 121], меняет ценности [2]. В то время как принятие новых позиций, ценностей, актов биографии, позитивные воспоминания, высокая субъективная оценка соци-

альных взаимодействий и многоаспектность личности позволяют сформировать продуктивную адаптацию к старению [10; 19].

Анализ литературы показывает, что достаточно большое количество исследований посвящено изучению того, что является движущей силой развития в позднем возрасте. В ходе настоящего исследования выявлен ряд факторов, оказывающих влияние на социализацию пожилых людей.

Первая группа – это **культурные факторы**. Культура – это набор правил, которые предписывают человеку определённое поведение. У каждой страны своя культура, а в разных населённых пунктах (городах, посёлках и т. д.) культура (и субкультура) по-разному влияет на социализацию.

Так, Ю. Р. Хайруллина и О. В. Николаева обращают внимание на роль ценностей по отношению старению, принятых в обществе. Например, в обществе, где высоко ценится энергия молодости, люди пожилого возраста стремятся выглядеть молодыми, хотя это может не соответствовать их внутреннему самоощущению [18].

Проведение социальной политики, нацеливающей лиц предпенсионного возраста на продолжение трудовой деятельности, а также просветительская работа СМИ, направленная на популяризацию современных научных подходов к старению, развенчание негативных стереотипов о пожилом возрасте обуславливают изменения в восприятии в культуре феномена старения [13].

Вторая группа факторов – **социальные**. Сюда относят характеристики семьи, которая, с одной стороны, представляет собой важнейший институт социализации не только под-

растающих поколений, но и, с другой стороны, является фундаментом для выстраивания стратегии социализации в позднем возрасте. В этот фактор включаются учреждения образования и социальные учреждения, организация, где работают, проводят свой досуг пожилые люди. Социальные факторы – это деформация условий существования с такими социальными последствиями, как: прекращение профессиональной трудовой деятельности и уменьшение трудовой активности (выход на пенсию, бедность); ослабление, а затем и обрыв социальных связей и отношений; уменьшение, а затем полное прекращение межличностных контактов; дефицит общения; одиночество и изоляция; ослабление жизненной направленности; уменьшение побудительных мотивов; утрата мировоззрения и смысла жизни [11].

Одним из значимых факторов поздней социализации является образование. Н. А. Карпова считает, что «... социализирующая роль образования актуальна и в отношении обучающихся поздних возрастов» [8, с. 366]. Т. М. Кононыгина отмечает, что геронтообразование должно сформировать новый облик старости – продуктивной, компетентной, деятельной, наполненной жизненной энергией и смыслом жизни [9]. Геронтообразование не преследует цели получения профессии. Оно относится к неформальному образованию, имеющему целью персональное развитие пожилых людей, сохранение их активной позиции как средства оптимизации жизнедеятельности пожилого человека за счёт реализации его ресурсов, коммуникативно-социализирующего, информационно-образовательного,

социально-психологического развития и социального выравнивания [7]. Однако не все представители старшего поколения психологически готовы оказаться в роли ученика, учиться у людей моложе себя [14]. Э. М. О'Коннелл, К. Р. Хаазе указывают, что для эффективной социализации и взаимодействия с обществом необходимо обучение пожилых людей использованию новых технологий, в том числе и с помощью дистанционных методов [30; 32]. Кроме того, выявлено положительное влияние использования социальных сетей на благополучие и эффективную социализацию пожилых людей [24]. Новые возможности для онлайн-общения оказывают положительное влияние на благополучие пожилых людей, их восприятие своих когнитивных навыков и физического здоровья [25].

В связи с тем, что люди пожилого возраста – одна из наиболее социально уязвимых групп, социальная работа с ними, по мнению М. А. Янцен, является приоритетной и обязательной [21]. Социализацию пожилых людей в процессе социального обслуживания рассматривают как «разновидность специфической социальной деятельности, направленной на удовлетворение социальных потребностей различных категорий населения, но не только тех, которые попали в трудную жизненную ситуацию или находятся в социально опасном положении» [15]. Деятельность Служб психологической поддержки пожилых людей позволит избежать риска социальной изоляции и актуализировать ресурсы для социализации [33].

Для малоподвижных пожилых людей ведущими факторами становятся система организации работы с пожилыми и условия проживания – в семье

или в специальных гериатрических заведениях, система взаимодействия пожилых с социальными службами, волонтерами, с родными и близкими, возможность пользоваться интернет-ресурсами [32].

Возможность для пожилых людей активно участвовать (даже опосредованно) в общественной жизни способствует увеличению физической активности и сокращению времени, проводимого в сидячем положении, даже при наличии хронических заболеваний [23; 31].

Третья группа факторов – **экономические**. В эту группу включены переменные, связанные с обеспечением материальных условий жизни. Например, сюда может быть отнесён уровень дохода (объективный и субъективный), факт наличия собственности, долговых обязательств и др.

Низкое материальное обеспечение пожилых людей выделяют как один из факторов, затрудняющих социализацию пожилых людей [23]. Финансовые трудности вызывают чувства беспомощности, зависимости, восприятия себя предметом обузы для окружающих и близких людей, ведут к снижению социальной активности и жизненной способности [21]. Экономические знания, нормы, ценности, роли, усваиваемые в ходе социализации пожилых, по-разному транслируются в различных социальных группах, например, у работающих и неработающих пенсионеров [20]. Кроме того, усваивается лишь то новое экономическое знание, присваивается тот экономический опыт, который имеет жизненно важное значение для экономической адаптации личности в изменившихся условиях её жизнедеятельности [3].

К группе **демографических факторов** традиционно относятся пол, возраст, уровень образования, род профессиональной деятельности и др.

Процесс социализации, во-первых, может сопровождаться десоциализацией, во-вторых, может перейти в десоциализацию при воздействии негативных факторов, среди которых: низкий уровень образования, безработица, материальное неблагополучие, психологические нарушения, некоммуникабельность, криминальное окружение, курение, употребление алкоголя, участие в конфликтах (бытовых и профессиональных), хронические заболевания [1].

Пятую группу составляют **психологические факторы**: личностные особенности, мотивация, локус контроля, активность, образ жизни, ценности, убеждения, установки и др.

Активному долголетию пожилого человека способствует развитие его как социально-активной личности, как творческой личности, яркой индивидуальности. Огромную роль играет высокий уровень самоорганизации, сознательной саморегуляции своего образа жизни и жизнедеятельности [17]. Т. В. Дробышева рассматривает активность индивида, направленную на преобразование ранее присвоенного социального опыта в установки, отношения и ценностные ориентации и их последующее воспроизводство в социальном поведении, определяющим фактором в развитии личности в процессе социализации [2]. Самореализация в творческом процессе в значительной степени гасит психологическую реакцию отчаяния, помогает возвысить уязвленное достоинство старшего поколения [4].

Практически все исследователи поздней социализации обращают внимание на роль личной мотивации в этом процессе. Упоминаются мотивация приобретать новые знания и навыки, мотивация на самообеспечение, мотивация на занятость, мотивация на оказание помощи другим людям [6], мотивация к самому процессу социализации, стремление получить знания о новой жизненной фазе, отношениях и нормальных стандартах новой возрастной ступени [8, с. 366], желание выполнить те жизненные задачи, которые остались невыполненными в течение предыдущей жизни. Ещё одним фактором, способствующим эффективной поздней социализации, считается творчество. Поскольку жизнь на пенсии, как правило, предполагает увеличение свободного времени, оно может стать ресурсом развития, совершенствования, восстановления жизненных сил, создания и накопления ценностей, а также увеличения событийной насыщенности повседневной жизни пожилых людей [4]. При всём многообразии исследований психологических факторов поздней социализации когнитивные феномены изучены в меньшей степени.

Последняя группа факторов – это **биологические компоненты**: состояние физического здоровья (объективное и субъективное), наличие или отсутствие инвалидности и др. Биологические факторы – это процессы увядания и ослабления биотонуса организма, психосоматогенные вредности, снижение уровня обмена веществ и функций физиологических систем, физиологическая атрофия мозга, других органов и тканей. Сочетание этих факторов ведёт к падению энергетического потенциала личности, сни-

жению её потребностей, побуждений, активности, инициативы, ослаблению эмоционально-волевых свойств и творческих способностей [5; 12]. Соматическая отягощённость, утрата смысла жизни, чувство одиночества, беспомощность, страх смерти, ипохондрические, невротоподобные, психопатоподобные, психоорганические и сенильно-атрофические расстройства снижают эффективность посттрудовой социализации [11].

Состояние здоровья человека, самооценка своего состояния и собственной изоляции (мнимой или реальной) определяют психологический возраст пожилого человека (отнюдь не метрический возраст) и уровень его социализации [31; 34; 35].

Индивидуальная дезадаптация (десоциализация) связана с невозможностью самообслуживания и удовлетворения элементарных физиологических потребностей и свойств индивида из-за разрушения навыков самообслуживания [16]. В то же время ряд исследований показывает незначительность влияния субъективного старения в отношении здоровья пожилых и продолжительности жизни.

Перечисленные факторы не воздействуют изолировано друг от друга. Так, выявлена взаимосвязь между социальными и биологическими факторами: поощрение участия пожилых людей в общественной жизни может способствовать увеличению физической активности и сокращению времени, проводимого в сидячем положении, с потенциальными преимуществами при хронических заболеваниях [29]. Японские исследователи выявили, что более высокая вовлечённость в общество связана с более низким ри-

ском психологического стресса для пожилых женщин; у пожилых женщин, живущих с другими людьми, более активное участие в жизни общества также было связано с более низким риском психологического дистресса. Поощрение участия в сообществах может быть эффективной стратегией здорового умственного старения [22].

Выявлено положительное влияние на социальное благополучие пожилых людей как социального, так и биологического (физиологического) факторов [26].

Таким образом, теоретический анализ позволил выявить ряд разноплановых факторов, оказывающих влияние на процесс и результат социализации в старшем возрасте. При этом можно констатировать, что изучение этих факторов происходит разрозненно – как правило, каждый фактор изучается в отдельности. Следовательно, существует необходимость изучения факторов поздней социализации в системе для выявления целостной досто-

верной картины развития личности в посттрудовой период.

Заключение

В представленной работе на основе теоретического анализа выявлен ряд факторов поздней социализации: культурные, социальные, экономические, демографические, психологические, биологические факторы. Ограничения, выявленные в ходе анализа литературы, ставят задачу системного исследования факторов социализации в позднем возрасте. Особый интерес представляют дальнейшие исследования когнитивных психологических факторов социализации, таких как субъективный возраст, временной фокус, базисные убеждения и др. Изучение когнитивных факторов поздней социализации позволит более точно выстраивать стратегии поведения пенсионеров для повышения их субъективного благополучия.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов В. А. Характеристика этапов десоциализации личности в пожилом возрасте // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 2. С. 210–227.
2. Дробышева Т. В. Экономическая социализация личности: анализ отечественных подходов к пониманию феномена // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 1. С. 29–39.
3. Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Система факторов экономического сознания в условиях вторичной экономической социализации личности и группы // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 207–232.
4. Елютина М. Э., Климова С. В. Арт-технология в социальной работе с пожилыми людьми: социологическое измерение // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 3 (43). С. 128–137.
5. Жислин С. Г. Очерки клинической психиатрии. М.: Медицина, 1965. 320 с.
6. Замаева З. П. Ресурсно-потенциальный подход в современной системе социальной защиты и социального обслуживания населения России. Пермь: Пермский государственный университет, 2009. 181 с.

7. Зыскина М. А. Геронтообразование как фактор самореализации лиц пожилого возраста // Педагогическое образование в России. 2013. № 2. С. 36–40.
8. Каропова Н. А. Роль образования в социализации пожилых людей (на примере обучающихся в Высшей народной школе ДВГТУ г. образования Владивостока) // Проблемы и перспективы развития образования в России: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / под ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного технического университета, 2011. С. 36–41.
9. Кононыгина Т. М. Концепция геронтообразования в Российской Федерации (проект). Орёл: Редакция газеты «Орловская правда», 2004. 16 с.
10. Краснова О. В. Личность пожилого человека: социально-психологический подход: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2006. 525 с.
11. Макушкин Е. В., Пищикова Л. Е. Аспекты эволютивности и инволютивности в раскрытии онтогенеза позднего возраста // Российский психиатрический журнал. 2013. № 2. С. 50–57.
12. Семке В. Я., Цыганков Б. Д., Одарченко С. С. Основы пограничной геронтопсихиатрии. М.: Медицина, 2006. 526 с.
13. Смирнова Т. В. Культурный и символический капиталы старшего поколения: проблемы реализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 17. С. 156–162.
14. Сорокин Г. Г. Образование пожилых граждан в условиях префигуративной культуры // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2012. № 1. С. 92–94.
15. Социальная работа: теория и практика / под ред. Е. И. Холостовой, А. С. Сорвиной. М.: ИНФРА-М, 2001. 154 с.
16. Ткаченко В. С. Интеграция в Российском обществе людей с инвалидностью: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ставрополь, 2007. 45 с.
17. Третьякова В. С., Шилова С. Н. Проблемы жизненного самоопределения пожилого человека в условиях гуманизации общества // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, 2011. № 3. С. 273–279.
18. Хайруллина Ю. Р., Николаева О. В. Особенности социализации пенсионеров в современном обществе (на материалах конкретно-социологических исследований в Казани) // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 2. С. 262–267.
19. Честюнина Ю. В., Забелина Е. В. Теоретическая модель вторичной экономической социализации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 4А. С. 144–157.
20. Честюнина Ю. В., Забелина Е. В., Трушина И. А. Особенности структуры и содержания экономических аттитудов работающих пенсионеров // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2019. № 1. С. 127–157.
21. Янцен М. А. К вопросу о социализации пожилых людей в процессе социального обслуживания: обзор работ российских // Национальная ассоциация учёных. 2015. № 8 (12). С. 121–124.
22. Amagasa S., Fukushima N., Kikuchi H. Types of social participation and psychological distress in Japanese older adults: A five-year cohort study // Plos One. 2017. № 12 (4). P. 85–97.
23. Clément A. P., Djilas D., Vinet T. Identification and feasibility of social participation initiatives reducing isolation and involving rural older Canadians in the development of their community // Aging Clinical and Experimental Research. 2018. № 30. P. 845–859.

24. Cotton R., Schuster A. M., Seifert A. Social media use and well-being among older adults Shelia // *Current Opinion in Psychology*. 2022. Vol. 45. 12 p.
25. Cornejo R., Hernandez D., Tentori M. Casual gaming to encourage active ageing // *Latin America Transactions*. 2015. Vol. 13. № 6. P. 1940–1950.
26. Galinha I., Pinal D., Lima M. L. The Role of Social and Physiological Variables on Older Adults' Cognitive Improvement after a Group Singing Intervention: The Sing4Health Randomized Controlled Trial // *Psychosocial Intervention*. 2021. Vol. 30 (3). P. 123–138.
27. James W. Principles of Psychology. Vol. 1. London: Macmillan, 1890. 720 p.
28. Kant I. *Metaphysical Foundations of Natural Science*. New York: Cambridge University Press, 1970. 230 p.
29. Kikuchi H., Inoue S., Fukushima N. Social participation among older adults not engaged in full-or part-time work is associated with more physical activity and less sedentary time // *Geriatrics & Gerontology International*. 2017. № 17. P. 1921–1927.
30. Megan E. O., Kristen R., Haase K. S. Grewal Barriers for Older Adults to Maintain Virtual Community and Social Connections during the COVID-19 Pandemic // *Clinical Gerontologist*. 2022. Vol. 45. Iss. 1. P. 159–177.
31. Pinto J. M., Neri A. L. Factors related to low social participation in older adults: findings from the Fibra study // *Journal of Cad*. 2017. № 25. P. 286–293.
32. Santos-Olmo A., Ausín B., Muñoz M. Older adults in social isolation in the city of Madrid: experience of an intervention using the psychological strategy of outreach [Электронный ресурс] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. № 19 (5). URL: <https://www.mdpi.com/journal/ijerph> (дата обращения: 30.03.2023).
33. Santos-Olmo A., Ausín B., Muñoz B. Mayores en aislamiento social en la ciudad de Madrid: Experiencia de una intervención a través de la estrategia psicológica de búsqueda activa // *Psychosocial Intervention*. 2008. Vol. 17. № 3. P. 307–319.
34. Wahl H. Trajectories of attitude toward own aging and subjective age from 2008 to 2020 among middle-aged and older adults: partial evidence of a “COVID-19 effect” // *Psychology and Aging*. 2021. № 7. P. 79–85.
35. Westerhof G. J., Miche M., Brothers A. F. The influence of subjective aging on health and longevity: A meta-analysis of longitudinal data // *Psychology and Aging*. 2014. № 29 (4). P. 793–802.

REFERENCES

1. Belikov V. A. [Characteristics of the stages of desocialization of the personality at an old age]. In: *Emocional'nyi intellekt i emocional'naya kreativnost': specifika i vzaimodeistvie* [Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University], 2019, no 2, pp. 210–227.
2. Drobysheva T. V. [Economic socialization of personality: analysis of domestic approaches to understanding the phenomenon]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences], 2018, no. 1, pp. 29–39.
3. Drobysheva T. V., Zhuravlev A. L. [The system of factors of economic consciousness in the conditions of secondary economic socialization of the individual and the group]. In: *Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [Social and economic psychology], 2016, vol. 1, no. 2, pp. 207–232.
4. Elyutina M. E., Klimova S. V. [Art technology in social work with the elderly: a sociological dimension]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences], 2017, no. 3 (43), pp. 128–137.

5. Zhislin S. G. *Ocherki klinicheskoy psihiatrii* [Essays on clinical psychiatry]. Moscow, Medicina Publ., 1965. 320 p.
6. Zamaraeva Z. P. *Resursno-potencial'nyj podhod v sovremennoj sisteme social'noj zashchity i social'nogo obsluzhivaniya naseleniya Rossii* [Resource-potential approach in the modern system of social protection and social services for the population of Russia]. Perm, Perm State University Publ., 2009. 181 p.
7. Zyskina M. A. [Gerontoformation as a factor of self-realization of the elderly]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2013, no. 2, pp. 36–40.
8. Karepova N. A. [The role of education in the socialization of older people (on the example of students at the Higher Public School of the Far Eastern State Technical University in Vladivostok)]. In: Chernov S. S., ed. *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii: sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Problems and prospects for the development of education in Russia: a collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University Publishing House, 2011, pp. 36–41.
9. Kononygina T. M. *Koncepciya gerontobrazovaniya v Rossijskoj Federacii (proekt)* [The concept of gerontogenesis in the Russian Federation (draft)]. Oryol, Editorial office of the newspaper "Orlovskaya Pravda", 2004. 16 p.
10. Krasnova O. V. *Lichnost' pozhilogo cheloveka: social'no-psihologicheskij podhod: dis. ... d-ra psihol. nauk* [The personality of an elderly person: a socio-psychological approach: abstract of Dr. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 2006. 525 p.
11. Makushkin E. V., Pishchikova L. E. [Aspects of evolutiveness and involutivity in the disclosure of ontogenesis of late age]. In: *Rossijskij psichiatricheskij zhurnal* [Russian Psychiatric Journal], 2013, no. 2, pp. 50–57.
12. Semke V. Ya., Cygankov B. D., Odarchenko S. S. *Osnovy pograničnoj gerontopsihiatrii* [Fundamentals of borderline gerontopsychiatry]. Moscow, Medicina Publ., 2006. 526 p.
13. Smirnova T. V. [Cultural and symbolic capital of the older generation: problems of implementation]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2007, no. 17, pp. 156–162.
14. Sorokin G. G. [Education of older citizens in a prefigurative culture]. In: *Izvestiya vuzov. Sociologiya. Ekonomika. Politika* [Izvestiya vuzov. Sociology. Economy. Policy], 2012, no. 1, pp. 92–94.
15. Holostova E. I., Sorvina A. S., ed. *Social'naya rabota: teoriya i praktika* [Social work: theory and practice]. Moscow, INFRA-M Publ., 2001. 154 p.
16. Tkachenko V. S. *Integraciya v Rossijskom obshchestve lyudej s invalidnost'yu: avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk* [Integration of people with disabilities in the Russian society: abstract of Dr. Sci. thesis in Sociology]. Stavropol, 2007. 45 p.
17. Tretyakova V. S., Shilova S. N. [Problems of life self-determination of an elderly person in the conditions of humanization of society]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University. V. P. Astafieva], 2011, no. 3, pp. 273–279.
18. Hajrullina Yu. R., Nikolaeva O. V. [Features of the socialization of pensioners in modern society (based on concrete sociological research in Kazan)]. In: *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2011, no. 2, pp. 262–267.
19. Chestyunina Yu. V., Zabelina E. V. [Theoretical model of secondary economic socialization]. In: *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and modern research], 2019, vol. 8, no. 4A, pp. 144–157.

20. Chestyunina Yu. V., Zabelina E. V., Trushina I. A. [Features of the structure and content of economic attitudes of working pensioners]. In: *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education], 2019, no. 1, pp. 127–157.
21. Yancen M. A. [On the issue of the socialization of older people in the process of social service: a review of Russian works]. In: *Nacional'naya asociaciya uchonyh* [National Association of Scientists], 2015, no. 8 (12), pp. 121–124.
22. Amagasa S., Fukushima N., Kikuchi H. Types of social participation and psychological distress in Japanese older adults: A five-year cohort study. In: *Plos One*, 2017, no. 12 (4), pp. 85–97.
23. Clément A. P., Djilas D., Vinet T. Identification and feasibility of social participation initiatives reducing isolation and involving rural older Canadians in the development of their community. In: *Aging Clinical and Experimental Research*, 2018, no. 30, pp. 845–859.
24. Cotton R., Schuster A. M., Seifert A. Social media use and well-being among older adults Shelia. In: *Current Opinion in Psychology*, 2022, vol. 45. 12 p.
25. Cornejo R., Hernandez D., Tentori M. Casual gaming to encourage active ageing In: *Latin America Transactions*, 2015, vol. 13, no. 6, pp. 1940–1950.
26. Galinha I., Pinal D., Lima M. L. The Role of Social and Physiological Variables on Older Adults' Cognitive Improvement after a Group Singing Intervention: The Sing4Health Randomized Controlled Trial. In: *Psychosocial Intervention*, 2021, vol. 30 (3), pp. 123–138.
27. James W. Principles of Psychology. Vol. 1, . London, Macmillan, 1890. 720 p.
28. Kant I. Metaphysical Foundations of Natural Science. New York, Cambridge University Press, 1970. 230 p.
29. Kikuchi H., Inoue S., Fukushima N. Social participation among older adults not engaged in full-or part-time work is associated with more physical activity and less sedentary time. In: *Geriatrics & Gerontology International*, 2017, no. 17, pp. 1921–1927.
30. Megan E. O., Kristen R., Haase K. S. Grewal Barriers for Older Adults to Maintain Virtual Community and Social Connections during the COVID-19 Pandemic. In: *Clinical Gerontologist*, 2022, vol. 45, iss. 1, pp. 159–177.
31. Pinto J. M., Neri A. L. Factors related to low social participation in older adults: findings from the Fibra study. In: *Journal of Cad*, 2017, no. 25, pp. 286–293.
32. Santos-Olmo A., Ausín B., Muñoz M. Older adults in social isolation in the city of Madrid: experience of an intervention using the psychological strategy of outreach. In: *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022, no. 19 (5). Available at: <https://www.mdpi.com/journal/ijerph> (accessed: 30.03.2023).
33. Santos-Olmo A., Ausín B., Muñoz M. Mayores en aislamiento social en la ciudad de Madrid: Experiencia de una intervenciyn a travııs de la estratııgica psicolygica de bısqueda active. In: *Psychosocial Intervention*, 2008, vol. 17, no. 3, pp. 307–319.
34. Wahl H. Trajectories of attitude toward own aging and subjective age from 2008 to 2020 among middle-aged and older adults: partial evidence of a “COVID-19 effect”. In: *Psychology and Aging*, 2021, no. 7, pp. 79–85.
35. Westerhof G. J., Miche M., Brothers A. F. The influence of subjective aging on health and longevity: A meta-analysis of longitudinal data. In: *Psychology and Aging*, 2014, no. 29 (4), pp. 793–802.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трушина Ирина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Института образования и практической психологии Челябинского государственного университета;

e-mail: trushina_ia@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5001-5927

Веденеева Екатерина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Челябинского государственного университета;

e-mail: kotia2882@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9970-6163

Артемьева Вероника Алиевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Российского государственного педагогического университета;

e-mail: nika.artemeva@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2999-7740

Телицына Александра Юрьевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры экономики и управления негосударственных некоммерческих организаций НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики»;

e-mail: atelitsyna@hse.ru; ORCID 0000-0002-0186-3989

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Trushina – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Head of the Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University;

e-mail: trushina_ia@mail.ru; ORCID 0000-0002-5001-5927

Ekaterina V. Vedeneeva – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Chelyabinsk State University;

e-mail: kotia2882@mail.ru; ORCID 0000-0002-9970-6163

Veronica A. Artemeva – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., the Institute of Psychology of the Herzen State Pedagogical University;

e-mail: nika.artemeva@gmail.com; ORCID 0000-0003-2999-7740

Alexandra Y. Telitsyna – Cand. Sci. (Biology), Assoc. Prof., National Research University HSE;

e-mail: atelitsyna@hse.ru; ORCID 0000-0002-0186-3989

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Факторы поздней социализации: теоретический анализ / И. А. Трушина, Е. В. Веденеева, В. А. Артемьева, А. Ю. Телицына // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2023. № 2. С. 123–134.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-123-134

FOR CITATION

Trushina I., Vedeneeva E., Artemeva V., Telitsyna A. Factors of late socialization: theoretical analysis. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 2, pp. 123–134.

DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-123-134

[illegible]

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Государственным университетом просвещения выпускается одиннадцать научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.psymgou.ru; www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2023. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчики Е. В. Приказчикова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru

Сайты:
www.psymgou.ru;
www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,5, уч.-изд. л. 9.

Подписано в печать: 30.06.2023. Выход в свет: 30.06.2023. Заказ № 2023/06-02.

Отпечатано в типографии Государственного университета просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А